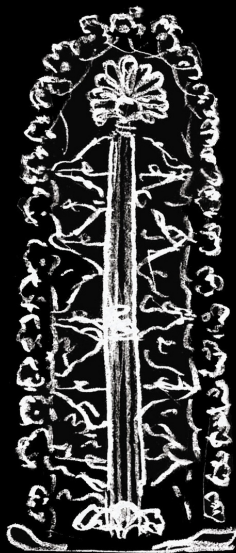

Сергей Коч

...всё во Всём

Сергей Коч ... всё во Всём

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42742055
... всё во Всём / Сергей Коч (Кочуров м.л.): ИДРИС; Москва; 2019
ISBN 978-5-99062-267-8

Аннотация

Сергей Коч (Кочуров) – креативный директор коммуникационного агентства «Аксис», человек с нестандартным мышлением, благодаря чему образы, определяющие характеры и действие в книге имеют живой и нетривиальный вид.

«... всё во Всём» – первое произведение автора, мысль о создании которого зародилась в далекие юношеские годы, а, благодаря многогранному личному опыту и личностному росту, воплотилось в этом незаурядном труде.

Находя вдохновение в мистических знаниях, духовных практиках и точных науках, автор умело переплетает историю развития математики, крутой приключенческий сюжет и романтические переживания героев в крепкий узел, который так интересно «развязывать», листая страницы.

«Научно-приключенческий остросюжетный рыцарский роман» – именно так Сергей Коч определяет жанр своего творения.

Пересекая страны и океаны, главный герой романа – Дэнис Кочетофф – неожиданно оказывается в центре захватывающих событий, происходящих как наяву, так и в череде мистических видений. Грань между фантазиями и явью порой стирается, рождая новые знакомства и столкновения с миром непознанного. Он оказывается в центре противостояния тайных обществ, контролирующих пути развития человечества, и на этой дороге Дэнис встречает свою возлюбленную. Но, потеряв нечто очень важное, приобретает что-то новое, будь это часть абсолютного знания или новые в его жизни люди, которым суждено сыграть определяющую роль в его дальнейшей судьбе.

Читать «... всё во Всём» – это как читать сразу три книги в одной – интересно и познавательно. Интересной книга покажется каждому, так как события ее легко узнаваемы и происходят прямо сейчас.

Содержание

От автора	6
Пролог	8
Гибель Гипсаса[2]	8
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	40
Глава 5	57
Глава 6	65
Глава 7	75
Глава 8	87
Глава 9	101
Глава 10	119
Глава 11	134
Глава 12	152
Глава 13	166
Глава 14	181
Глава 15	191
Глава 16	206
Глава 17	218
Глава 18	232
Часть вторая	241

Гибель Декарта
Конец ознакомительного фрагмента.

241

243

Сергей Коч

...всё во Всём

От автора

Когда в 1995 году я раскрыл подаренную мне книгу, я не подозревал, какое влияние на мое мировоззрение окажут всего два абзаца из более чем 800 страниц энциклопедического изложения эзотерических знаний, собранных М.П.Холлом.

Глава о Пифагорейцах содержала лишь обрывки знания, скрытого в веках. Последующие двадцать лет я жадно искал и собирал по крупицам отрывки, упоминания скрытые и зашифрованные.

Я благодарен судьбе за предоставленный мне шанс зафиксировать идеи. За оказавшихся рядом со мной Олега Тюленева и Татьяну Грачеву, проделавших большую работу вместе со мной.

Я благодарен моим первым рецензентам: Александру Солнцеву, Игорю Шулинскому и Марии Дашевский, поддержавших меня в моем желании всё-таки издать этот роман.

Я благодарен Анне Лебедевой за терпение и предоставленную возможность заниматься работой над книгой. Я благодарен Марии Гаспарян, поддерживающей меня во всём с

момента нашего знакомства и по сей день.

Я благодарен моей дочери, подвигнувший меня своим личным примером и детским бесстрашием начать эту работу.

Я надеюсь, мой читатель простит автору ошибки, присущие новичкам. Я лишь прошу быть внимательным и пытливым. Как в настоящем рыцарском романе, в тексте больше вопросов и вложенных в них предпосылок ответов. Далекое не на всё у автора имеются ответы. И этот роман – послание тем, кто впереди.

Пролог

*«Стоит столик на четырех ножках;
Стоит, крепко держится.
Не упадет столик на четырех ножках.
Скорей – упадет человек.
Ведь у человека всего две ноги.
И упасть ему очень легко».*

(Долгин Ю.И.¹)

Гибель Гиппаса²

Ветер был попутный, и половина гоплитов спокойно ждала своей смены. Бирема, недавно построенная и богато отделанная на деньги торговца Суцепия, лихо резала волны Эгейского моря. Отряд возвращался домой. До пристаней Коринфа осталось не более дня пути. Эллины и наемники не пострадали в этом походе, но и прибыли он не принес. Македонские и спартанские биремы и пентеконторы спокойно

¹ Долгин Юлиан Иосифович (1912–2002) – литератор, поэт, философ, математик. Знарок учения Пифагора, поэзии Хлебникова, творчества Рерихов и трудов Блаватской, таинственный и романтический посланник «серебряного века».

² Гиппас из Метапонта (Hippasos) (основная деятельность – V в. до н. э.). Философ-пифагореец, который, судя по всему, был наказан за то, что раскрыл математический секрет пифагорейцев.

прошли мимо, никому не нужна была схватка. Люди мучились бездельем, и от этого нарастала злость друг на друга.

– Где Боги спрятали тебя, Гиппас? – прогремел голос командира похода Карпоса. – Ты нам второй день не рассказываешь, как закончится наш поход, будут ли Боги неба и моря милостивы к нам. Где ты?

– Он снова под палантинном, рисует? – сказал кто-то из шести возлежащих на отдыхе гребцов.

– Мне надоел этот астроном, от него никакого толка! Только ест и рисует свои бестолковые квадраты! Кеней, Ператл, со мной, – скомандовал командир.

Двое нехотя поднялись и, чтобы придать себе воинственности, застегнули ремни на железных нагрудниках.

Откинув полотно, натянутое от борта до борта, Карпос указал на крохотного и худого бородача, который сжимал в руках ворох высушенных пальмовых листьев, полностью исчерченных линиями и символами. Глаза маленького человечка радостно сверкали.

– Карпос! Да видят Боги, Карпос! Я нашел! – громко закричал он.

– Что ты мог найти? Гиппас, мы не дали тебе ни папируса, ни угля! Мы прошли за семь лун путь до Мегара, Керамика, Анатолии, а ты ни разу не помог нам! Да, Боги милостивы, но не к тебе, а к нам. Откуда ты взял папирус?

– Выпросил у меня в Анатолии. Смотри, Карпос, теперь все строители могут использовать этот алогос и больше не

ошибаться. Мне все говорили, что его нет. Вот он! – Маленький Гиппас практически танцевал от собственного восторга.

Карпос в Керамике взял на борт несколько ученых людей, которые сейчас все вместе подошли к воинам, держащим за локти восторженного астронома. Один из них, самый высокий, обратился к командиру:

– Карпос, разреши нам посмотреть на рисунки этого человека, я вижу, что он принадлежит к нашей, пифагорейской школе, а я сейчас возглавляю группу нашу и мы точно определим, ценны его слова или нет. Меня зовут Ферсит и я тоже из Метапонта, откуда и твой астроном. Там он тоже не имел успеха.

– Смотрите быстрее! – злясь, что не понимает и половины слов, прорычал Карпос.

Ферсит взял листья из рук растерявшегося Гиппаса.

– Посмотри сам, Ферсит, вот эта пентаграмма! Я считал ее десять дней, почти не спал и все сошлось! Я верю, что это так!

Люди Ферсита столпились вокруг него. И загудел разговор. Громкость его все усиливалась. Лица пифагорейцев хмурились. Стали появляться резкие жесты и окрики. Потом Ферсит собрал листья в свои руки и подошел к командиру. Лицо его было хмуро.

– Послушай, Карпос! Этот человек выдает себя за ученого и астронома, я знал его ранее, он действительно был пифагорейцем, точнее, называл себя так. Сейчас мы видим, что

он колдун и молится Аиду. Он нарушил святую целостность единой линии чисел. Это недопустимо. Если ты видишь на этих листах папируса звезды, то сможешь ли прочесть то, что он написал?

– Не смогу и не собираюсь! – прогремел уже разъяренный командир эллинов. – Что ты хочешь от меня?

– Выбрось его в море, иначе наведет горе он на тебя, твою команду, и судно погибнет. А я и мои люди сделаем для тебя все расчеты до самого Коринфа, – спокойно ответил глава ученых.

– Да будет так! – принял решение Карпос. – За борт его!

И махнул рукой своим солдатам, которые легко подхватили маленького Гиппаса и потащили к борту. Сам Гиппас с отвращением смотрел только на своих бывших сподвижников и, не издав ни одного звука, гордо подняв голову и сжав губы, смиренно готовился к казни.

Часть первая

Глава 1

Ну почему телефон звонит, когда в руках тяжести? Мне пришлось поставить любимую дорожную сумку на ближайшую скамью и достать дребезжащего помощника. Звонила Джессика. Как знала.

– Привет, Джесс! Я еще в Гоулберне, – слышу, как она улыбается своей особой улыбкой. – Рад тебя слышать!

– Хелло, Путник, не потерял свои драгоценные рюкзаки? Двигайся в аэропорт и приезжай ко мне, я нашла на тебя два заказа. На выбор.

Дышит восторженно, может, действительно что стоящее подвернулось?

– Если такие же, как в Брисбене, то лучше не надо, – пытаюсь сделать обиженный голос. – Хотя я готов сейчас братья за всё подряд.

– Не пытайся вымолить извинения, их не будет, – почти смеется. – Вылетай из Сиднея. Билет на стойке ждет тебя.

И со смешком отключается. Знает, как я не люблю эти ее деловые выкрутасы – билеты, шоферы, лимузины. Сказал пять слов, а устал, как 5000 метров пробежал. Хотя здесь, на южном краю света, всё еще в футах и дюймах считают. Ну,

тогда 5000 ярдов.

Просто падаю, а не сажусь на скамейку и снимаю очки; солнце этого жаркого австралийского лета спряталось за деревьями. Поправляю, чтобы не упали, рюкзаки.

Итак, что мы имеем? Я в парке крохотного пригорода Сиднея, сижу на лавке. Меня ждет информация от Джесс. Может, и подкинет мне более привлекательный маршрут археолога, чем тот, что вышел здесь? Поверили мошенникам, потратили времени месяц и много денег, а оказалось, что никаких артефактов нет. Подделка. Качественная, громкая, красиво завернутая в слои почвы, но подделка. Забудем.

«Парк «Виктория» – как неоригинальны местные жители. Компактный и красивый, ухоженный, как поле для гольфа. Справа от меня больница «Гоулберн Бейс», слева – маленькая и наверняка уютная местная тюрьма. Потрясающе! Весь город – отличное место, чтобы прожить жизнь с детьми в домике с красной крышей, почти как в европейских городах, лечиться в местной больнице, быть наказанным за «пьяный руль» и провести десять суток в краснокирпичном заточении. Всё рядом. Почти на одной улице. Но нет у меня ни постоянного дома, ни семьи, ни детей. Постоянны только полеты – разезды, гостиницы— палатки... Да и в паспорте уже больше консульских вклеек для виз и печатей, чем было страниц при получении. Можно сказать, что паспорт – это самая толстая книга в моем багаже. Никогда я не видел себя ни игроком в петанк, ни добрым бургером, ни многодетным

папашей в одном из Диснейлендов. Хотя вот эти карапузы на лавке напротив мне определенно симпатизировали. Они так жизнерадостно ели фруктовый лед, что глаза невольно искали ларечника с замороженными молочными сладостями.

Позади скамейки – площадка для собак, на которой почти 20 лет назад выгуливала своего черного лабрадора Иванка – мой яркий и короткий студенческий роман. Тогда я увлекся психологией и приехал на курс профессора Энтони Харрисона в Сиднейском Университете из своего Калифорнийского в Беркли. Там-то и села рядом со мной черноволосая славянка из еще целой тогда Югославии. У нее был старенький «жук», на котором мы и поехали сюда, на Файтфулл-стрит, дом 151, где поселились ее родные. Собственно, так я и попал из Брисбена в этот городок. Решил зайти, посмотреть на прошлое. Но прошлое ускользнуло. Нынешние жильцы сказали, что они переехали куда-то на север страны, а Иванка вроде нашла работу где-то в Европе. Только дом тот же, оливкового цвета, с настоящей черепичной крышей. Точно. Вот оно – то, что проходит сквозь года, века и тысячелетия, – черепки! Уж мне-то не знать!

Малыши, сидящие напротив, тоже обратили на меня внимание. Интересно, сколько им? Года по три-четыре? Светленькие, большеглазые, с круглыми сытыми детскими щечками. Хохочут что-то. Половина слов на их детском уникальном языке. У девочки яркие синие глаза, даже с 8 метров виден их цвет. Вот она помахала мне рукой. Я улыбаюсь в

ответ и поднимаю руку. Мальчишка тоже повернул ко мне голову и стал неловко слезать с лавки. В профиль мне показалось, что у него необыкновенный нос, остренький, как у птички, немного загнутый вниз. Вот он повернулся ко мне, высоко поднял в моем направлении недоеденную холодную сладость и медленно, вразвалочку, поковылял ко мне. Когда до меня оставалось около метра, он перестал улыбаться, нахмурил свой острый носик и жутковатым, уж точно не детским, шипением, по слогам, четко и тихо проговорил:

– НЕ С-с-с-МЕЙ! НЕ СМЕ-Е-ЕЙ!

Эти слова прозвучали во внезапно наступившей абсолютной тишине. Как будто выключили все звуки вокруг. Ни птиц, ни ветра, ничего. А он медленно развернулся и со звонким смехом побежал обратно. К своей хохочущей подружке. Он влез обратно на скамейку и явно потерял ко мне интерес.

От неожиданности меня словно парализовало. В ушах стоял звон от тишины и от этого голоса. Не могу сказать, что я испугался насмерть, но волна холодного болезненного ужаса вместе с огромными мурашками прошла по моему телу от кисти левой руки до пальцев правой. Потом через ноги ушла куда-то в землю. «Заземлился», – почему-то пришло в голову. Медленно вернулся обычный шум городского парка.

Все-таки – нет, могу сказать. Он меня напугал. Сильно. Даже смотреть в их сторону расхотелось, хотя детское щебетание продолжалось, как и раньше. Ощущение такое, что ты сам на мгновение стал мороженым. Хорошо, что без палоч-

ки обошлось.

«Вот так. Пора собираться. Уже детей стал бояться», – единственные мысли, которые пришли в голову.

Выйдя из этого оцепенения, я накинул оба рюкзака на плечи, схватил сумку и, стараясь не смотреть на звонкую парочку, пошел в сторону Клиффорд-стрит, где всегда было много такси. Весь путь до выхода на оживленную улицу мне казалось, что глаза над остреньким носом постоянно смотрят мне в спину.

Глава 2

– Мистер Дэннис Кочетоф? – внимательно глядя мне глаза и дежурно-мило улыбаясь, пропела смуглая, явно из аборигенов, девушка за стойкой. – Вам забронирован билет в первый класс, «Юнайтед Эйрланс»*, рейс 840, вылет в 9:45 завтра утром, прилет в аэропорт Лос-Анджелеса в 6:30 по североамериканскому времени послезавтра. Вас устраивает?

– Конечно, спасибо, – надев такую же пустую улыбку на себя, ответил я. Вариантов более комфортно провести время до вылета всё равно не будет. А в ночное время из Сиднея вылетов нет.

Пока трещал принтер, печатая мой талон, я снова, как и в каждом аэропорту мира при каждом долгом вылете, подумал, как чудесно устроен наш маленький шарик – летишь чуть больше 12000 километров, почти 13 часов внутри огромной летающей железной рыбы, а по календарю выходит 21 час. Интересно, я так молодею, или наоборот? Куда мы тратим эти «потерянные» часы?

Взяв талон, я встал в очередь таможни, где пожилой рыжеволосый служащий внимательно осматривал всех входящих и направлял к свободным сотрудникам. Он явно любил свою черно-серую форму, постоянно осматривая, не появились ли ненужные складки от его резких движений.

– Сэр, кто вы и куда направляетесь? – спросил он, выводя

меня из задумчивости.

– Лос- Анджелес, пассажир, – стандартной фразой ответил я и пошел к указанному окну.

Новый таможенник оказался тоже рыжеволосым, да таким, что я невольно обернулся на распределителя, чтобы их сравнить. Кто ярче?

Юнайтед Эйрланс – United Airlines, UA-840, Американская частная авиакомпания.

– Смотрите сюда! – окликнули меня резко из окошка. Я повернулся и протянул ему документы. Он уважительно взял мой распухший паспорт, два-три раза еще посмотрел на меня, и, найдя чистое место, шлепнул очередной штамп. – Хорошего пути!

* * *

Еще раз улыбнувшись, я кивнул и прошел через вертушку в свободную зону аэропорта Кингсфорда Смита. Таможенник в окне по яркости волос выиграл с явным преимуществом.

Изучив символы на посадочном талоне, я встал на бегущую дорожку в сторону зоны «В» и стал высматривать вывеску с надписью «Юнайтед» – до вылета еще одиннадцать часов, надо отдохнуть от такого эмоционально трудного дня.

Под вывеской двухцветного герба Юнайтед Эйрлайнс меня ждала очередная процедура проверки. Узнав, что из бага-

жа мне не понадобится в полете, остальное погрузили в специальный кейс, на котором выставили номер рейса и код с посадочного талона, а потом увезли. Меня проводили в такой же двуцветный, как логотип компании, зал ожидания. Я выбрал себе комнату и обрадовался, что мебель в ней просто бежевого цвета, не такая яркая, как всё вокруг. Поставил дорожную сумку и взял буклет, объяснявший мне все преимущества временного здесь нахождения. Помимо бесконечных и бесплатных услуг бара и двух небольших ресторанов «а-ля карт», мне был доступен мини-кинотеатр с практически безграничным выбором видео, музыкальный портал, библиотека и прочие доступные в ограниченном пространстве развлечения. Я отметил про себя библиотеку. Уж очень хотелось посмотреть, чем снабжают в подобных местах гостей. Слегка перекусив и выпив по привычке, несмотря на позднее время, двойной и очень крепкий кофе, заказав в свое временное пристанище орешки и бутылку минеральной воды, я вышел в поисках библиотеки. Услужливый бармен указал мне направление и я, поднявшись на второй этаж, оказался в небольшом зале. Зал делился ярко подсвеченной полосой в полу на две равные части. Прямо, как в самолете. Справа был лаунж-бар с тягучей негромкой музыкой, а слева было видно несколько стеллажей с книгами. К ним я и направился.

Проводя рукой по корешкам потрепанных и не очень книг, я с каким-то удовольствием отмечал, что при нали-

чий различной беллетристики, детективов, хоррора и прочих развлекательных, здесь была неплохая подборка фантазийной и научной литературы. Энциклопедии, словари, труды различных известных и неизвестных мне людей. Некоторые книги совсем не передавали понятия о своем содержании, поскольку были написаны на незнакомых мне языках. С радостью увидел книги на русском, узнал греческий, испанский, французский и еще несколько языков. Как символ любого аэропорта, здесь была особая смесь разных знаний, философий и народов.

Всех размеров и форматов, расцветок и уровня зачитанности, с золотыми тиснениями и совсем без обложек, мягкие и жесткие, они явно хотели, чтобы их хоть кто-нибудь нашел и взял в руки. Но легкая пыль на полках говорили об одном – сюда заглядывали редко. Да и на всем втором этаже я был, похоже, в одиночестве. Хотя и во всей вип-зоне было, по моим наблюдениям, не больше 10 человек.

Так на чем же остановиться? Чтобы и время убить, и непременно уснуть с книгой в руках? Забить мысли последних дней чужими словами и образами. Вот и зацепимся за слово «образы». Я стал искать глазами обычные комиксы, которых так и не начитался в своем американском детстве, предпочтя учебу рассматриванию картинок. Я попытался вспомнить, сколько же всего я прочел...

Я родился в России, тогда еще РСФСР, но в возрасте семи лет остался в неполной семье, почти один. Мой отец погиб по пути домой, когда в геологический автобус врезался груженный песком грузовой автопоезд. Он работал на изысканиях ценных пород в Заполярье, и его смены длились по шесть-восемь месяцев. Я его даже не помню. Только тень в памяти. Городок Усть-Илимск, на холодной Ангаре, где я появился на свет, совсем не располагал к каким-либо воспоминаниям. Об отце не осталось даже записей. В моей метрике там стоял прочерк. Об этом я узнал позже, когда переезжал в Америку. В незнакомый и другой, непривычный мне, и такой далекий мир. Моя мама, по моим воспоминаниям, сразу стала искать новую партию для брака. И успевала работать на двух работах. Она погрузилась в процесс поиска нового мужа полностью, до конца. На меня не осталось ни тепла, ни слов. Только письма, письма, письма. Мне она всегда объясняла, что «это все только для твоего будущего». Я замкнулся тогда, и моими самыми близкими друзьями стали книги. Все, что были на полках. Полок было много. Учебная программа не радовала разнообразием, поэтому я брал почти все книги подряд. Выменянные на сданный бумажный мусор – макулатуру, они надолго стали моими немymi собеседниками и наставниками. Потом появился Остен. Новый

«Па», многодетный отец. «Пример благотворительности для всего человечества» – две такие вырезки из местных газет висели в гостиной его дома. Он «искал и нашел маму по программе слияния одиноких родителей». Такова была официальная версия. Они поженились, и мы переехали в Канаду. Мне уже исполнилось тринадцать с половиной лет. Я получил приставку к фамилии – Брискинц. Кочетов-Брискинц. Звучало, как фамилия композитора или ученого. Через полтора года мама умерла. Ей поставили диагноз «синдром внезапной смерти». Не проснулась утром и все. Трудно описать мои чувства в почти пятнадцать лет. А еще через полгода Остен привел нам «новую Маму». Марианну. Она была своенравной и деспотичной женщиной, у которой тоже было двое детей-близнецов трех лет. Но она желала одного – не видеть никого из нас. Я почти никогда с ней не разговаривал, а она ничего не говорила мне. И продолжал читать. Позже, когда оказалось, что все восемь детей, включая малышей Марианны, не являются детьми ни ее, ни Остена, а все это – тонкая махинация, был небывалый шум по всей Канаде. Наш ставший родным Виннипег гудел, как осиное гнездо. Они, Остен и Марианна, были международными мошенниками, знакомыми друг с другом со времен колледжа. Они усыновляли детей из разных стран, получали на это пособия и гранты. Но тратили совсем не на нас, а на создание местной финансовой пирамиды. Покупая недвижимость по подложным документам, они попались, и через три месяца судебных раз-

бирательств их посадили в тюрьму, а нас – восемь детей от 5 до 15 лет – определили в разные интернаты. Было подозрение, что Остен был причастен к смерти жен, всех четырех, но доказать не смогли. Но он все равно получил тридцать пять лет тюрьмы без права на досрочный выход. Что стало с Марианной, меня вообще никогда не волновало. Нас восьмерых разбросало по всему американскому континенту, кого-то определили в США, как меня и еще двух моих названных братьев, а четыре сестры и старший из собратьев остались в Канаде. У меня спросили, буду ли я носить фамилию своих прежних родителей дальше? Я сразу от нее отказался. Там, в Рапид- Сити, Южная Дакота, меня и записали Дэннис Кочетоф, немного изменив на американский лад. Причем, на тот же лад, стали ставить ударение на «е». Так я и зафиксировался, как Кочетоф. Еще через шесть месяцев меня нашла семья русских эмигрантов, Михаила и Нины Малокешин, уже возрастная семья евреев, которая поехала за лучшей жизнью в Америку в середине 80-х. Но они потеряли своего сына, когда ему исполнилось 11. Он с одноклассниками весело отмечал переход в среднюю школу. Кто-то из них принес бутылку крепкого алкоголя, он выпил немного и задохнулся от аллергии. Они много плакали по всем праздникам и годовщинам, но я всегда смотрел на них со стороны и не мог принять их глубокого горя. Жили мы неплохо, хотя Михаилу пришлось сменить род занятий, и он переквалифицировался из автомеханика, которым был в России, на ре-

монтника газового городского оборудования. Нина никогда не работала в России, а здесь ей поступала большая пенсия из Германии за то, то ребенком она некоторое время провела в фашистском концлагере на территории Польши. После переезда она подрабатывала сиделкой и временной медсестрой в одном из госпиталей. Вообще, что в Канаде, что в Америке, было довольно много русских, и мне удалось сохранить язык, а самое главное, что были книги. Все самые интересные книги в жизни я прочел на русском. За всё это время мне так и не захотелось посетить могилу матери или разыскать данные о настоящем отце.

* * *

Еще раз осмотрев стеллажи с книгами, в конце одного из них я увидел знакомый потрепанный формат. Подойдя, я понял, что сюда точно постоянно заглядывают гости – так много и в таком плохом состоянии были сложенные в пачки комиксы. Почти всех супергероев можно было здесь найти. Сверху лежала подшивка про Флеша, суперчеловека, который нарушал собой все законы физики. Подняв комиксы, я увидел книгу в черной обложке. Она лежала под комиксом и сразу привлекла мое внимание. Я взял и ее. Она была теплой и приятной на ощупь. На обложке с белой полосой, по-русски, было написано: Стивен Хокинг «Краткая история времени». Забавно, что суперфизик, бездвиженный

болезнью и прикованный к своему креслу, «прятался» за комиксом про супергероя со сверхскоростью. Вот Хокинга я и возьму. Никогда не читал. Не люблю физику. Но будет интересно полистать. А уж усну гарантированно. Еще забавнее было то, что в баре сейчас звучала музыка Пинк Флойд, из их последнего альбома. Как раз та композиция, где своим электронным голосом солирует Хокинг.

Правда, в этой стопке была еще одна толстая книга, отличная от комиксов. Она торчала из-под соседнего набора картинок. Я подвинул ее к себе и внимательно посмотрел на обложку. Имя автора был мне незнакомо, название растянулось на нечитаемые три строчки, но главное – обложка была полностью покрыта слишком откровенными эзотерическими символами. Вот оккультизма мне как раз не хватало после случая на скамейке. Из всех строчек названия в голове задержалось только имя – «Пифагор». Я вспомнил, с каким восторгом о нем отзывался мой последний профессор, Джоэл Монтесе, многие факты из современной жизни объясняя наследием этого древнего грека. Почитать про него могло бы быть интересно, и я положил руку на книгу, но она была холодной и отталкивающей. Вопреки ощущениям, открыл и увидел, что написана она на четырех языках одновременно. Нет, только не сейчас. Здравый, материалистичный и обладающий, как я слышал, отличным даром слова и чувством юмора Хокинг – вот что мне нужно было сейчас.

С «Краткой историей» в руке я спустился к своей комнат-

ке, где меня уже ждал поднос с напитками и ваза с разнообразными орехами. Я скинул всю надоедавшую и так помогающую в экспедициях верхнюю одежду туриста и свои истоптанные дорожные ботинки и так, в одних многокарманных брюках, влез в огромное кресло-кровать. Нажал кнопку деформации, и кресло стало превращаться в лежанку, изгибаясь одновременно в четырех местах. Когда мне стало удобно, я отпустил кнопку. Сзади горел мягкий свет, удобный для чтения. На тумбочке слева предусмотрительно лежал плед и пара небольших подушек, которые сразу переключали мне под шею. В этот момент вновь раздался звонок телефона.

– Привет. Ну что, Дэн, как устроился? – снова проявила свою осведомленность Джесс. Раньше меня это удивляло, но потом я понял, что современный мир позволяет мгновенно получать информацию практически обо всем. – Жду тебя завтра.

– Послезавтра, – машинально поправил я. – И привет тебе тоже. Уже готовлюсь спать. Кстати, сегодня встретил странного мальчишку.

И я подробно и со всеми деталями рассказал своей знакомой о сегодняшнем пережитом внезапном кошмаре.

– Ты серьезно? На тебя не похоже. Тебя раньше мало что могло напугать. Ни медведи с анакондами в палатках по утрам, ни падение вертолета в Андах, ни пожар у твоих Малокешин. Ничего не производило на тебя такого впечатления. А тут трехлетний парнишка, – с явным напряжением в

голосе быстро проговорила Джессика. – И про скорый сон мне не рассказывай. Знаю, что по ночам у тебя просыпается второе дыхание к жизни. Придется увидеться. Поговорить.

– Не знаю, Джесс. Сам не понял. Впечатление жуткое, вот и всё, – мне почему-то расхотелось говорить дальше. – Прилечу, позвоню.

– Хорошо, жду, – еще более холодно проговорила она.

Я нажал на отбой и подумал, что Джесс – единственный человек, который меня знает по моим собственным рассказам, возможно, даже лучше меня самого. Ведь даже психолог, поставивший мне когда-то в Беркли диагноз «детская травма привязанности», не слышал и сотой части всех моих рассказов про себя, впечатлений и отчетов о поездках по миру. Психолога мне посоветовали сразу после смены четвертого университета. Это так модно в Америке. Если ты непонятен – иди к психологу, он сделает тебя понятным или поможет стать понятным для других. За деньги. Вот так и я после первого же посещения выслушал свой диагноз, заплатил восемьдесят долларов по счету в приемной и вернулся домой. Чуть позже, выстраивая воспоминания о прошлой своей жизни и моему отношению ко всем в ней участвовавшим, я понял, что психолог был прав. Ни к чему и ни к кому за всю мою жизнь я не сумел прирасти ни одним из чувств. Возможно, я, наверно, ждал пинка от мира и природы. А тогда просто выкинул назначение на еще одиннадцать сеансов и больше там никогда не появлялся. Потом появилась Джесс,

которая с вечным терпением и, как мне казалось, с особой благодарностью, выслушивала короткие и длинные мои рассказы обо всех абсолютно перипетиях жизни. Вот уже много лет.

Я еще раз привел в максимально удобное положение свое тело, подоткнул подушки так, чтобы шея не уставала, и открыл книгу. На удивление она так и осталась теплой. Видимо, свойства материала обложки давали такое чудное тактильное ощущение. Я начал читать.

Поначалу в книге не было ничего сложного, да и особенно нового не было для человека с таким большим количеством «нетехнических» образований, как у меня. Хотя и законченных до конца факультетов я бы тоже перечислить не смог. Полтора года Технического Массачусетского Института с его факультетом «Машины и производство» считать не будем. Конечно, я не ставил себе цель изучить творчество современного гения за ночь, поэтому выбирал главы не подряд, а случайным способом. Если бы меня через десять минут попросили рассказать всё это самому, я бы, пожалуй, только промычал какую-нибудь банальную ерунду, но, прочитывая очередной абзац, с удовольствием отмечал про себя – я это уже знаю. Потом речь пошла о суровых и трудно произносимых теориях развития звезд и Вселенной – а усталость брала свое – и я стал то и дело терять нить прочитанного.

Споткнувшись в очередной раз на слове «сингуляр-

ность³», я осмысленно прочитал, что Хокинг с неким Пенроузом доказали, что «должна существовать сингулярная точка Большого Взрыва» и сделали это, опираясь только на то, что «верна общая теория относительности и что во Вселенной содержится столько вещества, сколько мы видим».

Я отложил книгу и посмотрел вокруг. Даже решил себя ущипнуть. Я реально читаю это? Пенроуз? Кто такой Пенроуз? Кажется, изрядное количество страниц не достигли моего сознания. Я, наверно, просто листал их, уже засыпая. Но я же пока не сплю... Открыл книгу снова на несколько листов назад. А, вот: «Роджер Пенроуз, английский физик и математик. Он доказал, что когда звезда сжимается под действием собственных сил гравитации, поверхность ее в конце концов сжимается до нуля. А, раз поверхность сжимается до нуля, то же самое должно происходить с ее объемом. Когда всё вещество звезды будет сжато в нулевом объеме, то ее плотность и кривизна пространства-времени станут бесконечными. И в некоей области пространства-времени возникнет черная дыра».

Дальше автор писал, что он понял, «когда можно изменить направление времени на обратное, так, чтобы сжатие перешло в расширение, то предположение Пенроуза будет также верно». Вот оно как!

³ В философии слово «сингулярность», произошедшее от латинского «singulus» – «одиочный, единичный», обозначает единичность, неповторимость чего-либо – существа, события, явления.

Я попытался прочитать это еще раз и отложил книжку опять. Автор понял. Я – нет. На часах был третий час ночи.

Как все эти ребята могут так легко рассуждать о таких вещах? Бесконечность, нулевой объем, обратный ход времени, эта самая сингулярность – ведь это не укладывается в сознание человека. Или они знают что-то «такое»? Может просто привыкли жонглировать словами и пользуются ими, не пытаясь постичь, что они значат?

Поймал себя на том, что пытаюсь представить себе бесконечность. Вообразить ее. Поначалу это было просто. Ну, бесконечность. Что тут непонятного? Но стоило позволить воображению идти все дальше и дальше, как внутри начинал расти какой-то холодок, парализующий и ужасный. А ведь я испытал его совсем недавно – когда услышал того мальчика в парке.

К счастью ли, нет ли – но мне не удалось уйти мыслями в неведомые глубины. Мозг работал вяло. Скорее он спал, а остальные ресурсы организма еще держались. Вместо того, чтобы воображать черную бесконечность, я представлял приятную, нежную, дарующую отдых темноту. Сон наваливался на меня с неодолимой силой.

«Кстати, что же это такое – "сингулярность"?, – выдало мне сознание напоследок, и я погрузился в сон.

Глава 3

Сон состоял из голосов. Из нарастающего гула, как перед спектаклем. Пока зрители рассаживаются по местам, шелестят программками и принимают удобное положение на длительное время, этот шум нарастает. Потом, как по команде зал замирает. И выходит артист...

Здесь артистов не было. Я сидел в центре огромной сцены, готовый начать действие, в руках у меня был деревянный молоточек аукциониста и медная буддийская тарелка, испещренная надписями и знаками. Я точно знал, в какой момент надо ударить в нее, чтобы зал замер. И ждал.

Слева и справа стояло по большому прозрачному креслу-полуяйцу какого-то немислимого дизайнера. Между креслами стоял небольшой, как для игры в шахматы, стол. В каждом из кресел, друг напротив друга, сидели два человека. Один, худой и высокий, опутанный проводами, держал одну руку на черной книге, судя по полосе, именно ее я и читал. Было похоже, что он нервничает перед своим оппонентом. Второй сидел спокойно, ничто не выдавало его волнения, он смотрел на первого, слегка улыбаясь, и было видно, что именно он здесь главный. Одет он был на какой-то восточный манер – в широкие штаны и легкую свободную накидку. Голова была обернута, как у индийцев, в тонкую ткань, но в два оборота, не более. Из-под ткани были видны

волнистые длинные волосы. На лице прекрасно подстриженная аккуратная борода, черная, как смола. Первый же был в строгой английской тройке, только без галстука, что не мешало торжественности и его явному нетерпению. Я точно знал, что это Хокинг. Личность второго оставалась загадкой. Мысленно я дал ему прозвище «Знаток». Они внимательно смотрели только друг другу в глаза. Изучали. Я знал, что сейчас начнутся дебаты, от которых зависит судьба каждого из них и, что самое неожиданное, моя тоже.

Зал достиг максимального звука, который уже был физически неприятен, и я ударил по тарелке. Хрустальный мелодичный звон, как казалось, выбросил все остальные звуки из помещения. Зал замолчал в ожидании действия. Людей не было видно, только общая серо-коричневая масса с редкими яркими пятнами. Лица отсутствовали. Стояла звонкая тишина.

И они заговорили. Абсолютно неподвижный телом Хокинг говорил неестественным, механическим голосом, его речь будто была пропущена через некое невидимое устройство. Речь другого текла плавно и важно, как будто голос был продолжением его личности, так тембр соответствовал его виду. Можно сказать, что чуждое мне ранее выражение «бархатный голос», приобрело воплощение, настолько приятным и теплым он был.

– Стивен Уильям Хокинг, так называли меня родители. Я счастлив видеть тебя. И ждал этого с самой первой кни-

ги, где прочитал о тебе, – механический голос проскрипел в абсолютной тишине, звон которой только усилился. Глаза говорившего увлажнились.

– Дельфийская Пифия дала мне имя, которым нарекли родители и меня, – обволакивая зал, проговорил «Знаток». И продолжил: – Нам всегда видна нужда таких, как ты. И иду к тем, кому необходим, кому доступны ключи от дверей, закрытых для прочих. И я знаю тебя. И напротив тебя сейчас.

– Мне сложно понять то, что ты пытаешься объяснить, но есть много вопросов, на которые мне нужны ответы, ведь я могу не успеть! – резкие неживые ноты врезались в пространство, как иглы.

– Не сложнее того, что объясняешь ты. Ведь сам задаешь вопросы, а сумеешь ответить на них? – словно выровняв голосом израненное поле звуков, проговорил бородач. – Ты действительно считаешь, что у Вселенной было начало во времени?

– Эксперименты, наблюдения действительно подводили меня и моих коллег к мысли о том, что так должно быть. И нам с Роджером удалось это доказать, – в искусственном голосе стали появляться человеческие нотки. – Как нам узнать теперь – при возникновении Вселенной была ли особая точка сингулярности? В свое время я посвятил немало усилий тому, чтобы убедить в этом ученых. Возражения слышал всегда. Теперь следовало, что Эйнштейн и теория

относительности неполна, а, что еще невозможнее, она может быть неверна совсем. Его теория красива и практически идеальна. У нее много поклонников. Но не я. Я и в растерянности, но и в поиске сразу.

– Такие, как ты, всегда считают, что словами могут ответить на этот вопрос. Мне знакомы твои чувства. Я не раз переживал восторг, когда в очередной раз мне открывалась гармония мысли, и страдал от разочарования, когда в ней обнаруживался изъян, неполнота. Как путник, идущий в гору, я видел перед собой кромку земли и ясное небо над ней, думая, что это конец моего пути. Но я подходил ближе, и граница земли и неба оказывалась очередным плато, за которым следовал новый подъем.

– Красивое сравнение. Это как раз то, что случилось с нашей теорией. Спустя какое-то время я понял, что при учете всех эффектов эта точка может исчезнуть. Меня натолкнули на эту мысль выводы квантовой механики. Одна теория показала не то, чтобы неполноту, но некую ограниченность средств другой. Впрочем, это не противоречит основной идее – идее существования начальной точки, – механический голос практически растворился в нормальном человеческом. Только мелкие пощелкивания и хрипы электроники вмешивались в звук.

– Видишь ли сам ты, что нарушаешь главный постулат о бесконечности Вселенной в пространстве и во времени. Твоя идея противоречит этому простому понятию, все ученики

знают это с момента входа в мой дом в Кротоне.

Эти двое говорили между собой, как старые знакомые. Из первоначального зрителя, который сидел в первом ряду и ничего не понимал поначалу, я с каждой звучащей фразой осознавал одновременную простоту и сложность происходящего. Я мог дотянуться до каждого из них, но их беседа завораживала. Тишину в паузах ничто не нарушало.

– Может быть, поэтому идея эта и пробивала себе дорогу с таким трудом. Идея бесконечности так удобна. Она позволяет не задумываться о каких-то вопросах. Точнее, о главном – о происхождении Вселенной, – тут с Хокингом стали происходить совсем уж странные метаморфозы. Спина его выпрямилась, голова, немного скошенная вправо, поднялась, щеки выровнялись. На них появился румянец. Рука, вначале безвольно лежавшая на его книге; сжала корешок, и я видел, как надуваются вены на руках от волнения. Он продолжил: – Вселенная бесконечна и существовала всегда – это принимается как данность. Если допустить, что Вселенная все-таки «произошла», возникает множество других загадок. В том числе первая – что было до этого. А если ничего не было – то чем является это ничто? Наше сознание протестует, когда ему требуется осмыслить что-то, чего не было в предшествующем опыте.

– Опыт, какое красивое слово. Ничем не хуже бесконечности. Но в мире совсем нет никаких представлений. О бесконечности тоже нет и не было. Представления рождаются

людьми. Теми, кто ищет ответы. Они рождаются один раз, остаются с людьми, укореняются в сознании, медленно, как рост горы или пустыни, пока не станет чем-то простым и обыденным. За время пути по очередному плато легко позабыть о том, что сюда когда-то привел подъем, – говоривший это «Знаток» ни разу не изменил ни громкости, ни скорости речи. Он сидел, расслабленный и довольный всем происходящим. Он был счастлив, и ничто не могло изменить его состояние. Я понимал, что этого человека знаю по множеству рассказов и ссылкам в книгах. Но пока еще не мог выговорить его имя.

– К счастью, у нас есть математика. Она позволяет нам понять то, что невозможно себе представить. Не знаю, поймешь ли ты меня, но я, как мальчишка, всё еще позволяю себе мечтать о том, чтобы вывести формулу, которая описывала бы все мироздание, – Стивен явно волновался, раскачивался в своем кресле и начал жестикулировать свободной рукой.

– Ты хочешь сказать, что мечтаешь получить абсолютное знание? – тут светлая чалма немного подалась вперед, и я понял, что он ждал этих слов.

Хокинг вскочил и по залу пронесся вздох восхищения. Он протянул руку собеседнику и жарко произнес абсолютно человеческим приятным баритоном:

– Мечтаю – да. Но, когда я пытаюсь представить себе, как это может быть, меня начинают одолевать сомнения.

Я не могу представить себе абсолютного знания. Что значит – знать всё? Если можно знать всё – значит, знание конечно. Следовательно, существует что-то, что находится за границами знания. Что это может быть? Ничто? А чем является это ничто? Это что-то вроде точки сингулярности сознания. Такая же загадка, как точка Большого Взрыва. И, что важно – этого не написать математическими формулами, – Стивен Хокинг всем своим видом показывал удивление и растерянность. Он приподнял руки в жесте, которым обычно просят помощи. – Я прошу твоей поддержки, Учитель!

– Написать нельзя, но постичь можно, – улыбнулся сквозь бороду древний, как я понял, оппонент современного ученого. Он тоже привстал, взял двумя руками протянутую руку ученого и посмотрел на его пальцы. После чего произнес: – Ты протягиваешь руку не упавшему. Я протягиваю тебе еще большее. Врата распахнуты.

И сел на свое место. А я повторял про себя: «Кто это? Кто это?»

Во всем зале, а, может, и всей бесконечной Вселенной повисла тяжелая и длинная пауза, первая за все время. Казалось, что помолодевший и здоровый человек борется с собой перед каким-то важным признанием. А я от осознания того, КТО сидит по правую руку от меня, замер и не мог сдвинуться с места. Тем временем неизвестный Мудрец повернул свое светлое лицо ко мне. Я увидел необыкновенные

глубокие серо-зеленые глаза, в которых просто штормила мудрость всего человечества, и он спросил меня: "А ты сам готов идти дальше? Хочешь увидеть мир через облака представлений, таким, каков он есть?" Вопрос был задан прямо в мою голову, сам он не произнес ни слова. Только смотрел мне в глаза. Эти слова стали пульсировать в моей голове, как биение сердца. Он вновь повернулся к бывшему инвалиду.

– Значит, чувства меня не обманывают, и я уже был в этой точке. Я совершенно уверен, что во мне уже есть это знание, но я не могу его выразить. – Хокинг проговорил это с тем же жаром в голосе, что и раньше.

– Никто не может, и ты не можешь. В твоём распоряжении только те средства, которыми человечество располагает сейчас, а выразить нужно нечто существенно большее. Необъяснимое объяснить надо начинать, – проводя рукой перед собой, успокаивая разгорячившегося ученого, ответил «Знаток».

Хокинг снова стал поднимать руки в импульсивном порыве, прерывая «Знатока», и пытаясь что-то сказать, но...

Очертания зала и все фигуры вокруг стали расплываться, замещаясь какими-то другими, вроде бы привычными... VIP-зал аэропорта... Удобная и комфортная бежевая мебель вокруг... Пульс в голове все еще бился, медленно превращаясь в осязаемый стук в перегородку очередной служащей зала:

– Мистер Кочетоф, сэр, через полтора часа ваш рейс. Что предпочитаете на завтрак? Меню на вашем столике. Заказывайте, – бодро проговорила она.

Я не видел ее. И хорошо. Значит, и она не видела, как меня трясет в лихорадке от всего только что увиденного. И услышанного. Я сел и, успокаивая себя словами: «Вот выбрал же себе чтиво на ночь. Это сон. Сон», – медленно поднялся со своего ложа, которое немедленно стало изгибаться, превращаясь обратно в кресло.

Вдруг поняв, что сжимаю книгу Хокинга в правой руке точно так же, как он сжимал ее в моем сне, в сердцах я бросил ее в сумку, решив не возвращать на полку, где она будет пылиться под «Флешем». Думаю, никто не обидится, а Юнайтед даже не заметит потерю килограмма бумаги.

Через полчаса, когда в меня поместился последний кусок огромного омлета и две чашки крепчайшего кофе, я немного стал приходить в себя. Станным образом ощущая себя тем, кто видел что-то неординарное, мне хотелось рассказать о своем экстрастранном сне всем окружающим, и в то же время внутренний голос, который ранее меня никогда не беспокоил, мне тихонько шептал: «Не смей». Отчего я опять холодел, вспоминая мелкого пакостника из парка.

Глава 4

В 9:15 была объявлена посадка, и по специальному коридору для первого класса я прошел внутрь невообразимо огромного самолета. Боинг 787, Дримлайнер, по-другому его и не назвать. В салоне на втором этаже нас было всего пять человек: два араба в характерных одеждах и обручах, два бизнесмена, точнее, бизнесмен и бизнесвумен, которые явно были не вместе, но были настолько одинаково экипированы в дорогу, что это бросалось в глаза. Как близнецы – похожие синие классические костюмы, сшитые, как минимум, на заказ у Лейсминца в самом центре Лондона, одинаковый наклон головы, взгляд, которой погружен в одинаковые планшеты «яблочного» производства. Даже сумки через плечо были чем-то похожи. Так и разошлись мы по салону первого класса, как камни в японском саду. Ради интереса я вставал пару раз, чтобы увидеть соседей, но салон самолета был устроен так, что дорогая конфиденциальность была незыблема и защищена даже от взглядов. Подошедший стюард прикатил двухэтажный столик со всеми напитками мира и удалился. Так начинался мой новый перелет.

Почти весь перелет меня не отпускало чувство того самого «недосмотренного фильма», когда ты по каким-то причинам пропускаешь концовку. А фильм был настолько интересным, что начинаешь искать людей, которые досмотре-

ли его, а не найдя, смотришь заново или покупаешь книгу. Но тут мне обратиться было не к кому. Все попытки вызвать то же самое сновидение ни к чему не привели. Ни чтение Хокинга, ни постоянное воспоминание об увиденном и услышанном не помогали. Так и прошли первые пять с половиной часов перелета. Я постоянно проваливался в полудрему, но, кроме невыспавшегося и помятого лица вместе с недовольством собой, я ничего не получил. Несколько раз я ходил размяться по салонам самолета. Благо внутри этого шестидесяти пяти метрового огурца было очень много места. При желании можно было бы кататься на роликах.

Спустившись в бизнес-класс и подойдя к стоявшему там бару, я вновь увидел огненно-рыжую шевелюру. Человек сидел ко мне спиной, а перед ним высился высокий бокал с соломинкой и несколькими дольками лимона по краю. Он был на треть наполнен мутноватой белесой жидкостью. Вспомнилось почему-то греческое узо, которое греки любят тянуть горячими летними вечерами за своими пинакасами. Хотя и зимними тоже. Подойдя ближе, я явно почувствовал запах аниса и, обойдя нового рыжеволосого, сел на ближайший к нему табурет.

– Калимера! – обратился я к нему. Но он никак не отреагировал. Совсем никак. Даже головы не повернул. Так и сидел, рассматривая барную коллекцию пристегнутых пузатых бутылок. Я сделал еще одну попытку.

– Йасу!

– Йасу, – наконец улыбнулся он. – Сто Лос-Анджелесое ти термотита?

Таких познаний в греческом у меня не было, но я понял, что вопрос про погоду.

– Если ты про погоду в Америке, то я не знаю, но нам должны сообщить перед посадкой, – по-английски ответил я.

Он снова уставился на бутылки. Через пару минут, как только я начал уставать ждать его реакций и стал ерзать на сидении, чтобы уйти, он снова очнулся, повернулся ко мне.

– Кто Вы, сэр? И куда вы идете?», – спросил он меня. Я словно оцепенел. Точно такие слова мне сказал рыжий распорядитель в Сиднее. Но тут морок исчез, он «снова» повернул ко мне голову и я понял, что первые слова мне привиделись от перепадов давления, недосыпа и нервного возбуждения – лицо попутчика было совсем другим.

– Тоже пьете от безделья? – и, не дождавшись ответа, продолжил: – Ищете себе место, когда не можете спать? А выйти наружу не хотите?

Он засмеялся пьяным смехом и сделал еще один небольшой глоток из своего стакана, поставил его на стойку и стал смотреть мне в глаза. Его пронзительно темно-карие, почти черные глаза смотрели настойчиво и требовательно. Как мне показалось, он даже не моргал. Мне вновь стало неудобно. Я, как всегда в такой ситуации, решил сослаться на женщин.

Сказать полуправду.

– Лечу в Лос- Анджелес, у меня там подруга, – я думал, что использовал беспроектный вариант, но он поверг меня в очередной ступор новым вопросом, не дав договорить.

– А она сама знает, что у нее есть такой друг? – сверкнув глазами, спросил он. После чего снова вернулся к своему обычному созерцанию.

Я пару минут пытался правильно сформулировать свой ответ, но он снова опередил меня.

– Не люблю дождь, – проговорил, перестав улыбаться, рыжий. Я понял, что ответы ему не нужны – человек явно находился внутри себя. Он взял стакан, вытащил из него соломинку и одним глотком закончил. После чего встал и ушел внутрь салона так далеко, что я потерял его из виду. Единственное, что осталось в памяти, это цвет его волос и блеск необычного вытянутого перстня на указательном пальце правой руки. Он был, похоже, из серебра. Необычайно массивный, с искусно и глубоко вырезанным в серебряной пластине рисунком в виде дерева. Мне почему-то снова показалось, что я видел такой же у сиднейского таможенника в окошке. Хотя подсознание могло меня обмануть в свете последних событий. Я попросил двойной шот ледяной водки и стакан воды. Надеюсь, это мне все же поможет уснуть до конца полета.

Лос- Анджелес встретил меня мерзко морозящим дождем. Прав был рыжий пассажир. Я выискал свою фами-

лию на табличке встречающих. Сегодня меня ожидала шофер-женщина в красивой строгой черной форме и очень высокая. При моих ста восьмидесяти сантиметрах, я был ей только до уровня уха.

– Я Кочетоф, мисс. Дэн.

– Прекрасно, сэр, – улыбнулась мне свысока она. – Мне оплачен ваш проезд в любую точку, что назовете. Я – Дейзи. И, миссис, если можно.

Она небрежно забрала у меня оба рюкзака одной рукой и понесла их к багажнику не нового, но сверкающего «понтака», а я с восхищением посмотрел в кожаное нутро этого монстра. Думаю, что такая машина ей действительно по росту. Вдруг что-то кольнуло меня сзади. Обернувшись, я увидел недавнего рыжего любителя узо, который пристально смотрел, как я сажусь в лимузин. Теперь на нем было легкое пальто и короткополая шляпа, скрывавшая его истинный цвет волос.

– Подвезти? – крикнул я ему. Он отрицательно мотнул головой, повернулся и снова исчез в толпе, как в самолете несколько часов назад.

Я влез на кожаный бордовый диван за спиной Дейзи, поставил сумку рядом с собой и стал доставать телефон.

– Куда вас отвезти? – спросила она. Голос был глубоким, и если б не явно слышимые женские нотки, то я бы подумал, что именно он звучал в моем сне.

– Миссис Дейзи, я предпочту Марриотт, Резиденс Инн, –

решил не ехать к Джессике я. Надо привести мысли в порядок, а это мне удастся обычно в одиночестве. – И, если можно, не очень быстро, хочу посмотреть город, что изменилось за два последних года.

– ОК, – стандартную фразу американцев она произнесла особенно глубоко и протяжно. – За пять минут поездки вы точно успеете все увидеть.

И снова заулыбалась.

– Баскетбол? – почему-то спросил я.

– Нет, сэр, волейбол и травма ноги. Вы позволите мне снять фуражку?

– ОК, – также нараспев ответил я и улыбнулся ей в зеркало. Сняв головной убор и показав мне густую короткую стрижку на затылке, она переключила рулевую рейку на драйв, и четырехколесный корабль, качнувшись, повез меня дальше. В отель, где я останавливался всю сознательную жизнь, если оказывался в Лос-Анджелесе.

Мелькнули в окне огромные буквы LAX, и мы покинули одни из крупнейших ворот на территории США. Через четыре минуты мы въехали на площадь отеля, ведь до него было не более двух километров от зоны прилета.

– Спасибо, Дейзи. Поездка была потрясающей. Сегодня дальнейший маршрут будет без меня, – я протянул ей пятьдесят долларов и наткнулся на очередную улыбку.

– Спасибо, сэр, но мне уже выплатил и щедрые чаевые, – и она протянула мне визитку, ослепительно улыбаясь. – Зво-

ните, всегда нужен хороший авто под рукой.

Деньги она не взяла. Подбежавший беллбой схватил рюкзаки из багажника и покорно ждал, пока я выйду из машины. На визитке красовалась верхушка пирамиды однодолларовой банкноты с масонским глазом, которая стояла на двух колесах. С другой стороны был номер телефона и никаких слов. Я вспомнил, что Дейзи означает «глаз дня» и понял всю прелесть такого тонкого хода рекламщиков. Я уважительно кивнул моей кратковременной знакомой и вышел.

В сопровождении боя я дошел до регистрационного холла, где, к своему удивлению, увидел старого индуса, Седого Санти, портье по выдаче ключей. Его курчавые волосы стали абсолютно белыми, и он, если бы не природный темно-коричневый цвет кожи, стал похож на добряка Сайту. Только без бороды. Он тоже расплылся в улыбке, увидев меня.

– Мистер Кочетоф, какая удачная мысль привела вас в Марриотт в октябре? – он сразу потянул руку к ячейке постоянно занимаемого мной "45D". – Ваш любимый номер свободен. Вчера он проводил своего гостя, наверно, ждал вас.

– Спасибо, Санти. Рад видеть тебя, – мне почему-то действительно стало легче на душе, когда я увидел старого знакомого. – Интересно, а мой любимый столик в «Высоте 33» тоже меня ждет? Обязательно проверю.

Взяв у старика карточку и выслушав его уверения, что регистрацию сделают без меня, я поднялся в свой проверенный, очень удобный, а, главное, тихий номер. Сунул бою 5

баксов и закрыл за ним дверь.

Я вспомнил, что так и не позвонил Джессике, хотя был уверен, что она и так уже знает, где я нахожусь. Набрав ее номер, я выслушал около дюжины гудков, но она так и не ответила. Впервые за десять лет нашего знакомства.

Проведя весь день в ожидании звонка, я успел полноценно нагуляться по побережью, проехаться по магазинам для туристов и путешественников в Санта-Монике. Закупить все необходимое, что требовало замены – три пары белья – две обычных и одну с термозащитой, дюжину носков всех длин и плотности, новый жилет-разгрузку – старый уже латался несколько раз и мог стать причиной ненужных потерь, и прочую дорожную мелочь, которую каждый, кто часто переезжает, так высоко ценит. И, конечно, новый рюкзак.

Два раза проехал мимо дома Джесс, но зайти желания не возникло. Еще два звонка на ее номер к результатам не привели. Телефон благородно сообщал, что абонент не может ответить на звонок.

Под октябрьским теплым дождем посидел на «Венецианском пляже» – шикарной местной достопримечательности, которую так часто показывают в фильмах. Дожди – крайняя редкость в этой полосе, а тут мне второй день на голову сыпался мелкий мокрый порошок. Заехал в музей «Гремми», который значительно пополнился с последнего моего посещения и вернулся в отель. Съел отличный двухдюймовый стейк в ресторане и безо всяких приключений уснул за про-

граммой новостей. Впервые за последние дни – без снов, голосов, беспокойства и раздумий.

Даже проснулся я сам, что в последние годы было совсем уж редко. Никто не звонил, не шумел, не бегал, не кричал, не звал. Мягкая тишина, уютный свет и невообразимо удобная кровать. И тут я понял, что безделье мне нравится и начинает меня затягивать. Я почему-то вспомнил Илью Ильича Обломова и твердо сказал себе вслух: «Всё, пора что-то делать, хорош валяться!». И выдернул себя из полудремы.

Твердо решив доехать до Джессики и понять, почему она так упорно игнорирует мои звонки, я быстро оделся. На выходе из ванной, на столике у входной двери лежало несколько конвертов. Верхний был точно адресован мне. Сомнений быть не могло, ведь на нем крупно написано «Дэн». И вчера его здесь не было. Я проверил входную дверь. Она была закрыта изнутри, собачка замка поднята, а, значит, открыть ее никто не мог. Я взял конверты, и еще раз осмотрел обе комнаты номера, ванную и даже заглянул в шкафы. Естественно, никого не было. – «Значит, он здесь и вчера лежал», – попытался вслух убедить себя я. Конвертов было пять штук. Три не представляли никакой полезной информации, поскольку кроме рекламной шелухи ничего не содержали. Два других были довольно припухшими, заклеенными, абсолютно одинаковые, явно вынуты из одной пачки. На одном мое имя. Почерк напоминал руку Джесс, но и не был похож, хотя по трем буквам такой вывод делать бессмысленно. «Ну что, от-

крывай», – в очередной раз сказал я вслух, и понял, что постоянно говорю вслух сам собой. Раньше, если я и подгонял сам себя, то делал это про себя, беззвучно. «Отметим эту новую странность на будущее», – подумал я и вскрыл конверт с надписью.

Внутри лежала толстая пачка листов, сложенных втрое, авиабилет и еще один, более узкий, конверт. С него я и начал. Вскрывать, так вскрывать, как говорил один из исследователей пирамид в Перу. Из узкого конверта я достал чек на свое имя. С проставленной суммой и подписью оплатившего. Хоть сразу беги в банк. Подпись была мне неизвестна, а вот орнамент оттиска непонятной печати на чеке определенно был мне знаком. Сумма была внушительная, сто тридцать семь тысяч долларов. Ноль центов. Еще раз покрутив чек и посмотрев его на свет, я отложил его и взял бумаги. Надо понять, за что такая щедрость. Начал с билета. На тоненькой обложке знакомый логотип и буквы Юнайтед Эйрланс. Перелет Лос-Анджелес – Салоники с открытой датой. Это немного успокоило – значит, Джессика точно приложила к этому руки, если не напрямую, то всё равно не без ее участия.

Юнайтед была единственной компанией, которой она делала трансконтинентальные перелеты. На все вопросы «почему?», пожимала плечами и ничего не говорила. Значит, Салоники.

Один из листов был испещрен красивыми буквами, вот

это точно Джесс, но было видно, что писала она не на столе, а «на ходу», в каких-то неудобных условиях, возможно, в автомобиле.

Я каким-то образом сразу понял, что здесь написано, но решил убедиться:

«Привет, Дэн! Я нашла для тебя два направления для работы. Первый – Аляска. Там снова нашли непонятно что, а ты участвовал в прошлой экспедиции от Колорадского университета с Роуэном Кейсоном⁴. Помню тот переполох, который наделала ваша находка. Оуэн написал мне письмо, что готовит вскрытие еще одного древнеэскимосского жилища. Это первое из предложений».

Мне стало намного проще читать. Значит, все-таки Джесс. А просто сказать не могла? Да уж, найдя тогда в полуметровой осадочной породе прекрасно сохранившуюся бронзовую пряжку, которая по всем признакам была выкована почти 2000 лет назад в Маньчжурии, современной Монголии, для лошадиной упряжи. Впоследствии анализы подтвердили нашу догадку, но тайна появления ее на Аляске так и осталась закрытой. Ну что же, рад буду снова померзнуть с Мейсоном. Жаль только, что он специализируется на северных странах, да выбирает работы в зимний период. Так, по его мнению, намного суше и чище работать. Возможно, он прав. Я стал читать дальше.

⁴ Роуэн Кейсон – Cason Rowen – канадский ученый, историк, археолог, исследователь северных народов.

«Второе предложение пришло от твоего старого приятеля, Панкратайоса Тилманидиса, он опять что-то ищет на родине, никак не успокоится. Самым удивительным образом мне, чуть позже Панкратоса, прислал контракт для тебя неизвестный меценат из Лондона. Он подписался только буквами S.I.N...4to меня очень развеселило. Но он прислал два чека, мне за посредничество и тебе – почти сто сорок тысяч в американских долларах».

Ну, вот и случилось! Я впервые принес кому-то прибыль! Хотя, может, и раньше Джесс брала комиссионные за привлечение меня к раскопкам, но рассказала об этом впервые. Хотя непонятно за что платить такие деньги. Мое имя всегда только на фоне руководителей. Открытия я не публикую, публичной личностью от археологии не являюсь. Таких «копальщиков», как я, в каждой экспедиции наберется с десятков. Что же это за С.И.Н.? Кому могут принадлежать такие инициалы? Я сел в кресло и стал думать. В памяти возникли только воспоминания о синусе из курса по тригонометрии и сэр Исаак Ньютон. Я улыбнулся – точно, после видения с Хокингом и странным Мудрецом, это как раз тот человек, который должен выписать мне чек, да еще и британец. С глупой улыбкой на лице я вновь поднял послание Джессики.

«Я сравнила оба контракта и оказалось, что они абсолютно идентичны, составлены одним адвокатом команды «Нау-таДутильх⁵» из Голландии, что еще раз подтверждает высо-

⁵ NautaDutilh – независимая юридическая фирма, является одной из крупней-

кий статус именно этого предложения. Именно его я и выбрала для тебя. Мейсону я написала отказ с извинениями. Прости, но буду недоступна несколько недель, есть неотложные дела. Как смогу, сообщу. В прочих бумагах ты найдешь все оставшиеся необходимые документы. ХО, Дж.»

Чуть ниже было дописано: «Осторожно со вторым конвертом, там нечто хрупкое, только для тебя, Путник». И стоял небольшой смайлик.

Я разобрал сложенные листы и увидел там безукоризненно составленный контракт на работу в рамках экспедиции на территории Греции, страховой полис, квитанцию на оплаченную аренду маленького джипа от «Хертц». Впервые я столкнулся с такой масштабной и в деталях продуманной организацией археологических раскопок. Обычно выделялся некий грант по заявке ученых, собиралась группа и закупалось оборудование. Большинство из возникающих проблем решалось непосредственно в процессе работ. Археологи – несколько обособленная группа человечества, которые могут годами обкапывать одно и то же место, а потом, ничего не найдя, гордиться тем, что детально исследовали эту местность, и теперь там нет никаких артефактов и неизученных мест. А тут только мне подписанных денег хватило на то, чтобы еще раз обнаружить Трою. Да и прописано все настолько детально, что есть пункты о питании, отдыхе, передвижении по стране и прочее. Это было странно. Я же сам от-

носился к своей работе довольно легкомысленно, всегда считая ее больше увлечением, что помогало избегать ненужных моральных терзаний о смысле жизни и следа в истории. «Хочу – копаю, не хочу – не копаю», так когда-то выразился один из моих соратников в раскопках на территории современной Турции. Его имя я не помнил, а вот фраза осталась. Хоть и частично, но я разделял такой подход. Я всю жизнь искал, копал, вынимал и сохранял, но что именно и каким способом найду, пока так и не понял. Да и не стремился понять. В данном случае кто-то неизвестный, с какими-то неприличными для современной археологии деньгами, решил организовать грандиозное исследование в Греции. Ну что ж, жаль, не увижу пока добряка Кейсона, но и Панкратосу буду рад. Уверен, и он мне тоже. Ведь он почти двадцать лет перекапывает в прямом и переносном смысле свою небольшую и гордую страну. В прямом – это бесконечные экспедиции и раскопки, в переносном – тоже раскопки, только уже документальные. Столько материалов, сколько собрал он, рано или поздно должны «выстрелить». Как ружье в известной фразе Чехова.

Когда-то я увлекался теорией неопознанности открытий. И один автор пытался объяснить всю нелепость факта, что открытия разных механизмов, формул, аксиом и прочего научного движения происходило параллельно у некоторых ученых сразу. Я напряг память, но имени вспомнить не смог. Он это называл «зрелость парадигмы», и тогда я пытался по-

нять, почему такие события в жизни человечества, как открытие фонографа и телефона, телевидения и планеты Нептун, радио или паровоза были запатентованы в разных странах разными людьми с разностью в дни, недели и месяцы. Я вспомнил, что так же было с открытием функций кислорода и теорией естественного отбора, неевклидову геометрию и антисептики. Об этом я как раз и прослушал курс в Беркли. Профессор Монтесе с такой горячностью рассказывал нам, что Лейбниц и Ньютон независимо друг от друга, решая одну задачу дифференцирования вычислений, пришли к подобным друг другу результатам. Практически одновременно. Даже стали врагами из-за этого. Какова здесь доля случайности или того самого «доброе рока», на который часто уповают? О сговоре невозможно было подумать, учитывая, что не было никаких коммуникаций – для обмена данными и опытами потребовались бы месяцы и годы. Как поверить, что такое возможно? А понятие «случайность»? Какое имеет место это иррациональное действие в развитии и жизни всего человечества? Ведь часто слышим, что многие глобальные открытия, повлиявшие на все человечество, оказались «случайностью». Что это? Возможно, это объясняется, что называется, «общей парадигмой», а не случайностью. И это она, новая парадигма зреет и скоро раскроется очередным сенсационным или не очень открытием. Но так и оставалось непонятным, какое значение я имею в этом процессе? В археологии – открытия это настолько усердный труд, что да-

же сравнения неуместны. Чаще изыскания не заканчиваются ничем. Но и доля случайности, как я понимаю, выше. Может, от понимания этого я и стал ездить по миру? Учитывая, что почти все эти воспоминания и размышления я опять начал проговаривать вслух и поймав себя на этом, я почувствовал устойчивый след психиатрии. Что происходит?

Я снова вернулся к своим конвертам. Уж очень заманчивым и невообразимо высоко оплаченным было предложение поехать в Грецию. И так сильно хотелось насолить Джесс, ведь она, по сути, приняла решение за меня. Да еще так, что отказаться практически невозможно. Может, всё-таки на Аляску? Я просмотрел контракт еще раз. Никаких штрафных санкций не было. Только возврат чека или его уничтожение при отказе. Комиссионные Джессике возвращать бы не приходилось. Никто не в проигрыше. Я представил себе огромного улыбающегося Оуэна, больше похожего на здоровяка-лесоруба из сказки, чем на ученого, который полгода роется в земле, песке и камнях, а следующие полгода сидит за компьютером, рассказывая об этом. Особенно смешно в его огромных руках смотрелись современные телефоны, ведь самый большой из них он, как правило, держал двумя пальцами, а уж как набирал номера, мне так и неизвестно.

Взяв в руки второй конверт, я почувствовал, что он намного плотнее и чуть тяжелее первого, хоть в первом и было огромное количество бумаг. Я внимательно осмотрел его. Только на задней стороне была еле заметная надпись, больше

похожая на брак типографии. Я пригляделся. Удалось рассмотреть, скорее, угадать слова: In Hoc Signo Vinces. Латынь. Что-то знакомое, но откуда – ассоциаций не вызывало. Содержимое было жестким и плоским. Я решил его не открывать, а положил в жесткий несессер, который стал собирать. До самолета оставалось около пяти часов. Как ни старался я шуточно бороться и противостоять, но выбранное Джесс решение я безусловно, принял, «капитулировал ввиду полного преимущества противника». Хотя кто уж, а Джесс никогда мне противником не была.

Начав собираться, я проверил целостность рюкзаков и был рад, что интуиция меня не подвела, и я совершенно вовремя купил новый, с четырьмя отделениями «четкий и прочный», как написали на бирке, рюкзак. Он оказался довольно вместительным, и в него убралась большая часть моих вещей. Старый, хоть и живой, но для путешествия не годился, ляжки были на грани отрыва, а рисковать смысла не было. Он занял почетное место в шкафу. Так его сочтут забытым и поместят на три года в специальную камеру, а потом продадут, если его никто не востребует. Удобный способ оставить вещь на хранение, да еще бесплатно.

Глава 5

Собравшись, я спустился вниз, чтобы рассчитаться и сдать карту от номера. Снова на страже ключей стоял Санти. Он провел все процедуры для выезда в считанные минуты, а когда я протянул ему руку, прощаясь, он взял ее на восточный манер – двумя своими, и посмотрел мне в глаза:

– Мистер Кочетоф в этот раз ненадолго к нам. Я вижу, его зовут новые познания. Он тоже их ищет. Значит, они точно встретятся.

– Не знаю, Санти, ты всегда очень внимателен и добр, – я медленно повернулся и вышел на улицу. Поднявшегося беллбоя, который хотел мне помочь с багажом или вызвать такси, Санти остановил жестом руки.

Я остановился тоже, так как остался вопрос, который я не мог не задать:

– Санти, мне вчера доставляли почту?

– Вечером была не моя смена. Но я сейчас посмотрю записи, – старик нагнулся к большой книге. – Нет, сэр, никаких записей нет. Но если появятся – вам сообщить?

– Спасибо, будет не лишним, – я повернулся и быстро пошел к выходу.

Меня всегда удивлял способ общения индийцев. Они всегда говорили тебе о тебе так, как будто видели твои мысли, иногда отвечая на вопросы до того, как ты их задал. Это бы-

ло необычно, но я привык.

Я вышел на улицу и решил пройти до терминала пешком. До самолета было еще четыре часа.

Удобно размышлять на ходу. Так и я, двигаясь по прямой, как стрела, улице в сторону аэропорта полностью погрузился в размышления. «Ну что, Дэн, как тебе последние события?» – «Да странно всё как-то, постоянно чудятся голоса, даже пару раз видел несуществующее. Про сон вообще молчу». – «Ты не думал, что тебя ведут куда-то? Что ты сейчас в центре каких-то событий, и не по своей воле?» – «Вот после этих слов задумаюсь, не очень похоже. Больно сложно, чтобы вести одного человека, да еще через все земли, моря и континенты. Да и персона моя слишком проста для таких дел, и цель непонятна».

Так, рассуждая сам с собой, я двигался минут десять, пока не уткнулся в группу японских туристов с их неизменными фотоаппаратами, камерами и телефонами в руках. Они увлеченно снимали посадку огромного самолета. Наши японские друзья снимают все подряд – обычное и необычное. Тут, как по команде, они повернулись ко мне и навели на меня свои объективы. Как я понял, я тоже показался им странным, громко разговаривая сам собой и жестикулируя одной свободной рукой перед невидимым собеседником.

Дальнейший путь я проделал в тишине. Спорить с собой расхотелось.

Подойдя к терминалу, откуда меня увезет огромный ле-

тающий железный огурец, я достал билет и паспорт, встал в очередь на пропускной пункт – в Америке было очередное усиление бдительности. Внимательно посмотрев на вкладки, выяснилось, что сейчас я лечу до Мюнхена, там мне предстоит пересадка в самолет до Салоники. Перерыв в целых шесть часов. Да и первый перелет в одиннадцать с лишним часов простым не назовешь. «Так уж звезды встали», – сказал я себе вслух.

Пройдя все необходимые для посадки процедуры, я спокойно дожидался объявления открытия своего выхода. Как бы это ни показалось странным, номер выхода совпадал с сиднейским. Восемнадцать. Именно это число висело сейчас надо мной. Когда объявили посадку, я как раз покупал несколько газет, которые точно не увижу на борту самолета. Так, с неизменной сумкой в руке и скрученной трубкой из газет, я вошел на борт большого, хоть и не такого огромного внутри, как 787-ой, но не меньшего во внешних габаритах «Айрбас 340».

Очередной первый класс также был несколько проще, в восьмиместном купе нас было ровно восемь. Все места заняты. Позже, когда я прошел назад, то удивился, что салон заполнен процентов на восемьдесят. Даже не знал, что в старушку Европу летит так много людей. Чуть позже командир полета объявил, что сегодня, 23 октября 2015 года, рейс UA-8861 отправляется в Салоники с шестичасовой пересадкой в Германии, аэропорт Франца Джозефа Штрауса. Потом

еще три часа, и мы приземлимся в Греции, аэропорт «Македония». Я опять просчитал время всех перелетов. Получалось, что все полученные временные бонусы при этих перелетах прибавляли еще два часа к моей молодости. «Интересно, так бывает всегда?» – быстро и, видимо, громко проговорил я, чем вызвал испуг сажащегося рядом пассажира, по виду – мюнхенского бургера, явно зажиточного, поскольку уже при посадке его ждал накрытый столик с различными закусками к неизменному пиву. Решив больше никого не пугать, я сразу разложил свое место, пристегнулся и прилег, достав газеты.

Удачно перелетев Атлантику и направляясь в германский аэропорт, я покорно ждал сообщений от экипажа. Ничего особенного и неординарного не происходило. События последних трех суток также стали отходить на второй, несущественный, план. Я еще с колледжа называл это «эффект аварии», когда едешь по скоростному автобану, допустим, в той же Германии, а впереди, слева на дороге – крупная автокатастрофа, что-то горит, стоят машины пожарных, медиков и полиции. И вроде тебе ничто не мешает ехать дальше, но ты все равно притормаживаешь, разглядываешь внимательно чужое горе, а потом еще метров триста-пятьсот-семьсот едешь, раздумываешь, примеряешь ситуацию на себя. Как будто это ты с «той» стороны. А потом опять разгоняешься и забываешь об увиденном. Так и сейчас, все эмоциональные потрясения последних дней отделились и перестали беспо-

коить меня. Я был само спокойствие.

Через полчаса после достойного, как всегда в Юнайтед, ланча, а это был уже четвертый прием пищи на борту, я решил немного освежиться. Достал бессменную дорожную сумку, просунул руку, нащупывая обновленный косметикой и мылом в Мариотте несессер. Через секунду я вскочил со своего удобного кресла и вывалил в него почти все нутро сумки. Несессера не было. Я вспомнил, как положил в него второй конверт от Джессики, который так и не открыл. Со злостью я кидал вещи обратно в сумку, сопровождая каждое движение очень ненормативной лексикой. Сидящий рядом мюнхенец вжался в свое кресло и смотрел оттуда круглыми глазами. Выражение на его родном – «Шайзе» – было самым приличным. Уверив себя, что положил несессер в новый рюкзак и сдал в багаж, я распечатал казенную упаковку с мини-пастой, мини-щеткой, мини-мылом и белыми глупыми тапочками. Особенно раздражали тапки, которые сразу отправились в мусорный бак.

Ощувив, что я потерял что-то очень важное, я сел обратно и стал тупо смотреть в экран перед глазами. Там шла самая интересная передача на борту самолета: трансляция полета через GPS передатчик. Я так упорно вглядывался в карту и линии на ней, что через некоторое время изображение стало мутнеть и расплываться, четкость картинки стала исчезать, и мне показалось, что именно так наступает сон, в который я сейчас погружусь. Вместо этого на экране, заменяя расплыв-

чатое изображение, стали появляться символы. Сначала, как капли чернил на воде, они были невнятные, потом стали набирать резкость. Букв и цифр было много. Точнее, их кусочков. Они появлялись целыми, а потом их будто разрывало на части. Разными размерами и разными шрифтами, похоже, что из разных алфавитов. Некоторые крутились вокруг своей оси, другие перемещались в броуновском движении по экрану. Но через пару минут они замерли, создав сложный невнятный рисунок. Я смотрел, как замороженный, на очередное проявление собственного сна. Или я не заснул?

Я внимательно рассматривал странный орнамент на экране. И не мог понять, что это. Даже посмотрел в экран соседа, там было то же самое. И он так же внимательно пялился в него, как и я в свой.

– Что смотрите? – поинтересовался я у него.

– Это мой любимый фильм с Рутгером Хауэром, – был ответ.

Я посмотрел снова на его экран, там молодой голубоглазый Хауэр сносил голову мечом очередному врагу. Потом посмотрел на свой. Он был выключен. Картинки не было. Черный экран ничего не показывал.

– Вы что, не смотрели «Кровь и плоть»? – спросил мой сосед.

– Нет, я больше по комедиям, – чтобы не провоцировать знакомство и сжав подлокотники кресла, ответил я.

Я снова поглядел на немца, он полностью погрузился в

просмотр, а я достал маленький блокнот из кармана на левой стороне жилета-разгрузки и зарисовал увиденный на экране рисунок. Получилось, вроде, похоже, но сравнить уже было не с чем. К тому, что стал видеть такие странные видения или сны, я стал привыкать.

Через десять минут объявили посадку. Еще через полчаса я вдохнул воздух аэропорта Старого Света, мюнхенского, имени Франца Штраусса, немецкого политика. Здесь воздух был намного влажнее и прохладней американского. На выходе я подумал: а почему такие важные места называют именами политиков, с которыми не все бывают согласны? Вот насколько интереснее назвали свой аэропорт в том же Сиднее – именем авиатора, а в Будапеште – великого композитора, Ференца Листа. О чем думают эти люди, придумывая названия?

Так я брел до зоны транзита. Потом мне пришла в голову мысль слегка повеселиться. С моим паспортом это было довольно просто. Для этого надо пройти в зону турфирмы Томаса Кука и подать им данные, что за последний год вы объехали земной шар. Тогда вы получите бесплатный дополнительный тур вокруг земли от этого мирового агентства. Поскольку было около двух часов дня по местному времени, а до вылета было еще шесть, я решил найти их офис.

Но ни один из служащих аэропорта и волонтеров мне так и не помог. Да еще приземлились два самолета, которые переправили из Франкфурта из-за поломки датчиков двух поса-

дочных полос, и залы «Ференца Штраусса» загудели от переполненности. Я посмотрел на людей, которые случайно оказались в другом городе, и испытал к ним глубочайшее уважение, поскольку большинство из них ехало во Франкфурт на ежегодную международную книжную ярмарку. Вот где я бы провел эти несчастные шесть часов.

Глава 6

Я решил выйти в город, дойти до какого-нибудь старого гаштета и заказать там самую большую кружку местного пшеничного пива, напитка, известного со времен фараонов. Показал на выходе транзитный билет и вышел под свод автовокзала. Так, немного проехавшись на автобусе и выскочив из него перед улицей с максимально старыми домами, я пошел по неровной брусчатке вдоль серых, желтых, зеленоватых, потертых годами стен, внимательно вглядываясь в вывески. Через пять минут мой взгляд уперся в бронзовую огромную кружку, под которой красовались три слова: «Пивная Иммануила Канта». Обитая снаружи настоящим деревом, которое от света и пыли стало редкого стального цвета, с огромной кованой дверью, эта пивная мне явно понравилась. Я потянул удивительно легко открывшуюся дверь и шагнул в полумрак помещения.

Внутри был такой же древний интерьер, что и снаружи. Немцы всегда славились умением сохранять и восстанавливать старину, но здесь все вокруг просто дышало древностью. Кругом дерево: полки, лавки, стены, потолок, стойка с печальным усатым поваренком на верхней панели и даже многочисленные тусклые светильники. Древние жестяные, стальные, медные и стеклянные кружки гордо стояли по всему периметру бара. Столы дощатые, отполированные лок-

тями десятков тысяч посетителей. Над входом различались железные цифры «1852». Всё это еще и отлично пахло, той самой простой, жирной и сытной баварской кухней. Гостей было немного, и я выбрал средний столик с двумя широкими лавками. Меню было напечатано на толстых листах, скрепленных медными широкими клепками. Я выбрал «Августинер» в самой большой, почти литровой, кружке. Такой же печальный официант, как и фарфоровый поваренок на стойке, принес мой заказ и порцию гренок, как комплимент. Разложил подставки, переместил бокал и сетку с хлебом и безмолвно исчез. Я сделал большой глоток этого горького напитка и стал разглядывать посетителей и оформление забегаловки. На ближайшей же стене, сразу под полками с бокалами, я разглядел тексты в рамках, аккуратно вставленные в деревянные же рамки. К моему удивлению, это была очень старая заглавная страница одного из самых важных трудов Канта – «Всеобщая естественная история и теория неба», опубликованная, как я помнил, в середине восемнадцатого века. Опять в памяти возникли воспоминания о студенческом прошлом, где в разных странах, в разных науках и разными людьми такие мощные имена, оставившие след в истории, как Кант или Ньютон, Декарт или Евклид, приводились часто и повсеместно. Немецкий язык за эти двести пятьдесят лет не претерпел сильных изменений, и я с удовольствием прочел эту страницу. Всегда меня удивляло то, что подобные труды, чтобы они могли увидеть свет, посвящались

монархам. Так и этот был предназначен суждению короля Пруссии. Одни только слова «Опыт об устройстве и механическом происхождении всего мироздания на основании ньютоновских законов» всего сто лет назад от написания были бы поводом для разведения костра святой инквизиции.

Прямо под этим странным элементом декора сидел невыразительный человек в плотной коричневой, бывшей когда-то кожаной, куртке с неожиданно большими вычурными медными пуговицами, которые придавали его наряду образ глубокой старины. Пуговицы ярко отсвечивали, когда на них попадал свет, и казалось, что горят они ярче светильников. Он посмотрел на меня неожиданным для европейца прямым и долгим взглядом, а ведь здесь давно привыкли тщательно соблюдать личное пространство. Фактически вынудил меня поздороваться. Сначала я кивнул – его взгляд стал еще пронзительней, и пуговицы моргнули вдогонку. Я поприветствовал его вслух, но, услышав в ответ невнятное мычание, сразу успокоился. Смотрел на меня не он, а добрых три литра пива, завладевших его организмом. На столе стояли пять пустых и одна на треть отпитая кружки.

Внимательно осмотрев мой заказ, и он что-то вновь проворкотал мне, кажется, одобрил мой выбор. Я поблагодарил и продолжил знакомство с творчеством Канта по листам в рамочках.

– ...Платон покинул чувственно воспринимаемый мир, по-

тому что этот мир ставит узкие рамки рассудку, и отважился пуститься за пределы его на крыльях идей в пустое пространство чистого рассудка.

Что?! Кто это произнес? Жаль, что не было зеркала. Было бы любопытно увидеть себя сейчас.

Я повернулся к обладателю пуговиц. Он опять так же прямо смотрел на меня. Или сквозь меня. Непонятно.

– Простите, я не вполне понимаю?

– Хороший здесь «Августинер», говорю, – с трудом проговорил мой сосед.

Я разом влил в себя полкружки этого самого «Августинера». Хоть это и не лучшее средство против голосов в голове, мне сразу полегчало. Может, у них тут где-то телевизор, а в нем научный канал. Во всяком случае, следующая услышанная фраза меня уже не так сильно взволновала, скорее, наоборот, понравилась:

– ...знания суть не что иное, как разъяснение или истолкование того, что уже мыслилось (хотя и в смутном еще виде) в наших понятиях, но, по крайней мере, по форме они ценятся наравне с новыми воззрениями, хотя по содержанию только объясняют, а не расширяют уже имеющиеся у нас понятия. Так как этим путем действительно получается априорное знание, развивающееся надежно и плодотворно, то разум незаметно для себя подсовывает под ви-

дом такого знания утверждения совершенно иного рода, в которых он априори присоединяет к данным понятиям совершенно чуждые им, при этом не знает, как он дошел до них, и даже не ставит такого вопроса⁶.

Фраза была длинной и запутанной на первый взгляд. Но было ясно, о чем она. Я иногда и сам думал об этом. Всё наше школьное и отчасти университетское знание таково: какие-то вещи считаются очевидными, доказанными, известными, короче, незыблемыми, и на их основе объясняется всё остальное. Вот что такое электричество? Направленное движение электронов. А что такое электрон? Отрицательно заряженная частица. Почему движется? Потому что магнитное поле... А ПОЧЕМУ? Конечно, электрон тоже из чего-то состоит, и ученые дошли до описания каких-то уже совсем невообразимых частиц. Но для большинства движение электронов – вполне достаточное объяснение, хотя, в сущности, оно ничего не объясняет. Да и объяснения, как правило, настолько витиеваты и туманны, что от них начинаешь уставать быстрее, чем дослушаешь до конца.

– Ты мыслишь в правильном направлении. Не разум идет за природой, случайным образом ожидая от нее знаний. Разум устроен таким образом, что он предписывает природе законы и познает их в природе. Всё остальное в природе слу-

⁶ И. Кант «Критика чистого разума».

чайно и не может быть познано достоверно. Разум в области исследования природы имеет следующую задачу: соотносить с тем, что сам разум вкладывает в природу; искать (а не придумывать) в ней то, чему он должен научиться у нее и чего он сам по себе не познал бы.

– То есть, если кто-то что-то открывает, он заранее знает, что откроет? Откуда у него это знание? – автоматически, как это было в последнее время, спросил я.

– Наука занимается именно тем, что открывает априорные (до-опытные) и эмпирические законы устройства природы и на основе их предсказывает новые явления и их отношения.

С кем я говорил? И – я только сейчас об этом подумал – на каком языке? Не настолько хорош мой немецкий, чтобы воспринимать такие сложные конструкции. Меня будто бросало между реальностью и каким-то неведомым миром. Стоило мне вернуться в реальность и убедить себя в нормальности окружающего мира, как новая фраза, долетевшая до меня с той стороны, где в плотном мире сидел пьяненький обладатель пуговиц, вырывала меня из него.

– Но здесь мы должны задать себе два вопроса: что мы можем знать, и что мы знать не можем. Все вещи и отношения вещей, которые мы воспринимаем, представляют собой только явления этих вещей в себе – продукт взаимодействия вещей в себе с нашим разумом посредством форм

восприятия и созерцания – пространства и времени. Таким образом, нам даны в восприятии только явления и их отношения (такие, как отношения причины и следствия, одновременности и т. п.), но не даны сами вещи в себе. Мы не можем знать, что они собой представляют, поскольку они не подходят под наши формы созерцания – пространство и время – и наши категории рассудка, при помощи которых мы объединяем наши созерцания и ощущения в предметы и в совокупности предметов.

– Вещи в себе?

– Вещи в себе – это действительность, как она существует независимо от познающего субъекта. В этом основа трансцендентального идеализма. Есть вещи в себе и явления. Последние мы можем знать, вещи в себе – нет.

– Да, но знание расширяется. То есть, мы всё же познаем вещи в себе?

– Мы не только не можем ничего знать, но у нас не может быть даже субъективных оснований предполагать что-либо об этих вещах. Это означает, что о них я не могу иметь даже определенной веры.

Моему мысленному взору представились эдакие пузыри, наполненные чем-то непознаваемым. Сознание обычного человека «запахнуло» непознаваемое в некую ограниченную в пространстве – и, наверное, во времени – оболочку. Другого образа мой уровень «априорных» знаний не мог создать. Но ведь непознаваемое должно быть совсем другим. Разве его

можно ограничить, а тем более, увидеть? Оно же пронизывает этот мир. Нам кажется, вокруг нас знакомая, понятная, плотная среда, но это иллюзия, вызванная тем, что наше восприятие к чему-то такому не готово. На самом деле, действительность разрежена и заполнена непознаваемым, заполнена теми самыми «вещами в себе». На самом-то деле я вообще ничего не знаю про этот мир. Вот про что говорил Сократ! Даже мурашки побежали. И все представления древних про тонкие миры – не случайны?

Тут меня осенило:

– Но мир можно описать математическими средствами! Ведь для этого и придуманы символы и знаки! Математика не основана на эксперименте, а порождена человеческим разумом. Следовательно, математика может указать на вещи в себе. Указать тем, кто не видит?

– Нет. Само наше сознание, наше восприятие выстраивает действительность, то есть то, что отражается нашим разумом и воспринимается как реальность, подчиняется математическим законам. Вспомни шары, которые ты только что придумал. Или вот такой пример: ни одно основное положение чистой геометрии не есть аналитическое суждение. В одном из русских фильмов был такой вопрос: «Крокодил, он больше длинный или зеленый?» Такое положение, как прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками, это синтетическое положение. В самом деле, мое понятие прямой содержит только качество,

но ничего не говорит о количестве. Следовательно, понятие кратчайшего пути целиком присоединяется к понятию прямой линии извне и никаким расчленением не может быть извлечено из него. Поэтому здесь необходимо прибегать к помощи созерцания. При этом мы руководствуемся априорными, безусловными знаниями. Однако, у нас есть основания предполагать, что подобные «вещи» сами по себе существуют. Таким основанием является то, что человеческий разум, такой, как твой, например, неудержимо доходит до таких вопросов, на которые он не может дать ответа в режиме проведения опытов. Кто смог ответить на эти вопросы: что есть и откуда взялись идеи свободы воли, существования Бога и бессмертия души. Откуда у человека эти идеи, если ничего в опыте им не соответствует?

– То есть, математика не позволяет описать мир? Потому что мы построили ее на изначально ограниченном материале? Но выводы математики подтверждаются открытиями, о которых не могли предполагать ее создатели...

Меня вновь вбросило в реальный мир. Кажется, я впервые был не рад возвращению в реальность. Мозг требовал продолжения. Тема была интересной и далекой от меня. В прошлой жизни я точно не смотрел на окружающий мир так внимательно, как сейчас. А мой «собеседник» из философа превратился в пьянчужку в странном костюме, но что совсем

ужасно – он уже шел нетвердой походкой к выходу и явно совсем не собирался перевоплощаться еще раз и мой вопрос остался без ответа. Его последняя кружка была допита. Да и с ним ли я говорил?

Еще раз обернувшись вокруг, я никого поблизости так и не увидел. Все были поглощены своими делами. Даже официант все также пребывал в тоске. На меня никто больше не смотрел. Только ароматные гренки ждали моего внимания.

Глава 7

Никаких событий при посадке и перелете из Мюнхена в Салоники не было. Самолет был едва заполнен на треть. Несколько мамаш с маленькими детьми добавили шума в полете. Мы плавно и резко взлетели и также резко и быстро приземлились. По сравнению с моими последними межконтинентальными перелетами, этот прошел мгновенно.

За окном была земля, прославленная царем Филиппом и сыном его – Александром Великим. Бывшая Македония. Греция.

Приземляясь в черное греческое небо, я вновь вспомнил странный экран. Даже достал блокнот и постарался прочитать. Никакой логики в символах я так и не увидел. Прошел таможенные сложности по прилету, получив очередные штампы в многослойный паспорт, и вышел в зону прилета.

Ночью в аэропортах значительно меньше встречающих, такси ходят реже, рейсов немного. Я разыскал классическую вывеску «Хертц» на стенах, черные буквы на желтом фоне, и отправился по указанным в ней реквизитам.

Спустя полчаса, на скромной «Судзуки Витара» я выехал в сторону полуострова Халкидики, в древности ее называли Колхида. Именно там располагался лагерь, организованный в этом году Тилманидисом. До точки, прописанной крупнейшими юристами мира, оставалось около 40 километров.

Через час я остановился у большого экспедиционного городка, буквально в семистах метрах от местной деревни с красивым и вечным названием Олимпиада. В городке, несмотря на ночное время, кипела жизнь. Отовсюду доносились голоса, в некоторых палатках и автофургонах звучала тихая музыка. Лагерь сейчас был похож на туристический кемпинг. Только осенняя ночная прохлада говорила о том, что сезон совсем не для отдыха.

Лагерь археологов располагался у подножья нескольких холмов, практически полностью покрытых древними развалинами. В неярком освещении, направленном на эти каменные россыпи, казалось, что прошедший здесь еще во времена, описанные Гомером, Полифем – великан-циклоп – в неопикуемой злобе разметал, разбросал огромные и не очень камни и удалился. Так и замерло время в помертвевших и разбитых строениях. Многие интересные открытия были сделаны здесь. Некоторые участки сейчас оформлены так, чтобы принимать туристов и рассказывать им о многочисленных культурных слоях по признакам, оставленным разными народами и на камнях, и в земле. И мне предстояло внести свой вклад в этот нелегкий и кропотливый процесс.

В одном из фургонов открылась дверь, и на улицу выскочил молодой человек, который быстро пошел вглубь лагеря.

– Простите, вы мне можете помочь? – окликнул я его. Он повернулся, улыбнулся мне и кивнул. Ранее я его не встречал, похож на студента или волонтера.

– С удовольствием!

– Где мне найти Тилманидиса? Я приехал по его заявке.

– Панкратайос сейчас у себя, – он показал рукой на верхний ярус лагеря. – Вот в том контейнере. Вам повезло, он всего два часа как приехал из Афин.

– Спасибо, еще встретимся, – улыбнулся я ему в ответ и пошел в указанном направлении.

Огромный и длинный, бывший морской карго-контейнер стоял на специально положенных сваях и плитах. Панкратос и в таких деталях соблюдал правило «история не должна страдать от ее поисков». Я приоткрыл врезанную в стену дверь и сразу почувствовал знакомый запах трав, которые он всегда вешал во всех своих жилищах, объясняя тем, что они и расслабляют его и помогают думать. Что именно в этих букетах, никто не знал, я только узнавал веточки липы и розмарин. Внутри контейнер был переделан в обычную однокомнатную квартиру, с обогревателями, освещением, утепленный специальными панелями, он давал максимальный комфорт любому. Наличие двух больших, компьютерного и письменного, столов и крохотного диванчика, говорило о том, что человек, обитающий здесь, больше работает, чем отдыхает. Вот и сейчас он сидел, сосредоточившись над пожелтевшими бумагами. Я аккуратно кашлянул.

– Дэнис, наконец-то! Рад тебя видеть! – вскочил из своего кресла Панкратос и быстрыми шагами подошел ко мне. – Ты долго ехал! Обычно ты прилетаешь по первому зову.

– И я рад. Была заминка в Австралии. Там ничего не вышло, и вот – я здесь. Как получил договор, сразу вылетел.

Энергичный грек все еще хлопал меня по плечам. Его глаза под большими очками радостно блестели. Длинные темные волосы всё чаще стали прореживаться седыми.

Панкратос – из той редкой породы людей, которые всегда знают, чего хотят, а если умножить это на энергию грека, который, вопреки многим мнениям, совсем не ленив, то как раз получится Тилманидис, настоящий одержимый древними артефактами человек.

– Ты знаешь, почему мы здесь? – торжественно спросил он.

– Наверно, будем что-то искать? – решил пошутить я. – Покопаем немного, поваляемся в пыли веков... Но мне сейчас интересней, кто всё это так масштабно завернул?

– Я думал, твоя Джессика тебе всё доложит. Как выяснилось, это по ее протекции нам выделили средства на всё это. Ты представляешь, мне удалось собрать больше семисот человек! Большинство – студенты со всего мира, но есть и тертые камнями люди. Ничего, скоро всех увидишь! – он уселся обратно и поднял несколько листов. Как я понял, с древнегреческими письменами. – Смотри. Здесь копии данных о том, что здесь, под разрушенными стенами и башнями лежит еще один слой. Та самая Стагира, какую я и хотел найти. Будем всё поднимать. Я уверен, мы найдем важные доказательства этого.

То, что он сказал про Джессику, меня очень озадачило. Я вспомнил, что так и не вскрыл второй конверт. Да и поведение ее в эти дни было не таким, как всегда. И захотелось сказать, что она не моя.

– Панкратос, ты здесь копаешь с девяносто шестого года. Только я был в четырех походах сюда. Один длился почти три года, без перерывов... – но он не дал мне договорить:

– Ну, я же не виноват, что моя земля спрятала от человечества столько секретов и знаний, что кто-то должен это всё достать и предъявить миру! – с нескрываемой гордостью громко проговорил старый знакомый.

После этих слов мне очень захотелось рассказать о моих кратких и таких глубоких приключениях, как во сне, так и наяву, но он уже погрузился в изучение очередного листка. Только на выходе я услышал, как он буркнул мне:

– Иди в палатку с номером «4», там штаб. Начинай устраиваться.

Я вышел и осмотрелся. После яркого света у Панкратоса глаза не могли различить все детали, но я слышал, что ко мне кто-то идет.

– Кочетоф! Дэн! И ты с нами! Молодец! – быстро проговорил знакомым мне баритоном идущий, и я почувствовал очередные объятия и запах джина. Джин, как «основу диетического питания», употреблял только один мой знакомый, ирландец – Броган, а, значит, и его брат-близнец, смуглый Дуан, тоже где-то рядом.

– Привет, Бруган! – я тоже похлопал этого парня по спине. – С вами я, с вами. Где твое отражение? Дуан прячется, как всегда? Давай, зови его!

Зрение ко мне вернулось, и я охотно разглядывал очередного своего знакомца. Они с близнецом – постоянное хохочущее бедствие всех отдыхающих. Количество розыгрышей и придумок, на которые они решались, не поддавалось никакому подсчету. От простого приклеивания записок на спину, до сложных, многоходовых, как шахматы, шуток. Их арсенал был неисчерпаем. Сами про себя они рассказывали, что родились вместе, а не по очереди, поэтому родители не смогли назвать их «Первый» и «Второй». Они сразу стали «Вторыми», оба. Бруган Сичлейнн Маккенна и Дуан Сичлейнн Маккенна полностью оправдывали свою фамилию, ведь означала она с ирландского «поджигатель». Я по-русски называл их «зажигалки». К ним все привыкли. Никто не обижался, хотя своим постоянным весельем они могли вывести из себя любого. Но во время раскопок они работали, как механизм, налаженный на поиск. И большинство мелких артефактов обнаруживали именно они. Ничто не ускользало от их четырех глаз и четырех рук. Надо ли говорить, что они были жгуче-рыжими, скорее медными, в том оттенке, когда на меди проступает красноватая патина. Вот и сейчас я разглядывал короткий яркий ежик Бругана, вспоминая всех своих рыжих, которых встретил по дороге сюда.

– Бруг, ты знаешь, сколько ваших мне встретились за по-

следние дни? Тьма! – я знал, что цвет волос у братьев – отдельная тема для восхищения собой. – Похоже, что вы начали захват мира?

– Конечно, Дэн! Ведь мы окружаем вас, блеклых, потом захватим и заставим работать на себя! Будете везде сажать морковь и апельсины! – громко рассмеялся ирландец. – Потому что они тоже рыжие!

– Броган! Ты мне мешаешь! – раздался окрик из-за двери – смех рыжего долетел до Панкратоса. – Отведи его в четверку, пусть регистрируется.

Он легко подхватил один из рюкзаков и потащил меня за собой.

Несмотря на полночь, в огромной армейской палатке с красиво начерченной четверкой кипела жизнь. Не менее десяти человек что-то открывали, доставали, переставляли, собирали мелкое оборудование и аппаратуру. Весь правый угол занимали ящики с анализаторами и прочими необходимыми для быстрых исследований приборами.

Прямо по центру стоял стол, где сидела над амбарными книгами крохотная девушка, очень коротко стриженная. Когда она поворачивалась, на спине и шее были видны татуировки в виде множества шестеренок. Брог кивнул в ее сторону. Я подошел ближе. Только тогда она обратила внимание, что в палатке появились новые люди. Она подняла глаза и спросила:

– Только приехал? Давай документы и копию контракта,

я всё запишу. – говорила она тонким, но приятным голосом, похоже было, что немного растягивает слова. Акцент мне был неизвестен. – Спасибо Брэгги! – махнула она рукой улыбочивому ирландцу. Он вышел на улицу.

– Вот. Меня зовут Дэн. Дэнис или Денис, как удобно, – проговорил я, протягивая ей папку с бумагами и паспорт. – Расскажешь, где лучше разместиться?

– Конечно. Подожди пять минут. Да, меня зовут Кина, – и она, достав несколько толстых подшивок, погрузилась в заполнение каких-то анкет и таблиц.

– Значит Дэн, Денис и Дэнис? Прямо един в трех лицах, – пробормотала она. Чем вызвала мою улыбку, которую она точно не видела.

Я сел на ближайший ящик, поскольку стулья все были заняты оборудованием, и стал ждать. Она уважительно осмотрела мой паспорт и, поняв, что отметки там искать бесполезно, отложила его, переписывая все данные из контракта.

– Прививки все сделаны? – спросила Кина, подняв глаза.

– Больше, чем необходимо живому! – четко отрапортовал я.

– Тогда вот. Забирай, – она вернула мне документы. – Я ценю краткость, поэтому будешь Дэн. Меня лучше зови просто Ки. Мне привычней. У нас расположение такое: есть палатки, они общие, там по двадцать человек, везде есть места. Есть фургоны на четверых, шестерых и на двоих. На двоих все заняты. Их всего четыре, в трех молодожены, а один в ре-

зерве для Панкратоса. Он сейчас старается с комфортом перемещаться. Ты шестнадцатый русский. Можешь устроиться к своим. Но, думаю, что тебе будет со знакомыми интересней вечера проводить, – так же плавно, почти нараспев проговорила она.

– Ну, русский я очень условно, хотя и горжусь, что родился там. Что ты имеешь в виду под «знакомыми»?

– С Маккеннами никто не хочет заселяться, ты ведь знаешь почему? Там только один с ними в фургоне на четверых. И он, кстати, русский. Новичок.

– И как он решился? Не жалуется?

– Нет, не жалуется, они его берегут. Он их выбрал по определенному мотиву, вот они и рады теперь. Ну что, Дэн? Определился?

– Отлично, мне их подколы никогда не мешали, пусть бьются, им же всего по тридцать пять, а мне уж сорок было, – в принципе я и так хотел спросить место у Брогана, так обрету полный иммунитет к рыжеволосым людям. – Куда идти?

– Броган снаружи, я вижу его ногу, – Ки протянула мне бейдж, на котором уже была моя фотография и все данные. Организация была и вправду выше похвал. Она вписала лишь дату регистрации. То, что на меня был напечатан бейдж, говорило об одном – организатор был уверен, что я буду именно здесь. – Носи гордо, Дэн! Бейдж не снимай на территории Греции, работает, как временный паспорт, да еще в нем GPS передатчик с твоими данными. Утром уви-

димся здесь, в штабе, сбор в 8:00

– Спасибо, Ки, быстро у тебя все.

– Ведь я же «золотая», вот все быстро и получается.

– Ладно, Золотая, я пошел, – я только развернулся, чтобы выйти, но решил спросить. – Ты поешь?

– Да, и очень странные песни. Будет настроение, гарантирую, что удивлю, – мелодично проговорила Кина.

Я вышел на воздух, где меня действительно ждал Броган.

– Ну что, куда определился? – от него пахло свежей порцией джина. – Пойдем, провожу.

– Пойдем, посмотрим, где вы расположились с Дуаном. Хочу его тоже увидеть.

Броган заулыбался максимально возможной улыбкой.

– Отлично. Пошли, мы на правом краю лагеря. Тебя есть, чем удивить.

– О, и ты меня удивить решил. Только что Кина обещала.

– Спеть пообещала? Это да, поет она удивительно. Кстати, как тебе наша японка?

– Почему японка? Она не похожа совсем. Вот только акцент странный.

– Она родилась в семье дипломата Португалии в Японии, там и осталась, когда родители уехали. Решила быть японской подданной. К ней Дуан подкатывать пытается.

– И как?

– Да никак, она считает его несерьезным.

– А что остались на планете люди, который считают вас

серьезными? – Я даже хохотнул, когда Брэг скорчил расстроенную мину. – И не староват он для такой юной особы?

– Так она твоя ровесница, Дэн, недавно поздравляли с со-рокалетием. Видел бы ты наш подарок...

– Представляю. Но выглядит совсем молодо, необычно.

– Я же говорю – японка, а они не стареют.

Так за разговором мы дошли до сероватого автофургона. Брэган открыл дверь, и я поднялся на площадку входа. Шагнув внутрь, я обомлел. Передо мной стоял двойник того самого любителя узо из самолета. Только моложе лет на пятнадцать-двадцать, в простом рабочем комбинезоне и без колец на пальцах. Во всем остальном точная копия. И сразу стало понятно, по какой причине он выбрал ирландских шутников себе в соседи, его голову украшала яркая рыжая шевелюра.

Брэган уже стоял за моей спиной и, выглядывая из-за моего плеча, проговорил:

– Знакомьтесь! Дэн, это Алекс, Алекс, это Дэн! – и засмеялся в голос. – Я же сказал, что удивлю тебя. Ду, вылезай, смотри, кого я нашел на дороге! Алекс, и тебе будет с кем не забыть русский язык! Ха!

Алекс добродушно улыбнулся и протянул руку.

– Привет, я Алекс, Алексей, – сразу по-русски заговорил он. Живу с этими чудаками.

– Денис Кочетоф, теперь твой сосед. Разбавлю вашу рыжую банду, – мне понравилось и его лицо, и рукопожатие, и речь. Голос был негромким, но очень четким. Так чаще го-

ворят на иностранном языке, чем на родном. Было понятно, что на русском ему приходится разговаривать не часто. – Какую кровать я смогу занять?

– Кто это? – из глубины комнаты вышел близнец Брогана, Дуан. – О! Я рад тебя видеть. Как добрался? Я ставил на то, что ты будешь в списках и выиграл. Давай мне пятерку!

Все это Дуан выпалил без пауз, на одном дыхании. Броган достал мятые пять евро и протянул брату. Они оба вновь захохотали.

Получив очередную порцию хлопков по спине, я прошел к указанной кушетке и положил на нее свои вещи.

– Ты что, будешь жить с нами? – обрадовано спросил Дуан. – Наконец-то жертва!

Я кивнул, все снова засмеялись.

Так я вступил в «Клуб Рыжих», оставаясь шатеном, и мои новые раскопки в Греции начались.

Ночь и утро прошли спокойно. Единственное, что меня огорчило по настоящему, это отсутствие моего несессера, и, соответственно, письма в нем. Что пыталась передать мне Джесс, так и осталось тайной. Ни в сумке, ни в рюкзаках найти маленький кофр я не смог. Как не смог объяснить последние события самому себе.

Глава 8

После плотного и сытного завтрака, ровно в восемь, я стоял у условных дверей штаба. Нас собралось около сорока человек. Примерно половина была мне знакома, кто-то больше, кто-то меньше. С некоторыми мы в прямом смысле «хлебали одной ложкой». Другая половина была мне незнакома совсем, но многие здоровались, поскольку я часто был в фото и видео отчетах о проделанных работах. Узнавали. Радовало то, что было много совсем молодых лиц, а это значило одно – дело, фанатиком которого был Панкратайос, в ближайшее время не погибнет.

Через минуту подошел сам Тилманидис, которого за важный вид чаще называли «Босс» или «Барон», за глаза, конечно. Сказав дежурные слова и представив вместе со мной еще одного приехавшего вчера, он перешел к делу.

– Друзья мои! Теперь все группы в сборе. У нас намечено сорок пять участков разного поиска. Все распределены, последний участок возглавит Кочетоф, Башню! Все знают, что и как они делают. Всегда в вашем распоряжении волонтеры. Обращайтесь за помощью к Кине Симантуш, она направит необходимое количество. – Кина встала и повернулась медленно вокруг себя. – Также на ней их обучение и организация.

– У меня всё. Всё оборудование, как мне доложил и, со-

брано. Дэн, – обратился он ко мне. – Кран будет завтра. Сам на месте посмотришь, с чего начать. Ребята все сверху уже задокументировали. Твоя на сегодня задача – разметить подъем и место для крана. Там без него никак.

– Ви, мон женераль! – тихо пропищал стоявший за мной Дуан. Это услышали только те, кто был вокруг меня, и заулыбались.

– Я понял. Приступаю, – по-военному громко и четко выговорил я.

Все стали расходиться по своим объектам. Я, в свою очередь, зашел в палатку, чтобы получить стандартный набор в таких экспедициях – рацию, смартфон со сканером и цифровой рулеткой, цифровую камеру, блок запасных аккумуляторов для каждого устройства, два литра воды и небольшой паек из галет, шоколада и жевательной резинки.

Кина уже была внутри. Она что-то опять писала в своих бесконечных журналах. Перед ней, как школьники перед учителем, только без парт, сидели не менее тридцати волонтеров – подростков и студентов археологических заведений со всего мира. Было удивительно тихо. Видимо, авторитет этой маленькой женщины был огромен. Она стояла боком ко мне, а с другой стороны, в пленку открытого окна, ею любовался Дуан. На меня она снова не реагировала, а его каким-то чудом увидела, и махнула рукой в его сторону. Рыжеволосая голова пропала.

– Он, кстати неплохой парень, – тихо проговорил я, при-

близившись к ней. – Привет, Ки. Я давно его знаю.

Она одарила меня просто убийственным взглядом. Как будто прибила к доске десятидюймовыми скобами.

– И ты туда же? – уже не так мелодично, как вчера, сказала Кина. – Привет. Дэн, теперь у тебя минус одна песня.

– Это как?

– Это штраф за длинный нос! Когда я буду петь, то первую песню ты слушать не должен. Понял? – она сделала смешное злое личико. Дети засмеялись.

– Понял, прости.

Она повернулась к волонтерам и спросила:

– Кто проводит Дэниса до Башни? – поднялись почти все руки. – Бон, ты отведешь нашего коллегу.

Встал хрупкий парнишка азиатского вида. Он быстро подошел ко мне.

– Бон Пок, я из Сеула, – и протянул руку.

– Дэнис Кочетоф, отовсюду, но сейчас из Мюнхена, – сказал я, с улыбкой глядя на маленького корейца, и пожал худую ладошку. После чего я добавил. – Вещь в себе.

Не знаю, что именно меня заставило сказать эти слова, но Кина резко повернулась и стала меня внимательно разглядывать. Я так и держал руку парня в своей. Вдруг почувствовал, что краснею. С детства не испытывал такого ощущения. Как будто меня прилюдно раздели.

– Удачный ход. Штраф отменяется, – снова певуче заговорила Кина и улыбнулась.

– Спасибо, Ки, – я все-таки отпустил руку Бона, и мы пошли за оборудованием. Там я расписался не менее десяти раз, рассовал все предметы по многочисленным карманам и вышел из палатки. Бон показал мне направление, и мы пошли к Башне. Мы шли, а я опять рассуждал, что происходит вокруг меня? Или это внутри меня? Плюс Кина странно отреагировала на не менее странные слова, да так, что я испытал неловкость... Сначала про Дуана шепнул не вовремя, потом это.

Мы дошли до участка. То, что называлось «Башня», было огромной грудой камней. Но действительно просматривалась ее полукруглая форма, и по тому, что эта развалина была выше прочих по уровню, значит, она была намного выше сложена. Отсюда и «Башня». Везде были предусмотрительно натянуты специальные сетки, улавливающие любые отлетающие осколки, вплоть до пыли. Таковы правила раскопок.

Меня ждала группа, назначенная сюда с самого начала. Всего я насчитал двенадцать человек. Три девушки, на взгляд около 25 лет, четверо совсем молодых парней, явно с первых курсов, и пятеро опытных, по виду старше 50, профессионалов. Все одеты в одинаковые комбинезоны. Свой я почему-то не взял на складе и был пока в своей стандартной дорожной одежде. Хорошо, что жилет надел, а то бы набитые техникой брючные карманы мешали двигаться. К моему удивлению, вся группа была мне незнакома, ни с кем из них я ранее не работал вместе. Быстро со всеми поздоровавшись

и записав в блокнот имена и даты рождения, я приступил к осмотру верхнего яруса, который надо было снять в первую очередь.

Самый старший по возрасту в группе словенец Сашо выполнял, пока меня не было, функции руководителя. Он передал мне все накопившиеся бумаги и заметки, которые я бегло просмотрел. Мы занялись разметкой. К двум часам дня мы отметили и задокументировали положение пятидесяти четырех камней. Весь порядок, от первого до последнего, позволял снимать ряды наиболее быстро и безопасно.

Как ни странно, современная археология – это, по большому счету, не копание с кисточкой и совочком в земле, хотя и этого хватает, а постоянное фиксирование, зарисовка, фиксация позиции «объекта» и прочие термины, которые позволят при необходимости собрать всё обратно. «А что у нас объекты? Правильно – Всё! Объекты – Всё. Я бы даже сказал, Всё есть Всё, у археологов точно так и есть. Хотя совсем недавно я слышал подобные размышления совсем не об археологии. Так. Надо вернуться к рабочему состоянию», – тут я понял, что снова бормочу себе под нос, а Сашо, оказавшийся рядом внимательно прислушивается. Видимо думает, что я чем-то недоволен. Ну и пусть.

Громко запищала рация: «В 14–40 ваша группа на обеде», – проговорила она с треском и сильным акцентом, как только я нажал клавишу приема. И я услышал, как у всех запищали телефоны. У меня тоже: «14–40 обед» – такая над-

пись была на экране. Я вспомнил, что питанию в контракте уделено две страницы и решил не удивляться.

Группа из одиннадцати поваров из всех регионов мира, плюс сорок волонтеров, обслуживающих группы в трех специально отведенных для приема пищи палатках, воистину обеспечивали уровень питания уровня выездного симпозиума, как у греков древности, только без обильных возлияний. Хотя один стакан местного красного или белого вина входил в рацион. Бочки стояли во всех обеденных палатках.

Мы вернулись к работе и задокументировали боковые следующего ряда, которые будем вынимать после снятия первого. Все, наверно, играли в компьютерный «маджонг» и имеют представление, как это выглядит. Внутренние ряды и пустоты были для нас пока недоступны.

Вечер наступил резко, как всегда бывает в этих широтах в конце октября. Мы всей группой подняли по пластиковому бокалу вина «за будущие открытия» и около девяти часов разошлись по спальным местам. Моих рыжих соседей еще не было. Наверняка балагурили где-то.

Я лег на свою уютную койку и, достав блокнот, стал рассматривать символы и штрихи, переписанные в самолете. Я пытался найти им хоть какую-то логическую правдивость, но ничего не выходило. Скорее всего, это был сонный бред. За этим занятием я и уснул.

Следующие три дня прошли в постоянных рутинных делах по поднятию, документированию, перевозке, погрузке,

новому документированию всех наших фрагментов, которые мы так организованно снимали. Слой за слоем мы двигались вниз, к непознанному. К тому, чего еще никогда не видел, а, может, даже и не слышал о том, что нам может открыться. Несмотря на все перерывы, перекусы и прочие прерывания, сил на раздумья и анализ совсем не оставалось. Я приходил, падал в кровать и закрывал глаза. Открывал их уже утром, чтобы начать такой же насыщенный работой день. Мысли и переживания последних дней спокойно уходили в прошлое.

Мои яркие соседи тоже не особо досаждали мне, видимо, я заслуживал хоть какое, но уважение. Можно не вспоминать, что на четвертый день я проснулся, как всегда, около 6:30, так было последние 11 лет, с перерывами на временную, после смены часовых поясов, погрешность. Сел на кровати, слегка размял во все стороны свои слежавшиеся суставы и пошел в санитарный отсек. Все мои соседи еще пускали пузыри во сне, когда в зеркале я увидел, что мои волосы окрашены в оранжевый клоунский цвет. Я знал, что у братьев всегда есть набор подобной косметики, которая служит верную службу их неумемному шутовскому темпераменту, и пошел искать. Минут через пять в изголовье Дуана, я нашел баллончик с краской соответствующего цвета. Я встряхнул банку – краска еще была. Послушав дыхание Ду и уверившись, что он спит и видит прекрасные сны, безо всяких сомнений покрасил его лицо и ладони из того же балло-

на. Немного встряхнув краску, я проделал ту же процедуру с Броганом и слегка «обработал» нос Алексея. После чего обычным мылом смыл свою яркую внезапную рыжесть под струей теплой воды. Инструкция по удалению этого цвета была на банке с краской. После чего оделся и, довольный тем, что у братьев со мной ничего не получилось, вышел в сторону штаба и зоны питания.

Пятый день моего участия в новых раскопках на Халкидики начался задолго до рассвета. Устав, как раб на галерах, я прилег и, надеясь, что сон наступит внезапно и быстро, закрыл глаза. Непривычно тихий покой в фургоне и мерцающие сквозь веки всполохи света заставили меня открыть глаза. Передо мной стояли мои трое огненноголовых друзей с горящими свечами в руках. Первой мыслью было послать их «в объятья Морфея», но их серьезный вид заставил меня резко сесть на кровати.

– Что не спим, дурни? – решил не церемониться я.

– Тсс... – прошипел Броган, а Дуан шепотом добавил:

– Ты хочешь пропустить чудо?

Я смотрел на этих шутов с желанием дать каждому по лбу и снова лечь, но их лица и активное кивание головы Алексея заставили меня сменить тон.

– Что надо? – еще раз спросил я.

– Тебе же обещали чудо? Пойдем с нами. Только очень тихо. А то чудо спугнешь, – вновь прошептал Броган.

Он протянул мне такую же толстую свечу и показал на

дверь. После этого они все вышли. Я быстро оделся и выско-
чил за ними. Они стояли внизу и ждали меня.

– Пошли, – снова прошептал Дуан.

Близнецы повернулись и пошли в сторону самой высокой
точки нашего лагеря. Алекс дождался меня и протянул горя-
щую свечу. От нее я зажег свою. Потом, когда Алекс повер-
нулся и пошел за братьями, я встал рядом с ним и двинулся
вперед.

По пути я стал слышать странный звук. Не могу точно его
описать, но это было похоже на церковное христианское пес-
нопение, очень необычное, исполняемое ребенком, мальчи-
ком-монахом, так тонок и слаб был голос поющего. Чем бли-
же мы подходили к эпицентру этого звучания, тем громче и
четче звучали слоги и слова этой песни. Песня была длинной
и тягучей. Она обволакивала слушателя необыкновенными и
непонятными словами, а также ритмом и сочетанием звуков,
которые были очень приятны на слух. Стало казаться, что
такое надо слушать вечно.

Мы подошли в самый центр действия, песня не прекра-
щалась. Она лилась по округе и все, кто ее слышал, зами-
рали, чтобы ни движением, ни дыханием, ее не прервать. Я
нашел свободный камень и присел. На самой высокой точ-
ке лагеря, прямо над обрывом древнейшей скалы перед Сре-
диземным морем стояла маленькая Кина и пела. Она смот-
рела в темную бездну и пела малопонятные слова. А капел-
ла. Кроме движения воздуха вокруг звука больше ничего не

было. Люди вокруг замерли. Единственное, что я понял, что она поет на древнегреческом языке. Мертвом для всего человечества, но не для нее. Она не видела или не обращала на слушателей внимания и пела, создавая необыкновенную мелодию и звуки в этом современном и недостойном такой чистоты мире. Еще через три минуты я стал понимать, что кроме этой песни вообще не существует ничего в этом мире. Всё, что есть – это она. Песня. Музыка, создаваемая голосом. Гармония, воспетая древними поэтами, вступила в двадцать первый век. Она переливалась, струилась, переходила на речитатив, стонала, выла, кричала, но все это вместе создавало музыкальную картину вечности. Или бесконечности, которую так старался понять Хокинг в моем сне.

Поддавшись общему состоянию, я закрыл глаза и стал внимательно вслушиваться во все звуки. Как только я расслабился и превратился в слух, песня прервалась. Не открывая глаз, я несколько раз покрутил головой, стараясь поймать мелодию, как ловят убежавшую волну на приемнике, но звуков не было. Абсолютная тишина. Я открыл глаза. Прямо передо мной, в метре, стояла Кина и улыбалась.

– Все спят, а почему ты не спишь? – пропела она тем же неземным голосом. – Ты пришел сюда, а зачем, знаешь?

– Меня привели братья Маккенны. Но я действительно удивлен тем, что услышал сейчас. Спасибо.

– Ты пока не понял, что ищешь сам, и братья тут не причем. Лучше слушай меня.

И она затянула новую, совсем мне непонятную песню на том же малодоступном древнем языке. Она стояла передо мной, маленькая и хрупкая, но звуки и слога, которыми сейчас она делилась со всеми, были нереальны. Я снова закрыл глаза, и передо мной стали проноситься образы из старых фильмов о древности и рабах, о Спартаке и спартанцах, мифология о Геракле и Меркурии, философы и поэты прошлого, написавшие эти слова – всё это было вокруг меня.

Вдруг я почувствовал, что меня взяли за правое плечо, но я решил не отвлекаться от своего зрелища. Потом меня стали трясти за ту же руку, и я открыл глаза. Теперь передо мной стоял Алексей, также крепко держа меня за руку. Свет в окне точно показывал, что уже давно не восемь – время собрания руководителей групп, а намного больше. Я снова, как и ночью, резко сел на кровати.

– Уже одиннадцать, – прошептал Алексей и протянул мне стакан с двумя шипящими таблетками: – «Алка Зельтцер».

– Но я не пьян. У меня нет похмелья, – проворчал я, смахивая остатки сна про песнопения на скале.

– Аты помнишь, каким ты вчера вернулся?

– В смысле – «вернулся»? Я что, куда-то ходил? – у меня явно было глупое лицо в данную минуту.

– В прямом смысле. Мы тебя разбудили и вместе пошли слушать Кину. Ты сел в самой середине площадки наверху и сидел до самого конца. Она закончила петь, и все разошлись, а ты остался сидеть один. Брogan звал тебя раз двадцать, но-

ты сидел, покачивался и отрицательно мотал головой. Мы ушли спать. Через час ты пришел, едва ступая ногами. Еле в дверь попал. Мы с Дуаном втащили тебя и положили на кровать. Ты тяжелый.

– А раздевал меня кто?

– Да я и раздевал, – Алекс смотрел на меня, как на тяжелобольного. – Ты только подвывал что-то и бормотал про вещи, числа и знаки. Мы были уверены, что ты с кем-то «посидел» и перебрал.

Я сидел на кровати и не понимал ни слова из его рассказа. Как это всё произошло?

– Алекс, а Кина, когда ко мне подошла, ты слышал, что она говорила?

– Нет, не слышал. Потому что она к тебе не подходила. Допела и ушла к себе.

Вот это новости. Мои галлюцинации приобретали эффект алкоголизма. Хотя бы для окружающих.

Я посмотрел на часы. Было 11 часов. Рация и телефон лежали на столе, включены, но никто не звонил и не искал меня.

– Почему ты не на работе? – пытался узнать о происходящем я.

– Так сегодня объявлен мораторий на работы. Выходной. КТилманидису едут несколько политиков и комиссий из ЮНЕСКО. Всем разослали сообщения. Мы просто отдыхаем. Но ты не повторяйся сегодня, как вчера, – явно обижен-

но проговорил Алексей, и пошел заниматься своими делами.

Я просидел в одной позе, как минимум, полчаса, восставливая события ночи, и никак у меня не сходились рассказ Алекса и мои собственные ощущения и воспоминания. Никак. Невозможно представить, что это было про одного человека. «Что с тобой, Дэн?»

– Что ты говоришь? – опять показалась рыжая шевелюра. – Может, воды?

– Спасибо, Алексей, не надо, я сам. Будь другом, в следующий раз брось меня, если найдешь таким же, – я улыбнулся соседу, и он ответил тем же.

Я быстро принял душ, оделся и вышел на воздух. Вокруг была необычная тишина. Никакого движения. Есть не хотелось, и я отправился в сторону своего участка, посмотреть, сколько мы успели сделать. Вдруг мы уже дошли до чистой земли, а я об этом не помню.

Через пять минут я был на месте. Хорошо. Все так, как и было вчера. Я забрался в центр «Башни», достал из кармана план следующего ряда на съём и стал еще раз осматривать обработанные предками камни. Между глыбами с красными цифрами «7», «1» и «3» с моего места был виден небольшой лаз вниз. Пометил мелом место, где стоял, и посмотрел на лаз с других точек. Он был виден только с одного места. Опять встав на меловую отметку, я внимательно зарисовал всё в блокнот. Наверняка пригодится. Еще раз осмотрелся и пошел в лагерь.

Я медленно вернулся к штабу, там тоже вяло сидели и болтали с десятков волонтеров. На вопрос, где Кина, они просто пожали плечами. Кругом была тишина. «Вот еще бы дождя», – снова вслух проговорил я. Наконец я понял, что жутко проголодался, и пошел в зону питания.

Глава 9

В самой большой палатке звучал громкий раскатистый смех. Было件нятно, что мои рыжие друзья находятся именно там. Я решил присоединиться. Войдя внутрь и набрав себе несколько тарелок на поднос, я повернулся к столикам, где с моим входом наступила тишина. За столами сидело не больше пятнадцати человек. Моя яркая троица, естественно, была в их числе, правда, сидели они за разными столами. Дуан сидел с Киной и, единственный во всем зале, пялился не на меня, а на нее. Я решил подсесть к ним. Вдруг Броган не сдержался и спросил:

– Дэн, муки совести или тремор? – половина зала тихо засмеялась, и я понял, что перед моим приходом братья смачно рассказывали про меня.

– Брог, твой джин вне конкуренции, убивает наповал! Я, кстати, отдал тебе пятерку? – я заставил нахмуриться весельчака, который явно не ждал, что я признаюсь так легко. Я подмигнул ему и присел за стол Кины и Дуана.

– Привет! Ты действительно необыкновенно поешь! – проговорил я, расставляя тарелки. – Может, надо диск записать?

– О, я удивила такого знатока? – парировала с улыбкой Кина. – Диски пусть записывает Дивна Любоевич, а я только пою для себя и друзей.

– Ну что ж, спасибо, что стал твоим другом, – я так хотел задать ей кучу вопросов, может, у нее был ответ о моем вчерашнем состоянии, но она встала, потрепала Дуана по щеке, что-то шепнула ему и ушла.

Дуан явно погрузился, как только его дама сердца вышла из палатки, и стал смотреть на свои руки. Прочий народ тихо шумел, обсуждая свои дела.

– Устроим вечеринку «Удиви меня!»? – спросил, насмотревшись на ногти Дуан, как только я отодвинул последнюю тарелку от себя.

– Как в лагере скаутов – «ужастики»? – чуть не рассмеялся я.

– У нас был отряд «Воители и воительницы», – быстро вспомнив прошлое, проговорил Дуан. Услышав это название, к нам решительно направился Бруган. Он сел за стол.

– Сегодня будем бояться или удивляться? – Бруг довольно сопел. – Отлично!

– Ага, давайте вчетвером в темноте, как дети... – начал было Дуан, но Бруг уже занял командирское место и не мог его уступить.

– Берем всё с собой, Ду, у тебя виски осталось?

Дуан кивнул.

– Отлично, будем кидать жребий, и рассказывать друг другу странные истории. Чья история реально удивит остальных участников – тому выигрыш. Проигравшие покупают ящик джина мне, виски – Дуану, а русским по ящику

водки. Ну как?

– Мне тогда тоже виски, – проговорил я, смеясь. – И как вы это всегда придумываете?

Братья синхронно пожали плечами и отправились за Алексом. Я сказал, что подойду через полчаса.

Я решил зайти к Панкратосу и рассказать о найденном лазе. Поднявшись к нему, я увидел толпу людей, так сильно отличающихся от нас, археологов, что казалось, нашествие инопланетян уже началось. Тьма баснословно дорогих нарядов и шуб, блеск драгоценностей, как от женщин, так и от мужчин. Плюс к этому стоял устойчивый запах парфюмерного бутика. Ближе мне подойти не дала охрана, которая несколько минут проверяла мой бейдж и задавала один вопрос: «Вы приглашены?» На пятом вопросе я развернулся и пошел развлекаться с рыжей командой.

Окна внутри фургона были завешены плотной тканью, на столе, который они поставили на середину свободного пространства, горела свеча. По сторонам стояли узкие складные стулья. Мои яркие друзья сидели на трех из них и о чем-то бодро спорили. В руках Брогана была колода карт, как я понял, для жребия. Я снял обувь и сел на свободное место.

– Ну что, тянем карты? – спросил Дуан и указал на брата, как только все кивнули. – Начинай с себя.

Броган несколько раз перетасовал колоду, разделил на стопки, соединил и снял верхнюю. Подержал в руках и перевернул. Это была семерка. Потом он протянул колоду Алек-

сею и развернул ее веером:

– Выбирай.

Алекс достал свою – джокер. Все рассмеялись. Алекс – везунчик, и карта без номинала его освобождала от рассказов и превращала в слушателя. Дуан вытянул даму.

Я был последним. Как в каком-то фильме, потер пальцы и подул на них. При этом я точно знал, что именно вытащу. Брэг уже намекал Дуану, чтобы тот готовился к рассказу, но я взялся за карточку, подержал ее в пальцах и, уверенный в выборе, показал всем бубнового туза. Я выиграл. История была с меня.

– Вот как, прямо как у Пушкина, – проявил знания в русской литературе Дуан.

И правда, как в «Пиковой даме», выпали карты. Я несколько минут подумал, что бы их могло напугать, и решил, что самая страшная сказка – это полуправда. И, пока все наполняли себе стаканы выбранными напитками, я знал, что буду рассказывать своим рыжим про странных рыжих, которых встретил за последние десять дней, конечно же, придавая всем своим персонажам зловещие черты. Я дал сигнал, что готов, и Дуан задул свечу. Наступил полный мрак.

Начал я с посещения Сиднея, где мальчик в парке тоже стал рыжим. Про аэропорт, про Лос-Анджелес, Мюнхен, бар и его странного посетителя... Так, потихоньку, я рассказал им всю свою историю, включая приезд сюда, в лагерь. Закан-

чивал я словами:

– А когда я вышел из домика Главного Босса, то на меня напал самый большой и самый рыжий оборотень, который схватил меня за спину своими клыками и отнес в свое логово. Там и по сей день они доедают меня! – последние слова я прокричал, включая на последнем слоге свет, до которого смог дотянуться в темноте, чтобы увидеть лица моих рыжих слушателей.

Алекс сидел с довольной улыбкой, говоря мне: «а я не особо удивлен», но его глаза смотрели несколько взволнованно. Уж точно, заинтересованно. Братья же, наоборот, сидели по правую и левую руку от меня и действительно удивленно переглядывались между собой, изредка поворачивая головы ко мне. Их лица выражали странную озабоченность. Было видно, что они что-то хотят добавить в мой рассказ. Паузу прервал Дуан.

– То есть ты проехал четыре страны за трое суток и пересек пять океанов? – он смотрел мне в глаза, явно надеясь, что я скажу «нет».

– Можно сказать и так, Ду, ты о чем?

– Дэнис, ты посетил четыре страны, Австралию, Америку, Германию и Грецию? Сокращенно – ААGG? – Дуан снова посмотрел на брата, а я заинтересованно кивнул. – Брэг, покажи ему.

Броган тихо встал и ушел в свой угол. Было слышно, что он что-то достает из-под кровати. Через пару минут он вер-

нулся, неся знакомый конверт в руках. Именно в таких конвертах мне оставила информацию Джессика, от которой до сих пор не было новостей. Брэг сел за стол, справа от меня и протянул конверт мне.

– Похоже, что это для тебя.

– Что это? – я был в недоумении. Первая мысль, которая пришла в голову, это то, что парни приготовили очередной крутой розыгрыш, и сейчас я в его эпицентре.

– За два дня до твоего приезда нас по радиации вызвал Барон. Панкратос передал нам этот конверт и попросил разобраться. Он решил, что информацию в нем мы сможем прочесть, ведь последние исследования у нас были по скифским письменам и их аналогам в индоевропейских корнях. Это не секрет. Вот он и решил, что мы сможем это прочесть. Но там полная чушь.

– А как это попало к Панкратосу?

– Мы не знаем сами, – это ответил Брэган.

Я стал рассматривать конверт. Мелкими тисненными буквами на нем было выбито, именно выбито, а не написано: «Отмеченному священной тройкой чисел путнику, преодолевшему маршрут AAGG конверт сей предназначен».

На обратной стороне стояли знакомые буквы с подписанного чека: «С.И.Н.» Я опять подумал про Ньютона и расхохотался, так неправдоподобно всё это выглядело. Тонкий розыгрыш? Но, похоже, что я ошибся. Это не было шуткой. Лица братьев выражали реальный испуг, удивление и напря-

жение. Алекс сидел в полной растерянности, он-то совсем был случайным свидетелем всего этого. Я нервно встал. Еще одно совпадение мне пришло в голову. «Туз» во многих играх и пасьянсах равен единице. Получалось «Туз», «Тройка», «Семерка» – один, три, семь. Сто тридцать семь тысяч было на чеке, который был подписан С.И.Н. Я не понимал. Как-то надо было выходить из ситуации.

– Так, мне все-таки удалось вас удивить. Я разбогател на ящик виски! Прощу не мелочиться. Надеюсь, что вместе круто напьемся! – я хотел разрядить напряжение, и такая информация, по-моему, должна была сыграть положительную роль.

И, кажется, мне удалось. Лица перестали быть каменными. Они словно вспомнили о своих стаканах, подняли их и выпили до дна. В воздухе сразу смешался джин с виски. Только Алекс так же растерянно смотрел на нас троих. Потом он собрался и спросил:

– Так это ты сам послал себе такое письмо? А как ты узнал, что будешь делать до того, как начал это делать? – он разволновался и постоянно потирал ладони о стол. На него это было совсем непохоже. Обычно довольно флегматичный и тихий, сейчас он даже залился красным румянцем от напряжения.

Братья шумно выдохнули и засмеялись.

– Нет, это не он, но мы все почти обмочились от страха! – хохоча, проговорил Брэг. Его поддержал смехом Ду.

Вот уж славное лекарство от депрессий – смех. Вот это на-

града человечеству, почти такая же важная и такая же непонятная, как числа.

– Ладно, я тоже посмотрю, но шифровки никогда не были моим коньком, я вам не Виета, – вспомнил я имя из курса математики. – Буду читать перед сном.

Все вроде успокоились. Но продолжать наши «пугалки» точно никто не хотел.

Я еще раз покрутил конверт в руке и сунул в большой карман жилета, решив не доверять больше посторонним предметам охрану важных писем для меня. Но точно знал, что не удержусь и открою его сразу, как останусь один. Внутри меня просто бурлил водоворот мыслей и все только что пересказанные события опять засверкали яркими красками.

Примерно через час я остался в одиночестве. Братья пошли веселиться дальше, а Алекса позвали волонтеры на просмотр очередной серии популярной фантазийной саги.

Я забрался с ногами на кровать и достал конверт. Еще раз осмотрев и не увидев ничего нового, я открыл его и вытащил запечатанный в тонкую пленку кусок старого пергамента. Пленка, в которую обернули артефакт, была настолько тонкой, что все выступы документа прощупывались пальцами. И она была настолько эластичной и прочной, что спокойно сгибалась в нужных местах, не рвалась и не растягивалась. Я разгладил пленку и стал всматриваться в непонятные знаки пергамента. Так прошло довольно много времени. У документа не было видно где верх, низ, в какую сторону

писали. Да и один ли человек писал это, было непонятно. Так много совершенно разных символов было передо мной. Я пересел за стол, взял у Алекса настольную яркую лампу и, расстелив пленку, снова стал внимательно ее рассматривать. Крутить ее тоже не было смысла. Со всех сторон не было никаких зацепок, ни одного законченного или полного слова, прописанного символа или числа. Только кусочки чего-то написанного, как будто текст встряхнули и часть осыпалась. Я встал, походил еще минут пять, плеснул себе в стакан виски из коллекции Дуана и щедро разбавил водой. Сел обратно и еще раз попытался найти логику в этих закорючках. Ничего. Я вздохнул и решил посмотреть пленку на свет. Приподняв ее к лампе, я почувствовал знакомый уже холодок, что пробегал по коже довольно часто в последние дни – передо мной была почти точная копия экрана из самолета, я увидел те же безумные наборы символов и кусков букв и чисел, которые стали соединяться на свету. Просто часть была с одной стороны листа, а вторая с обратной. И, если смотреть просто сверху, то ничего не было видно. Чушь, как сказал Дуан. Я схватил лист бумаги и быстро, насколько мог, перерисовал всё получившиеся. Не хватало какой-то малости, чтобы текст стало возможно читать. И опять ассоциация с экраном самолета пришла на помощь. Ведь еще тогда я переписал все с экрана в блокнот. Несмотря на конец октября и то, что в фургоне не топили, я весь покрылся мелким потом. Сердце билось так, как будто я обогнал Усейна Болта на стометров-

ке. Хотя в чем-то так и было. Я приближался сейчас к чему-то очень важному, возможно, самому главному в жизни.

Схватив ближайшее полотенце, я вытерся насухо, достал блокнот и медленно стал заполнять остатки текста. Минут через двадцать после того, как я пропотел, как в турецком хамаме, передо мной лежал законченный текст. Глаза видели то, во что никак не мог поверить мозг. Послание веков, а было ясно, что папирусу более 800 лет, было прислано мне через время. Причем именно мне. Чтобы я его прочитал. Явно на древнегреческом. Моих знаний не хватало для точного прочтения. Я понял пока только несколько слов: «Пифия», «Отец», «Дед», «15», «найти». Даже со словарем я бы не смог составить текст с логичным повествованием. Только приблизительно. Но здесь была нужна математическая точность. Знание. Это мог сделать только один мой знакомый – Тилманидис. Возможно, нескольких фрагментов символов и букв не хватало, но это уже никак не мешало читать.

Я посмотрел на часы – 18:15. Интересно, все понаехавшие свиты уже удалились? Решив не бегать зря, я переключил рацию на номер Панкратоса и нажал вызов. Противный зуммер нельзя не услышать. Через минуту раздался щелчок ответа.

– Здесь Панкратос. Здесь Панкратос, – проговорила рация.

– Здесь Кочетоф. Здесь Кочетоф, Дэн. Нужна срочная встреча. Дело настолько важное, что нельзя терять время! – я практически кричал в маленький микрофон. – Где найти

тебя, Панкратос, я сразу выхожу.

– Я проводил ЮНЕСКО. Ты сам где? Я в лагере сейчас.

– Панкратос, я в своем фургоне. Надо срочно увидеться.

– Я рядом, две минуты. Иду. Конец, – проговорила рация, и щелчок закончил разговор.

В нетерпении я выбежал на ступени, открыл дверь. Действительно, через пару минут быстрым шагом пришел Панкратос. Он немного запыхался, подходя к фургону:

– Маккенны что, уже подожгли Рим? – шутливо спросил он, протирая запотевшие от дыхания очки.

– Привет Панкратос, поднимайся, сейчас сам увидишь.

Он выглядел очень уставшим. Представляю, ведь общение с бюрократами и власть имущими всегда отнимает много нервов и сил. А когда тебе под семьдесят лет... Еле поднявшись по трем ступенькам, он зашел внутрь. Я проводил его к столу, где так и лежали папирус в пленке и мой текст, составленный только что.

– Панкратос, скажи для начала, как к тебе попало письмо с этим папирусом?

– Дэнис, оно лежало в моем фургоне, когда его сюда перенесли. Я принес свои первые вещи, а письмо было на компьютерном столе. Там, где я его точно увижу. Кто именно его принес, мне не известно. Да, была еще записка, но я ее выбросил. В ней было написано: «Для удачного путешествия». Мне не показалось интересным заниматься шифровкой, и я отдал Маккеннам, пусть мозги напрягают в нужном направ-

лении. А они, как я смотрю, тебя привлекли.

– Я сейчас не буду всё объяснять, но это письмо – мне. Лично мне адресовано и достигло адресата. И посмотри, что в нем написано, мне нужен точный текст.

Тилманидис сел, поправил очки и взял лист бумаги с моими зарисовками. Он смотрел непрерывно около десяти минут. Потом попросил воды. Я налил большой стакан, он сделал пару больших и шумных глотков, и опять замер. Еще через пять минут он стал вновь и вновь расхаживать по диагонали комнатки. Четыре шага вправо, четыре влево. Я видел, что он тоже вспотел от прочитанного. Он резко остановился и спросил:

– Как ты прочел?

– Если посмотреть на свет, ты символы заполняют сами себя. Но я не прочел еще, только несколько слов понял, – про часть из самолета я решил помолчать.

Он снова сел за стол, внимательно посмотрел папирус на свет, покрутил его, сравнивая с моим листком. Потом резко вскочил и скомандовал:

– Сейчас быстро идем ко мне, мы, похоже, сделали одно из великих открытий в Греции! – с папирусом и листом в руках Панкратос быстро вышел из фургона на улицу.

Несмотря на то, что мы шли вверх по неровным дорожкам, Тилманидис просто бежал. Я еле поспевал за этим неумным уже совсем немолодым человеком. Он добежал до собственной двери и, открыв ее, пробежал в дальнюю часть

своего жилища, потом вернулся с несколькими книгами и ноутбуком в руках. Усевшись за рабочий стол, он жестом показал мне налить ему вина и себе что-нибудь и уткнулся в изучение листка и папируса. Я взял два стакана, разлил туда из стоящей одинокой бутылки рубиновой жидкости, еще в один стакан я налил воды и поставил на стол Панкратоса воду с вином. Он даже не заметил, так как полностью погрузился в символы на бумаге.

Я сел напротив и сделал пару глотков. Вино было терпким и сладким, успокаивающим и сосредоточивающим одновременно. Панкратос работал, а я стал в уме еще раз сопоставлять части этой длинной и запутанной игры, которую для меня разыгрывал кто-то скрытый. Может, это действительно шаг к чему-то неведомому ранее, но сейчас я понимал лишь одно – это начало. Начало той самой бесконечности, о которой говорил Хокинг, та самая вещь, о которой я спорил у Канта. Это было непостижимо и просто, как точка.

Так в раздумьях прошло более часа, солнце зашло, и небо стало черным. В лагере зажгли тусклые уличные фонари.

Панкратос медленно встал. Стоя же, он выпил сначала вино, а потом стакан воды, перекрестился и произнес:

– Этого не может быть!

– Да, я знаю.

Он резко повернулся ко мне, как будто забыл о моем присутствии.

– В последнее время я часто повторяю эту фразу.

– Ты сейчас сам увидишь!

Он нажал клавишу компьютера и через несколько секунд загудел принтер. Он распечатал два одинаковых текста. Панкратос взял оба и один протянул мне. Я тоже встал, взял лист и прочитал на нем:

«В Поисках Мужа Пифиады, Похороненного Отцом Пифиады, Который Стал Дедом Пифиады, Найди Лишенного Богами Родителей в Пятнадцать Лет, Тогда Откроешь Путь к Тому, Кому Имя Дала Пифиада, Вестником Слов Которого Стал Найденный Тобой. Там в Городе, в Честь Сына Сисифа, Под Древом Знающих, Найден Он Будет Тобою Одним».

Я сел обратно в маленькое кресло и пять-шесть раз перечитал этот текст. Мне были понятны слова, но я не видел смысла.

– Что это? – Спросил я.

– Похоже, мой друг, это то, что я искал. Тебя спрашивали когда-нибудь «Куда ты идешь?»

– Конечно, я постоянно слышу этот вопрос, особенно в аэропортах.

– Так вот, Дэнис, я теперь знаю, что я шел именно сюда, в этот самый день, чтобы прочесть это и поставить точку в своих поисках. Но это не обязательно должен быть конец пути. Ты сможешь его продолжить. Тебе ведь надо тоже дойти куда-то. Иногда пути совпадают, но тогда это не поиск, это свадьба, – Панкратос улыбнулся своей шутке. – А тебе еще рано жениться.

– Так что тут написано?

– Всё просто, мы нашли Аристотеля. Теперь я знаю, он здесь, мы его разыщем. Смотри внимательно: «В Поисках Мужа Пифиады» – это про Аристотеля, он был женат на женщине с таким именем, и хоронил его тесть, отец Пифиады – «Похороненного Отцом Пифиады, Который Стал Дедом Пифиады», и дочь философ назвал в честь матери, тоже Пифиада, или Пифия на короткий манер. Да и все другие строки нам говорят об Аристотеле: именно он остался сиротой в 15 лет. А вот дальше послание тебе: город в честь сына Сисифа – это древний Метапонт, сейчас это Италия. Человек, слова которого вещал Аристотель, и которого схоронили в Метапонте только один, – Панкратос сделал длинную паузу, собираясь с силами. Я ему не мешал. – Это тот, кого при его жизни нельзя было называть по имени. Давай, и сейчас сохраним эту традицию. Ты пока скрываешь что-то от меня, я скрою малое от тебя.

– И как он может быть жив? Речь идет о человеке, который жил более двух тысяч лет назад, – у меня реально закружилась голова. Если бы я стоял, то точно бы упал. Все события последних дней, особенно связанные с видениями и новыми знаниями, закрутились передо мной. Я почти не слышал слов Панкратоса. Он продолжал:

– Да, Дэн. Дело не в человеке. Дело как раз в пути. И не важно, когда он жил, если оставил след. Ты поймешь. Я могу передать дальнейший путь тебе. И твой путь пойдет ту-

да. Я помогу, чем смогу. Если у меня хватит сил, то я могу быть неплохой опорой. Немного шаткой в последнее время, но опорой, – он снова заулыбался.

Видя мое состояние, Панкратос налил вина в мой стакан и поднес к самому рту.

– Глотни, это даже не вино, это нектар, который готовит старый Л июлу в Олимпиаде по соседству. Он каждые три дня мне приносит новую бутылку. Он называет этот напиток «Жизнь».

Я сделал два больших глотка, и, действительно, всё встало на места. Даже осознание услышанного меня больше не пугало. Голова прояснялась. Я с благодарностью смотрел на старого археолога и понимал, что наши тайны чем-то схожи. Да и мы, если он всю жизнь искал, также не сильно отличаемся. Таких людей встретить – чудо. Но я вернулся к письму.

Значит, Аристотель? Аристотель потерял родных в пятнадцать лет? И меня мама оставила в этом возрасте с чужими, корыстными людьми... Аристотель. Аристотель и Кто-то, чьи речи возносил этот философ? Кто-то в Италии? Мне для решения потребовалось несколько секунд. Ну что ж. Я готов.

– Кстати, по поводу «Аристотель здесь». Я нашел лаз в башне. Он глубокий и широкий, можем осмотреть. Пояс и веревки у меня в фургоне, – я показал свои зарисовки.

– Так пойдем! – Панкратос тоже не хотел откладывать надолго возможные варианты.

Мы вышли сразу же. Я захватил облегченный набор альпиниста и фонари, и мы поднялись к «Башне».

Я медленно спустился в лаз. В свете фонаря был виден небольшой алтарь. На верхней плите алтаря был нанесен рисунок, вырезанный прямо в камне. Сейчас он был нечитаемым. Надо было снять верхние камни, тогда мы получим полную картину. Под ногами был удивительно ровный пол, по виду – мраморный. По задней стене были видны идеальные очертания полукруга, передняя стенка прямая. Хорошо виден вход. За входом была видна плита. Плита гробницы. Это был склеп. Крипта. Я вылез вверх и в двух словах рассказал Панкратосу об увиденном. Отсутствие освещения не дало сделать видеозапись. Тилманидис нахмурился и произнес:

– Завтра усиливаем твою группу. К тебе придут еще две группы, у них механизмы и леера для быстрого поднятия камня. Начальников ты знаешь, это

Чанакья и Стив. Они сейчас заканчивают свои участки. Закончат позднее. У Чанакья восемь человек, у Стива еще десять. С твоей группой будет тридцать. С командирами – тридцать три, мне нравится это число, – он еще раз посмотрел на переведенный текст и, отдавая его мне, произнес: – Это действительно тебе, держи. Не потеряй.

И добавил тихо:

– Не может быть... Двадцать лет...

По дороге обратно у меня снова разгорелось желание всё

ему рассказать, но другая часть мозга остужала это словами: «Еще рано». Ведь это были и его слова. Так мы и дошли до лагеря. Внезапный выходной, как ни странно, успокоил людей быстрее, чем обычные будни. Стояла редкая тишина. Мы попрощались до восьми утра и разошлись.

Я поднялся в свой фургон и, стараясь не шуметь, вошел внутрь. Мне очень не хотелось вопросов. Но я зря беспокоился. Мои напуганные днем соратники уже спали, братья мирно похрапывали во сне. Я тоже лег на кровать и провалился в небытие. Когда я открыл глаза, уже наступило «завтра».

Глава 10

Мы начали с самого утра. Стив и Чанакья привели свои группы, которые сразу взялись за дело. Крупные блоки мы снимали краном, мелкие вынимали через установленные системы блоков и лееров. Работали очень быстро. Когда большая часть завала вокруг лаза была разобрана, к нам присоединился Панкратос. Он поднял руку, остановив всё движение и разговоры, и подошел к краю образовавшегося проема в развалинах. Внизу четко просматривались очертания строения с полукруглой задней стеной диаметром не менее четырех метров, стены которой выпрямлялись и шли параллельно вперед, тоже метра на четыре в сторону залива. Потом они загибались друг к другу под прямым углом и заканчивались проемом. Здесь точно были когда-то маленькие ворота или большая дверь. Здесь был вход в это скорбное строение. Теперь, сверху, было очевидно, что это крипта, причем очень влиятельного человека. В центре строения также хорошо просматривался склеп с надгробной плитой. Слева от входа стоял тот самый маленький алтарь. На удивление, на нем не было никаких серьезных повреждений. Он торчал ярким светлым пятном на фоне покрытого огромными слоями пыли и песка строения.

– Дэнис Кочетоф пойдет со мной! – громко сказал Панкратос. – Спустите нас.

Через блоки немедленно были перекинuty специальные сидения для спуска и подъема людей. Мы спустились вниз. Не знаю, какие чувства испытывал пожилой археолог, но у меня вместе с сердцем стучал, казалось, весь организм. Я отстегнулся и помог Тилманидису встать на ноги из подвешенного кресла.

Первым делом он подошел к алтарю. Его тоже привлекла неожиданная сохранность этого древнего камня. Он достал несколько кистей, надел пылезащитные очки и стал снимать слои пыли на нем. Я аккуратно рассматривал пол и остатки стен на предмет явных, лежащих сверху объектов, но ничего особенного не заметил.

– Дэнис, вода с собой? – спросил Панкратос.

Я протянул ему плоскую пластиковую флягу, которую всегда носил в левом кармане брюк над коленом.

– Да простит меня история, – прошептал Тилманидис и стал выливать воду на верхнюю плиту маленького алтаря. Плита была почти квадратной, приблизительно 45 на 40 сантиметров.

Вода заполнила желобки рисунка. Под ярким солнцем рисунок стал очень контрастным. Перед нами была непонятная ломаная линия, сверху и снизу от нее были слова и символы, похожие на те, что были в папирусе, только здесь они были целыми сразу. В центре была вырезана странная половинка каракатицы с немислимым числом ног-щупалец, которые заканчивались овальными присосками. Вокруг этой карака-

тицы располагались геометрические фигуры. Я четко увидел прямоугольный треугольник, квадрат и круг. Четвертый символ был непонятен. Приблизительно в середине ломаной полосы из плиты торчал небольшой выступ. Он высох первым и сейчас ярко белел на мокром мраморе.

Панкратос достал свой фотоаппарат и делал снимки, по несколько щелчков под разными углами. Потом он убрал камеру, поднял голову и крикнул:

– Бросьте сюда мешковину и пленку для упаковки!

– Что ты хочешь сделать? – спросил я.

– Это надо отсюда убрать. И пока не кому не показывать, – лицо старого ученого было очень озадаченным. – Чанакья справится.

Через пару минут нам опустили мешок, внутри которого был большой рулон плотной пленки. Панкратос аккуратно обмотал верх алтаря пленкой, потом мешковиной, потом снова пленкой. После чего дал сигнал, чтобы нас приготовились поднимать. Я помог ему пристегнуться, потом пристегнулся сам.

– Сейчас мы закончим, и пойдешь вместе со мной. Ничего никому не объясняй. Пока не надо, рано, – негромко сказал мне пожилой грек, пока нас тянули вверх. Я просто кивнул в ответ.

Как только нас отстегнули от лееров, Панкратос подошел к Чанакья и быстро стал ему что-то говорить. Я удивленно слушал, как Тилманидис легко говорит на хинди. Седовла-

сый индус, очень-очень смуглый, внимательно слушал, кивал и задавал короткие вопросы. Потом Босс обратился ко всем вокруг:

– Коллеги! Мы на пороге великого открытия! Напоминаю вам о конфиденциальности до закрытия ваших контрактов, скоро мы будем обладать, я не сомневаюсь уже в этом, важнейшей информацией, которая приоткроет несколько исторических тайн перед людьми! С этого момента вы все прикрепляетесь к этой площадке до окончания работ. Она автоматически становится Единицей! Я присваиваю «Башне» первый номер. Первый по важности в нашей экспедиции! Прошу также не забывать о простых правилах, о которых вы все знаете: внимательность к мелочам, бережность к фрагментам и осторожность с языком! Всем удачных находок. Стив Мортсон и Ча-накья Джутхани с этого момента назначаются начальниками этого участка.

Он внимательно осмотрел всех присутствующих, заглянув каждому в глаза. Никто из тридцати трех окружавших его людей не отвернулся и не отвел взгляд. У всех было почти одинаковое выражение – восторга и радости от услышанного. У людей была понятная и осуществимая цель.

Последним он посмотрел на меня. Его взгляд просто светился от всего происходящего. Он кивнул, и мы медленно пошли в сторону лагеря.

– Дэнис, пока есть время, хотел тебе объяснить, что сейчас произошло. Я распорядился убрать мраморный алтарь

от крипты Аристотеля. Теперь я уверен, что именно там века хранят его останки. Когда-то давно, в молодости, я видел картину в доме богатого грека, она была древней, как Плащаница в Риме. По преданию, она была срисована с мозаики из дома наследников правителя Ассоса⁷, того самого, который был тестем Аристотеля и отцом Пифии, его жены. На картине были изображены две женщины, стоящие за подобным алтарем, как за трибуной, лицом к куполообразной белоснежной крипте. Рядом проходила дорога к рыночной площади. Крипта, вопреки обычаям, стояла на возвышенности, и абсолютно одна, именно поэтому над ней выстроили башню поздние жители Стагиры. И сейчас мы ее нашли. Я увидел сейчас эту крипту своими глазами. Картина называлась «Две Пифии». И это не алтарь в нашем понимании, а «алтарь философа» – трибуна! И поставлена была у крипты Аристотеля, чтобы каждый грек мог подойти и поспорить с ним. Дэнис, я сейчас счастлив! Как никогда!

– Тогда зачем убирать алтарь? Всё можно разобрать и так, аккуратно и без разрушений, – я был готов ко всем новым свершениям. Просто чувствовал, что мне это необходимо.

– Там, на плите ты видел рисунок? – он дождался моего подтверждения. – Это послание. Карта. И, как я понял сегодня, эта карта для тебя. Мы сейчас идем ко мне, и, если мои

⁷ Ассос – древнегреческий город, основанный в X веке до н. э. эолийцами, которые пришли из Митгимны на острове Лесбос. Бежав из Греции, в связи со смертью Платона и усилении роли Македонии в 347 году до н. э., Аристотель останавливается в Ассосе для дальнейшей деятельности.

предположения верны, тебе надо собираться. Ты покинешь лагерь. Чуть позже я отвечу на твой логичный вопрос, когда сам увижу ответ. А Чанакья аккуратно вынет алтарь из породы и перевезет ко мне в сейф. И я не хочу, чтобы другие люди видели орнамент на нем. Я археолог, а, значит, умею ждать.

Оставшийся путь мы проделали в тишине. Только снаружи доносились обычные в таких местах звуки. Каждый из нас думал о своем. Я уже мысленно прикидывал маршрут в Италию. Все зависело от точки моего путешествия. Но в любом случае, это был южный берег, а, значит, аэропорт Бари, Салерно или Катании. Все зависело сейчас от знаний Панкратоса. Те же недавние чувства говорили мне, что он не ошибается.

Мы зашли в его контейнер, и он решительно направился к большому, отдельно стоящему компьютеру с огромным экраном. Включил его и стал возиться с проводами, подключая телефон и цифровую камеру. Внушительный блок загудел, монитор включился, и я стал ждать. Сев в привычное уже кресло я ощутил, что весь горю внутри, понимая, что необходимо пройти этот путь, куда бы он меня ни привел.

Так прошло довольно много времени. Глава экспедиции несколько раз подсакивал и куда-то выбегал. На мои попытки сопроводить его жестом останавливал меня, и я садился обратно. В одной из пауз он подошел ко мне, внимательно посмотрел в глаза, пытаясь увидеть что-то для себя. Потом

кивнул, выпил большой стакан воды и сел обратно. Мы проигнорировали призыв на обед. Позже, когда в дверь постучали, он повернулся и быстро сказал:

– Если Кина, то пригласи, остальным пока говори, что я занят.

На пороге стояла крохотная и гордая Кина Симантуш.

– Заходи, – почему-то шепотом проговорил я.

Она зашла и села в соседнее с моим кресло молча, видимо зная, что Панкратоса, когда он погружен в работу, лучше не беспокоить.

– Ты была со мной в Таранто? Я помню, что там была мелкая девчонка. Сейчас я понимаю, что это ты, – не поворачиваясь, проговорил Тилманидис. – Так была или нет?

– Была. И с тобой была и без тебя, – своим музыкальным голосом проговорила Ки. – И я уже совсем не была девчонкой, мне было 27 лет, и я развелась во второй раз тогда.

– Твоя личная жизнь сейчас не имеет значения. Ты видела дерево? Помнишь, где оно?

– Конечно, помню.

– Я сейчас готовлю бумаги для Дэниса, он поедет туда.

Кина внимательно смотрела на меня. Теперь в ее взгляде совсем не было былой отстраненности и легкой надменности. Она смотрела теперь совсем другим взглядом. Скорее, как на равного. Она протянула свою маленькую ручку и прошептала, чтобы не мешать нашему шефу:

– Надеюсь, что это ты. У тебя должно получиться.

– Что должно получиться? И почему именно я? – я не мог сдержаться. Внутренний импульсивный характер просто толкал меня вперед. И слегка пожал протянутую маленькую руку.

Она приложила палец к губам, и я замолчал.

Пока была тишина, я достал свой старенький смартфон и стал загружать карту южной Италии. Итак, ближайший аэропорт к Таранто был в Бари. Здесь – Салоники. Не раздумывая, я заказал два билета Салоники – Бари. Рейс мелкой местной компании был в 9:00. А два билета потому, что был уверен, что Кина поедет показывать мне таинственное дерево. Реальное содержание их разговора мне было пока недоступно.

Второй раз за сутки я видел, как Панкратос довольный собой, откидывается на спинку своего рабочего кресла. Лицо его было уставшим и необыкновенно одухотворенным.

– Готово, идите сюда, – он повернулся к нам и, улыбаясь своему успеху, повернул монитор в нашу сторону.

На мониторе было несколько изображений. Одно из них – карта юга Италии, на которую я только что смотрел. Второе изображение – это некий контур, очень похожий с очертаниями карты. Он медленно соединил оба рисунка, и они наложились друг на друга с настолько малыми погрешностями, что было понятно, что это одна местность. Прямо под каблучком всем известного сапога был выделен интересующий нас квадрат. Панкратос увеличил максимально изображение, и

сразу стало ясно, что тот самый торчащий из алтаря мелкий выступ указывал определенную точку на карте. Там и была пометка «Метапонт». На этом демонстрация не закончилась. Эту карту с отметками он отправил на печать, а сам, немного поколдовав над клавиатурой, вывел на экран несколько фотографий развалин древнего обширного захоронения. Кина, стоящая рядом со мной, подалась вперед, рассматривая их.

– Вот она, вот! – вскрикнула она и показала острым пальцем в экран.

Панкратос обвел это место в круг и тоже отправил в печать.

– Дэн, пока мы все обсудим с Киной, сходи к себе. Собирайся и скажи Алексею Брицыну, что он едет с тобой. Детали ему не нужны. Скажи, что это задание от экспедиции. Пусть тоже собирается и ждет тебя в машине. Она еще на стоянке?

Я кивнул.

– И принеси свой контракт. Для тебя он закончен. Я и Кина подпишем его и переправим голландцам сами. Не знаю, сколько заплатили тебе, но твои поиски нам уже дали неизмеримо больше. Твои поиски в Греции завершены. Единственное, о чем я прошу тебя, вернись из Италии сюда, ко мне и Кине – нам надо услышать твой рассказ о путешествии.

Я не стал задавать вопросов и быстро пошел к себе. Быстро собрал свои рюкзаки, вспомнил с сожалением об утерянном несессере, достал папку с документами. В этот момент

пришел Алексей. Теперь я знал его фамилию. Вкратце объяснил ему наши планы и отдал ключи от Судзуки. Он абсолютно спокойно, даже флегматично воспринял новую работу. Только проронил со вздохом: «надо, значит надо» и стал собираться. Я же вернулся к Панкратосу и Кине.

– Так, нарисуй здесь стрелками, как ему туда идти, – не обращая никакого внимания на мое возвращение, говорил старый грек Кине. – Да, так. И вот здесь обведи.

Я подошел максимально близко к столу, на котором Кина что-то тщательно вырисовывала, и, судя по звучащим словам, это было для меня. Ее черные шестеренки, казалось, шевелились на спине, придавая ускорение тем, что были ближе к голове. Меня это развеселило.

– Пришел? – Панкратос наконец-то повернулся ко мне. – Отдай контракт Кине, она его заполнит, а я подпишусь и запечатаю.

Я протянул папку Ки, которая, не отрываясь от предыдущего дела, взяла ее и положила перед собой. Панкратос потянул меня за руку в глубину комнаты и, посадив на такое же кресло, как у него за компьютером, протянул мне довольно толстую пачку распечаток. Сам сел в свое и развернулся ко мне. Он неожиданно для меня заговорил на немного неправильном, с точки зрения построения фраз, и с диким акцентом, но на русском языке. Даже хинди меня так не удивило, но в цепочке всех удивлений я поставил этот случай в конце.

– Я вижу, ты готов. Алексей вернуться успел?

– Успел, и будет ждать меня в машине, – так же по-русски ответил я.

– Скажу, хорошо. Слушай меня теперь очень хорошо. Дэнис, ты сейчас едешь туда, где старый Тилманидис подорвал свое состояние, в смысле – стал болен.

– Здоровье? – машинально поправил я.

– Да, слушай хорошо. Не прерывай, очень будет сейчас глав... важно. Запоминай все четко, очень четко. Может, от этого будет вся твоя сейчас путешествие получиться. Или не будет получиться. Теперь от тебя зависит всё. Всё твое и всё наше, наверно. Смотри, – он протянул мне листок с рисунком той самой части каракатицы, который был на камне. – Переверни его себе к лицу.

Я взял листок и, повернув на 180 градусов, даже слегка подскочил. Конечно, он был обработан на компьютере, но я его узнал сразу. На рисунке было изображено дерево. То самое дерево, какое было так изящно вырезано на перстне Рыжего в самолете. Я поднял глаза на Панкратоса, он смотрел на меня таким добрым отеческим взглядом, мне даже захотелось плакать от этого. Я резко вздохнул.

– Я вижу, узнал это древо сейчас. Значит, видел ранее, неоднократно, думаю так.

– Видел точно. Но вроде всего один раз, – я снова поднял на него глаза.

– Тогда будешь часто видеть теперь, – он держал в руке небольшой медальон на цепочке, абсолютную копию того

перстня, на котором было точно такое же дерево, что у Рыжего и на рисунке. – Это из Сирии. Надень и не снимай никогда. Носи всегда. Да? Ей почти три тысячи лет.

Внимательно рассмотрев тяжелый артефакт – искусно сделанный вытянутый на четыре сантиметра овал из белого чистого серебра, на котором искусный ювелир вырезал пышное дерево с множеством ветвей, большинство из которых оканчивались маленькими овальными листочками, но некоторые ветви оканчивались ничем. Так же, как и на рисунке с алтаря, в трех углах дерева были геометрические фигуры. Слева внизу квадрат, сверху треугольник, справа сверху круг. Удивительно было то, что дерево было вырезано в металле, а фигуры наоборот, были выпуклыми. Я напряг память и вспомнил, что подобных технологий тогда не было. Задавать вопросы я посчитал неуместным и надел цепь. Почему-то вспомнился фильм о вечно идущих куда-то хоббитах, которым надо было бросить кольцо в лаву вулкана, так тяжел был медальон.

– Славно. Не снимай, – еще раз проговорил мой старый друг. – Это «Древо Познания», оно пришло к тебе теперь. Такие амулеты и медальоны, например, делал камнерез Мнесарх⁸, может, и это его работа, но спросить не удастся. Ты

⁸ Согласно биографии Пифагора, его родителями были Мнесарх и Партенида с острова Самос. Мнесарх был камнерезом, род которого идет от Гиппаса из пелопонесского Флиунта, бежавшего на Самос и ставшего прадедом Пифагора. Партенида, позднее переименованная мужем в Пифаиду, происходила из знатного рода Анкея, основателя греческой колонии на Самосе.

слышал о таком человеке? Никто не знает, что есть под ногами, именно мы поднимаем их и людям показываем. Но ты ведь еще и слышишь, да?

– Это скорее сны... – начал я, но сейчас была не моя очередь.

– Не важно, как назовешь то, что видишь. Если видишь – уже славно. Я буду дальше, – он сделал пару глотков воды. – Смотри, приедешь туда, будешь искать древо это. Оно важнее всего там будет для тебя. Кина рисовала, где плита с деревом этим. Надо поднять будет и взять всё. Сам возьми, Алекс пусть помогает, но не берет, только помогает. Не давай ему. Не справится он, – он протянул мне фотографии нескольких рядов захоронений. Одна из плит была обведена в круг, на другой фотографии, более мелкой, был обозначен проход к ней. – Так ты скоро найдешь. Главное, не уйди. Алекс поможет. Не уходи до конца. Сделай, тогда иди.

– Что сделать и что забрать? Ты говоришь о точности, но не точно говоришь, – спросил я.

– Про Гермеса слышал? Про Трисмегиста? Тривеликий Гермес. Меркурий же он. Египетский Тот. Он создал учение обо всем и убрал его от нас. Записал мир в книги, а книги убрал. Дэн, там должна быть одна. Возьми ее, и поймешь тогда.

Я не мог описать своих чувств и эмоций в данный момент. Всё опять становилось нереальным, только я точно понимал, что это всё со мной происходит. Прямо сейчас. Взяв стакан

у Панкратоса, я допил воду и поставил на стол. Конечно, все перечисленные имена я не раз слышал и читал в разнообразных трудах по истории, эзотерике, математике. А уж в последнее время и того больше. Я немного успокоился и понял, что надо срочно выезжать. Мне нужен был результат, а не мысли о нем.

– Я слышал. И Блаватскую читал когда-то. Ты про скрытые книги? Ты отправляешь к одной из них? Так я готов. Билеты даже заказал. Но почему не Кина едет со мной?

– Кине туда нельзя, – грек вновь перешел на английский. – Если она пересечет границы Италии, ее арестуют, и скорее всего, она какое-то время проведет в тюрьме. Сейчас не будем об этом, но причины есть. Да и помощник она физически не самый хороший. А сила тебе точно пригодится. Итак, еще раз. Ты должен добраться до старого Метапонта, на севере города есть кладбище, чуть меньше Хиераполиса Турецкого. Ты же там был, мне говорил. Там и надо найти крипту с дровом на плите. И открыть ее. Там точно не будет костей, хотя я знаю, что мертвыми тебя не испугать. Если там есть тело, то мы ошиблись. Ты готов выходить?

– Я готов не выходить, я готов выбежать, Панкратос!

К нам подошла Кина и протянула контракт. Тилманидис взял его, посмотрел все страницы, потом расписался на каждой из них и, достав фирменный конверт с надписью «НаутаДутильх» сорвал пластиковую полоску. После чего вложил бумаги внутрь и заклеил его по линии оторванной полосы.

– Отправлю его голландцам, твой контракт закрыт, – Тилманидис положил конверт на стол и протянул мне руку.

– Спасибо, – я пожал руку ученого и повернулся к Кине. – Ты там была, мне будет тебя не хватать.

– Я буду рядом, ведь я видела, как ты умеешь слушать и слышать главное. Хорошего пути. Как говорят русские – «ни пьюха, ни перья»! – коряво ответила она.

– К черту вас обоих! – я развернулся и бегом побежал по склону вниз, к машине.

Глава 11

Алекс задремал в нагретой машине. Я прыгнул за руль, и мы покатали в Салоники. В аэропорту я выкупил билеты, и мы стали ждать утра. Здесь ни о каком зале повышенной комфортности не было речи, мы сидели в общей, насыщенной туристами, зоне.

Около семи утра объявили регистрацию, и мы пошли в крошечный самолет. Из Салоников мы вылетали всемером, остальные пассажиры должны были подсесть в аэропорту Керкира, где мы приземлились всего через тридцать пять минут полета. Постояли там минут десять, и наш четырехмоторный кроха принял еще одиннадцать человек в сорокаместный салон. Нас стало восемнадцать. Ровно столько же и приземлились в Бари.

В аэропорту было много паломников, особенно русских. Я с радостью отметил, что мои дальние соотечественники продолжают осваивать не только пляжные зоны мира, но и такие города, как Бари.

Там же и без проблем мы взяли машину всё в том же «Хертце», загрузились и поехали в сторону Таранто. Нам предстояло преодолеть около ста километров. На часах было всего 11 утра.

Ближе к двенадцати мы решили перекусить и, съехав с трассы, остановились в красивом и самобытном городке

Моттола. Со всех сторон нам предлагалось посетить пещерные комплексы, где соляные, где спа, где просто осмотреть сталагмиты и сталактиты всех цветов и размеров. Но мы выбрали маленькую пещеру, где готовили еду. Ресторан в пещере я посещал впервые. Было странно и довольно прохладно. Вкусно поев мясного жаркого и проглотив по огромному куску лимонного пирога, мы отправились дальше. Мы уже въехали на территорию Апулеи, и до Таранто оставалось не более 20 минут. Оттуда нам надо было добраться до Метапонта, на карте он значился, как Метапонтонто. Как раз минут через двадцать мы доехали до пригорода Таранто, и, объехав его справа, выбрались на дорогу, которая красиво называлась «на Пистиччи». Именно по дороге в такой поэтичный город нас и ждал Метапонт. Точнее, мы хотели, чтобы он нас ждал.

Алексей всю дорогу не произнес ни одной фразы длиннее пяти слов. Но, честно говоря, мне было сейчас не до него. У меня была цель, и я должен был ее достигнуть. Однако мне удалось оценить его силу в руках – на одном из переездов, которых в Италии великое множество, мы увидели телегу, запряженную ослом. Одно из колес встало между рельсов так, что телега застряла. Старенький возчий точно ничего не мог сделать. Хорошо хоть, он ничего не вез. Пока я искал место, чтобы остановиться, Алекс выпрыгнул из машины, подбежал к телеге и одним рывком вытащил ее на прямую дорогу. Потом прибежал обратно и залез в машину. Он даже

не запыхался. Мы поехали, а вслед нам раздавались громкие пожелания удачи во всем.

Надеюсь, поможет. Я еще раз посмотрел на Алексея, ничего в нем не выдавало силача. Обычное, даже щупловатое, телосложение. Он понял, что я его разглядываю и сказал только: «Не знаю, всегда такой был».

Вскоре мы переехали в провинцию Базиликата, и знак города Метапон-то подсказал, что до него всего два километра. Мы проехали до ближайшей гостиницы, а я увидел по дороге надпись на одном из заборов: «Место археологических раскопок». Было странно, что там была вооруженная охрана, колючая проволока и ни одного археолога. Но нам надо было попасть именно туда.

Гостиница называлась «Вилла Европа», и в ней всего было семь номеров. Довольно комфортабельных. Мы не стали швыряться деньгами и сняли один на двоих, тем более, что во всей Европе два мужика в номере с одной кроватью уже никого не удивляли. Меня удивляли, а Европу нет...

Мы заселились и пошли смотреть местные достопримечательности, а, точнее, лучше осмотреть территорию раскопок, где и был нужный нам объект. Снова на машине мы проехали обратно, вдоль бесконечных виноградников справа и опустевших, отдавших свой урожай, полей слева, побережье оставалось далеко позади нас. Мы почти подъехали к развалинам, и дорога сворачивала направо, а нам было надо налево. Но там стояла охрана. Я слегка притормозил, обдумывая

ситуацию, но Алекс вдруг сказал:

– Денис, давай-ка к ним, только ты сиди в машине, а я поговорю.

– Надеюсь, обойдемся без арестов? – решил пошутить я.

– Зато узнаем, какой из меня ирландец, – ответил, улыбаясь, Алексей и достал небольшой бумажный пакет с заднего сидения.

Из пакета он вынул небольшую бутылку «Джемесона» и, открыв крышку, выплеснул немного в открытое окно. Потом прополоскал рот и смачно сглотнул, точно напоминая привычку Дуана. Я остановился прямо у входа в охраняемую зону. Он вышел и вразвалочку пошел к чуть привставшим солдатам. Его вид – шорты, футболка, виски и рыжая голова – точно никого не испугали. Я слышал громкие итальянские слова, но ветер был с моей стороны, поэтому весь разговор я не услышал. В какой-то момент он показал на меня и все четверо дружно заржали в голос. Опять надо мной смеялись четверо, и как минимум один снова был рыжим. Я показал ему кулак, чем вызвал новый взрыв хохота. Еще через пять минут он вернулся, правда, уже без бутылки.

– Успел выпить? – спросил я.

– Нет, сменял на золото, как Кортес у индейцев, – парировал Алекс и снова рассмеялся.

Я развернулся, и мы поехали обратно. Я решил доехать до моря. До сумерек еще более пяти часов, а археологический музей почему-то не привлекал.

По дороге к пляжам Алекс рассказал мне всё, что узнал от солдат. По ночам они не дежурят, только до девяти вечера. И с шести утра. Всего три смены в день. Маленький гарнизон стоял прямо перед нашей гостиницей, в казармах местной жандармерии. Верх забора под напряжением, но внизу полно прорех – крестьянские козы не знают правил и запрыгивают изредка на территорию. Это и есть местное развлечение – ловить козу вокруг развалин древнего кладбища. На вопрос, что их так насмешило, он рассказал, что запомнил один из анекдотов Брогана, который им и рассказал.

– Так расскажи мне, – попросил я.

– Ну, как желаешь, – Алекс немного смутился, но продолжил: – Жили два брата, оба были жуткими козлами. Один любил женщин, а другой ничего не смог с собой сделать и любил только коз.

Я рассмеялся и дал ему подзатыльник. Хотя, надо было признаться, такой толковый «рыжий брат» меня вполне устраивал.

Проведя остаток дня на теплом солнце, но уже у прохладного моря и плотно там же перекусив, мы вернулись в наш маленький отель. Необходимо было тщательно подготовиться.

Мы разложили наши дорожные вещи и смотрели, что сможет нам пригодиться в не очень законной вылазке. Каждый подобрал по комплекту максимально темной одежды, фонари, все веревки, что были, а также маленькую камеру, пишу-

щую видеосигнал прямо в интернет, в специально созданный файл. Я еще засунул комплект герметичных мешков, в которые археологи раскладывают найденные артефакты.

Около 11 вечера мы выехали в сторону охраняемых раскопок. Остановившись в трехстах метрах от входа, в месте, которое было скрыто деревьями и кустарниками, мы вышли из машины и пошли к забору через чистое поле слева от дороги. Нам повезло, и проход мы нашли сразу. Еще раз оглядев местность, мы влезли под проволокой на территорию раскопок. Благодаря тому, что я решился показать маршрут Алексею еще на пляже, двигались мы довольно быстро. Он отлично ориентировался в темноте. Метров через сорок он остановился и развел руки в растерянности. Я включил фонарь. На обозначенном Киной месте ничего не было, ни склепов, ни каменных саркофагов, ни даже камней. Абсолютно ровная площадка, покрытая грунтом и не очень густой травой, по которой часто ходили. Я усталое сел на землю, и стал снова разглядывать чертежи еще раз. Чем больше я смотрел, тем больше убеждался, что все раскопанные останки зданий, гробниц и прочие элементы каменного зодчества прошлого располагались здесь по периметру зоны, огражденной забором. На фотографиях их было много и в основном по центру. Здесь, в центре было ровное поле, подходящее больше для футбола, чем для раскопок. Потом мы обошли весь периметр, в надежде, что плита с вырезанным деревом на поверхности обнаружится, но тщетно.

Мы опять вернулись в центр этой площадки и стояли, бес- сильно озираясь по сторонам.

– Скажи, Денис, а почему там именно дерево должно быть? – спросил шепотом Алекс, хотя кроме круглогодич- ных цикад нас все равно никто бы не услышал. Даже свет вдоль дороги погасили в двенадцать часов.

– Потому что вот! – очень по-русски ответил я и достал в вырезе футболки недавно подаренный медальон. – Смотри. Это древний сирийский амулет, он же «Дерево знаний», счи- тай, что нам надо найти такой же. Но может он не сирийский, это Панкратос так сказал.

– Мелковат для ночных поисков, – положив медальон на ладонь и разглядывая его в свете фонаря, прошептал мой по- дельник. – Ты знаешь Денис, у меня появилась мысль.

Он помолчал, потом прошел по десять шагов в разных на- правлениях и подошел ко мне.

– Как только мы влезли сюда, я понял, что здесь все непра- вильно. Смотри: всё стоит по периметру забора, что стран- но, правда? При этом понятно, что всё, что здесь стоит, вы- копано, так?

– Всё так, и что? – я не уловил его мысли.

– А то, что это фальшивка. Где ямы от раскопок? Почему раскопанные саркофаги стоят выше уровня земли? А?

– То есть ты хочешь сказать, что их сюда поставили?

– Конечно, подняли с нижнего уровня и поставили вокруг, можно брать по евро с туриста за демонстрацию раскопок.

Смешно придумано. Надо искать вход вниз.

Как он это понял, для меня осталось тайной, но он был прав. В месте, которое называлось «Археологические раскопки» не было ни намека на сами раскопки. Совсем.

Я показал Алексу большой палец, и мы дружно разошлись в стороны в поисках спуска, ступеней, любого намека на нижний уровень. Приблизительно через час повезло и мне. На одном из надгробий легко приоткрылась крышка, она была очень легкой, видимо, из пластика «под камень». В темноту уходили ступени. Я свистнул, и через пару минут со мной рядом был мой рыжий друг. Он посветил в темноту, но ступени сворачивали вправо, и конца лестницы не было видно. Мы находились в нескольких шагах от ворот, где днем стояли охранники. Только с другой стороны. Я еще раз достал план Кины и Панкратоса, отметил наше положение на нем и пошел вниз. За мной шел со своим более мощным фонарем Алексей. Снизу дуло стандартным подземным воздухом, чувствовалось, что пространство под землей довольно внушительное. Он закрыл за нами пластиковую панель – ветер снизу стих. Я считал ступени. 15 до первого поворота направо, 9 до второго поворота направо, 12 до ровной поверхности. Ступени не были очень высокими, но на глубину восьми метров мы спустились точно. Я осветил пространство вокруг. Везде стояли саркофаги и маленькие крипты, их греческое происхождения даже не обсуждалось. На многих были характерные записи. Их навскидку было не менее ста, а кры-

ша над нами была бетонной. Алексей снова оказался прав, кто-то спрятал реальный вид этого места. Я прошел до точки начала, отмеченной Киной, и двинулся по стрелкам. Алексей стоял на входе, создавая оттуда «общее» освещение.

Через несколько минут я был там, где на плане был нарисован кружок, а, значит, я пришел. Сердце стало часто биться. Я осветил плиту саркофага, который был передо мной. Он был покрыт толстым слоем пыли. Я махнул рукой Алексею, чтобы подходил, а сам достал толстую сметку и стал счищать слои пыли с крышки. Подошедший Алексей поместил свой фонарь на соседнем, более высоком каменном блоке так, чтобы свет шел на плиту и у нас освободились руки. Так вдвоем мы быстро стерли пласты пыли, песка и грязи, сантиметра четыре. Под пылью оказалась абсолютно черная плита, немного бархатная и очень холодная на ощупь. Но никакого рисунка не было видно. Я в легкой панике провел пальцами по всей поверхности. Ни выемки, ни царапины, ничего не ощутил. Отойдя на два шага назад, я снова стал рассматривать саркофаг. Он был намного крупнее многих, но только в ширину и длину. Высота его была не более метра. Крышка лежала сверху, а не была пригнана в пазы, как у всех вокруг.

– Есть молоток? – спросил я. – Или похожее что?

Алекс отрицательно покрутил головой.

– Подожди, я вспомнил, – вскрикнул он и убежал наверх.

Через две-три минуты он прибежал, держа в руках небольшую монтировку.

– Видел ее на воротах, висела, никому не нужная. В России обязательно бы сперли, – гордо заявил он, протягивая мне инструмент.

– Так ты ее и спер, – нервно хохотнул я.

Я надеялся, что моя догадка подтвердится. Размахнулся и ударил в центр плиты. Она пошла мелкими и крупными трещинами.

– Обычный вулканический черный туф, – пояснил я Алексу.

Мы быстро стали расчищать настоящую крышку от фальшивой. Под пористой породой проявлялась гладкая черная плита. Теперь я был уверен – мы нашли то, что искали. Никто не стал бы так прятать пустышку. Теперь перед нашими глазами была настоящая плита с хитрым орнаментом. Дерево, круг, квадрат и треугольник были на месте. Алекс стоял, раскрыв рот, и что-то невнятно шептал. Было похоже на «Отче наш», но я был слишком занят стремлением открыть саркофаг. Я стал ощупывать периметр крышки, никаких явных зазоров не было. Тогда я провел по шву острым краем монтировки и, на мое удивление, легко в него углубился. Поднажал, но моих сил явно не хватало. Алекс присоединился ко мне. Потихоньку, как с машиной – враскачку, мы стали качать монтировку в образовавшемся пазу. Через всего минуту плита стала подаваться и выходить вверх. Еще чуть, и она легко вышла из саркофага. Алекс еще раз нажал изо всех его сил, и она открылась сантиметров на пятнадцать.

Он подхватил ее за край и, подсунув монтировку в другое место, рванул вверх и от себя. Крышка съехала до середины саркофага и легла одним краем на соседнее погребение. Он не остановился и медленно сдвинул крышку на максимально возможное место, открывая внутренности захоронения. Я наконец увидел испарину на его лбу. Но самое важное было внутри. Панкратос был прав. Там не было костей – в центре саркофага стоял черный куб, похоже, из такого же мрамора, что и плита. Сверху на кубе лежал настоящий древний фолиант. Зеленые застежки по всему периметру, потускневшая от времени овальная вставка по центру. Поверхность была жутковато черного цвета, точнее сказать, она пожирала свет, ничего не отражалось от ее поверхности. Я не удержался и, нарушив все писанные и не писанные законы археологии, положил на нее руки...

... Я теперь точно не могу описать то, что тогда со мной произошло. Было похоже на удар током, первый поцелуй, восторг от увиденного фокуса, оргазм, первый пропущенный удар в солнечное сплетение, вдох любимого аромата, боль от перелома ног в автокатастрофе, адский жар и холод жидкого азота, объятия матери и отца, ощущение четкого ясного зрения и полной слепоты... Всё одновременно. И всё это и на миллионную долю не опишет моего ощущения от этого прикосновения. Я не мог думать ни о чем. Поскольку знал всё в этот момент: все языки, тайны, звуки и гармонии звуков, как они появляются и куда уходят, как на самом деле

устроено всё. Всё. Я отдернул руки.

Алексей все также смотрел на книгу и меня.

– Я долго так просидел? – спросил я.

– Целых пару секунд! Положил руки и убрал. Ты издеваешься? Лучше скажи, что теперь мы будем делать с этим? С этой книгой, то есть находкой... то есть книгой... – он явно был на грани паники.

Ко мне же, наоборот, пришло полное спокойствие.

– Мы ее забираем. Себе забираем.

Я достал из кармана набор пакетов, выбрал самый большой, с надписью «30 на 30 дюймов» и аккуратно примерил к книге. Подойдет. Я открыл клапан пакета и протянул его Алексу. Он уверенным движением приготовил пакет к загрузке в него найденного фолианта, книгой я такую находку назвать не смогу. Я слегка тронул пальцем один из замков. Ничего не произошло. Я надел специальные хлопковые перчатки и поднял этот том за боковые стороны. Потом, стараясь не задеть рук Алексея, погрузил ее в пакет и быстро закрыл клапан. Достав такой же пакет, мы повторили процедуру еще раз. И так, держа пакет с драгоценным содержимым в руках, я двинулся к выходу. Алекс быстро забрал наши фонари и монтировку и, обогнав меня, пошел вперед, освещать путь и открывать вход сюда.

До отеля мы доехал и через десять минут. Зашли в номер. Я положил нашу находку в центр кровати и сел рядом. Успокоившийся Алекс ушел в душ. А я сидел и гладил пальца-

ми этот странный и страшноватый предмет. Я знал теперь, что там внутри, но не владел такими знаниями, чтобы объяснить это другим. Это мне напомнило снова недавние видения. Там ведь только об этом и шла речь. Но я не знал, что будет, если книгу открыть. Я решился на это сейчас, хотя знал, что с книгами, которым неизвестно сколько тысяч лет так не поступают. Снова натянув перчатки, я аккуратно освободил мой фолиант от пакетов и положил его на бумажный пакет Алекса, в котором он возил виски в машине. Теперь я просто не мог остановиться. Я огладил ее по периметру несколько раз. Казалось, что она отзывается на ласку и тянет к себе. Было трудно оторвать руки. Жутковатая чернота поверхности заставляла меня всматриваться в нее во все глаза, вдруг там есть что-то, что мне надо увидеть. Не знаю, сколько я так просидел, но я понял, что главное – только внутри. Осторожно открыв все восемь замков, по два с каждой стороны, я медленно стал поднимать тяжелую толстую черную обложку. При первом движении показалось, что книга вздохнула с облегчением, такой богатый груз тяготил ее многие века. Мне виделись уже самые необыкновенные тайны человечества, я понимал, что вот это и есть «Вещь в себе» и оно же и «Сингулярность» в физическом воплощении. Повернув обложку до конца, я всмотрелся в невиданные символы внутри, они требовали прочтения, почти кричали мне об этом. Страницы из аккуратно обрезанного папируса были полностью заполнены рисунками и текстами. Я прикоснулся к первой же

странице и меня, как и в некрополе, пробило судорогой. Но теперь не было боли. Так страница хотела меня, а я хотел ее. Но я не мог прочесть. Меня трясло от вожделения знания на этих страницах. В мозгу лихорадочно билась мысль: «Срочно, срочно, сейчас. Ты должен сделать это сейчас...» И тут я понял. Я точно понял, что надо делать. Все прочитанное когда-то через подсознание решило дать мне совет. Ответить на мои поиски знаний в прочитанных ранее книгах. Огонь! Я даже закричал от восторга: «Огонь!». Вот, что сейчас нужно. Ритуал огня. Огонь открывает все тайны! Я встал, быстро подошел к минибару, достал оттуда все крепкие напитки, открыл их и медленно, очень медленно, стал выливать их вокруг найденного сокровища, вокруг этого внезапного дара человечеству. Но этого было явно мало. За минуту сбегав к машине и обратно, я захватил небольшую канистру, которую возил «на всякий случай». И вот он настал. Я вылил содержимое канистры также вокруг книги. Потом взял с маленького столика мягкие спички и поджог весь коробок. Я точно сейчас знал, что все рождается от огня, и знал, что именно это учение было первым у пифагорейцев. И бросил пылающий коробок на покрывало кровати. Пропитанный спиртами и бензином круг быстро вспыхнул. Вокруг книги заплясали разноцветные языки пламени. С покрывала ровно вверх потянулись изумительные вихри желтоватого и черного дыма. Как замороженный я смотрел на него и ждал новых открытий. Книга, казалось, пыталась вобрать всё в себя, но она не

успевала. Пламя, должно было проявить для меня все знания этого фолианта, как проявляет оно строки, написанные молоком на бумаге. Только для меня. Для меня! Я уже не видел ничего вокруг, сосредоточившись на книге. Только она была важна и ее содержимое.

Я чувствовал, что восторг от происходящего распирает меня изнутри, желание узнать содержимое и понять его жгло меня, вливаясь в легкие из жуткого дыма вокруг. Я стоял и ждал. И вдыхал полной грудью то, что поднималось вокруг книги. Там было ее содержание. Надо было ею надышаться. Я вдыхал, как мог глубоко, пока не потерял сознание и не упал лицом вниз. Прямо на раскрытую книгу. В круг пламени. Еще через десять секунд я перестал дышать совсем. Отравленные легкие перестали сжиматься. Кислород в мозг больше не поступал. Я умер.

Передо мной было крупное лицо. Мужчина с родинкой на носу держал меня перед собой. Я был совсем маленьким, и не мог сказать ему, что не надо меня разглядывать так внимательно, а лучше приложить и прижать к себе, чтобы я мог им надышаться на всю жизнь. Впитать его тепло. Ведь я его никогда уже не увижу. Он смотрел на меня слегка прищуренными серыми глазами, внимательно изучая или запоминая надолго, как я выгляжу в этом возрасте. Из-за правого плеча выглядывала моя молодая мама. Она улыбалась и что-то говорила ему в ухо, тихо-тихо, чтобы меня не отвлекать от отца. Он же держал меня первый раз в жизни. И в его, и

в моей жизни. Потом он меня поднес к губам, нежно поцеловал и стал класть в кроватку. Но вместо кровати я почувствовал, что меня кладут в воду. Да, правильно, все из огня, все. Из огня и воды, огня и воды... Я, вместо того, чтобы задержать дыхание, сделал глубокий вдох. И умер снова.

Я стал водой. Той самой каплей, которая попав в океан, стала всем океаном сразу. Надо мной было небо, одновременно всех цветов: нежный розовый рассвет, яркий полдень и грозовой фиолетовый закат. Все эти небеса были передо мной. Весь мир смотрел на меня. Знания всего человечества, тот самый призрачный эфир стал моим домом. Опять пронесли те же чувства, что при прикосновении к загадочной книге, только усиленные многократно, до физической боли. Что-то сильно давило ритмично на мою грудь и било меня так, что голова дергалась в стороны от ударов. Вдруг, внутрь меня ворвался теплый воздух. Я судорожно вздохнул и открыл глаза.

В жутких клубах пара и дыма, со слезами на глазах, надо мной стоял Алексей и хлестал меня по щекам ладонями. Он кричал, но я пока не слышал. Вода! Откуда здесь вода??? Что за вода? Легкие жгло огнем. Алекс выбежал из комнаты и вернулся с лейкой душа в руке и вновь кричал, но я не слышал слов. Из лейки сильный напор холодной воды лился на меня, на кровать, на горящее покрывало. На все. Вдруг прорезался его крик: «Ты хочешь нас сжечь? Что ты творишь?», и еще одна порция холодной воды ударила мне в лицо. Я по-

вернулся в сторону кровати, которую поливал Алекс и меня мучительно вырвало. Я смотрел, как гаснут последние всполохи пламени и как от воды, света, тепла и воздуха лежащий на кровати фолиант медленно тает, превращаясь в простое грязное месиво. Совсем без сил, на коленях, я подполз и приподнялся перед грязным комком в центре кровати, засунул в него руки в бывших белых перчатках и перебирал пальцами, пытаюсь найти хоть какой-нибудь сохранившийся кусочек. Напрасно. Кроме мелкого мокрого праха и обгорелого покрывала, мои руки ничего не находили.

Ко мне подбежал Алекс, замотанный в полотенце, очень легко поднял меня с пола и посадил на маленький диван. И это несмотря на то, что я в полтора раза больше. Как минимум. Открыл все окна номера и выпустил коптящее зловоние наружу. Поток прохладного воздуха подействовал на меня отрезвляюще, и я подумал: «Как я мог всё это сотворить?» Алекс подошел на стук в дверь, открыл, сказал пару фраз и закрыл снова. Потом он вернулся к своей сумке, достал новую бутылку виски, вскрыл, сделал большой глоток из горлышка, налил по половине стакана, один всунул мне, сняв с меня грязные перчатки, и произнес:

– Мама говорит так: первое – «как пришло, так и ушло», второе – «на тучу и погоды придут» и третье – «не воруй!» – он залпом выпил свою порцию и заставил меня сделать тоже самое. – Очень надеюсь, что ты сможешь мне это объяснить. Но с тебя причитается. Ты ведь уже не дышал, когда я стащил

тебя на пол. Хорошо, что у итальянцев в ванной есть ведро. Двух ведер с водой хватило, чтобы сбить с тебя огонь... Но почему ты... цел?

И он замолчал, разглядывая меня.

Я сидел, как парализованный, на диване и тупо смотрел на кровать, где уже совсем осела и растеклась темная горка, оставшаяся от такой трудной попытки получить неведомое знание. Найденная мной «Книга Гермеса Трисмегиста», а я абсолютно точно знал, что это именно она, безнадежно утеряна и таким бытовым способом. Но как я взялся все поджигать? Что толкнуло меня на такое безумие? На эти вопросы я ответов найти не мог. Да и мозг мой, пресыщенный эмоциями и чувствами отказывался уже воспринимать окружающее. Я медленно проваливался в забытие. Последнее, что я почувствовал – кто-то снимал с меня ботинки.

Глава 12

Я проснулся абсолютно разбитым, действительно, как после тяжелой и длительной пьянки, медленно поднялся с дивана, на котором провел остатки ночи и утро. Алекс мирно дремал на сухой части кровати, покрывало он снял и, свернув его в кулек, бросил на пол в ванной. Меня он заботливо накрыл найденным сухим одеялом. Кроме назойливого запаха гари и пятен подтеков на полу и кровати, ничто внешне не напоминало о ночном бедствии. На часах уже было двенадцать часов дня. Я вошел в ванную комнату, тщательно отмыл руки от оставшихся следов ночного фиаско, сполоснул голову, сменил футболку и вышел на улицу. Пока я шел, ко мне возвращалось обычное самочувствие. Тело еще ныло и саднило в груди. На удивление, все мои ощущения стали простым воспоминанием. Да и в зеркале я не увидел ни ожогов, ни красных пятен от огня. Руки тоже были целы. Спустя несколько минут всё стало меняться: голова стала более легкой, тело не болело совсем, мышцы чувствовали, что в них полно силы. Неплохо для человека, которому несколько часов назад делали искусственное дыхание. Вместо мучительного раскаяния и тяжести ответственности я видел мир в более ярких красках, чем еще вчера. За раздумьями обо всем произошедшем я шел вперед. Торопиться теперь было некуда. Я медленно побрел по одной из улиц в неизвест-

ном направлении. За пятнадцать минут я ушел куда-то так далеко, что обернувшись, не нашел глазами знакомых очертаний. Впереди возвышался старый, как всё в этих местах, католический собор стандартного песчаного цвета с довольно высокой колокольней. Я направился туда. На входе стояло несколько табличек, на одной из них было указано, что это собор Святого Леона, на соседних были расписания времени и дней службы и рекламки концертов, проходящих здесь. Я решительно толкнул дверь и вошел внутрь.

Я прошел прямо через вторые двери в основной зал, в сторону нефа, между рядами скамеек для молящихся. Как странно бы это ни звучало, мне становилось все легче на душе, но совсем не трепет перед Всевышним приводил меня в чувство, а то, что я смотрел вокруг, на высокий свод храма и понимал все пропорции и правила, по которым он был построен. Даже на глаз я точно мог сказать, что высота свода в пике 17 метров, ширина между колоннами капители ровно 12. Всегда далекий от архитектуры и подобных точных конструкций, я не мог этого знать до вчерашнего вечера, а сейчас знал.

Прямо передо мной стоял довольно молодой священник в серовой сутане и держал в руках большой современный электронный планшет вместо псалтыря.

– Ищете Отца своего в Храме Божьем? – по-английски спросил он.

– Нет, Отец, я только посмотрю и уйду.

– Прошу меня простить, но я буду здесь, на первом ряду, и с удовольствием отвечу на вопросы, – нараспев, как на службе, проговорил он и очень хорошо улыбнулся.

Я кивнул и стал рассматривать витражи позади нефа, красивые и простые, вставленные в высокие готические окна, они подсвечивались сейчас солнцем и ярко светились. Я ходил и проговаривал слова священника: «Ищите Отца в храме?». Как можно найти того, кого забрал случай? Кто уже не вернется и не выслушает, не даст совета? Нет сомнений, что многое в жизни моей сложилось бы по-другому, да и сам я, скорее всего, тоже был бы другим. Воспоминание об увиденном ночью больно резануло внутри. Не знаю, какие органы болят от таких мыслей, но боль физическая и ощутимая. Я всегда чувствовал себя брошенным и преданным. Родители оставили меня одного, без родственников. Мы переехали в страну, где всё было чуждо. Потом я попал в руки не совсем чистых на руку людей, потом снова череда переездов. И полная потеря доверия к людям вокруг. Спасибо Малокешин, они стали первыми людьми, которые дали мне семью. Такую семью, как я мог запомнить, такую, какой я бы мог гордиться, но не смог. Слишком велик был страх потерь. Ведь все, кто протягивал мне руку до этого, оставляли меня. Они дали мне свою любовь, дом, возможности образования и свободу, наконец. Почувствовав, что я должен им позвонить, я сунул руку в карман. Телефон остался в номере отеля.

Я прошел круг по периметру зала, отмечая все геомет-

рические решения создателя этого храма. Так я оказался за спиной сидящего на краю первого ряда молодого священника. Я сел за ним и, подглядев, чем он занимается, слегка удивился – святой отец в данный момент рассматривал котировки Нью-Йоркской биржи. По экрану бежали строки котировок разного цвета, а над ними открытый текст с заголовком «Коэффициенты Фибоначчи и временные ориентиры» со многими графиками и цифрами. Откинувшись на спинку лавки, я стал вспоминать: «Фибоначчи... Фибоначчи... Фибо...».

Это было просторное помещение с несколькими высокими решетчатыми окнами. Слепящее средиземноморское солнце чертило ритмичный узор на полу зала, но даже оно было бессильно против мастерства искусных ваятелей. Здесь сохранялась приятная прохлада, а стена напротив окна оставалась в полумраке. На границе света и тени в креслах с высокими спинками сидели двое. Тени от решетки на их фигурах и лицах приобретали фантастические очертания, мешая разглядеть их черты. Один был, несомненно, тем же мудрецом, которого я видел во сне. Я тогда назвал его Знаток, а Хокинг – Мудрецом. Но возраст придал ему дополнительной глубины и силы. Теперь я бы назвал его Мыслитель. Он был в той же одежде, что и прежде, только старше лет на сорок – лицо с множеством благородных морщин, поседевшие волосы и борода. Другого же человека я не знал. Знаток несколько раз назвал его Леонардо – но, конечно, это был не «тот»

Леонардо. Уж того бы я смог отличить, слишком много автопортретов он оставил. С другой стороны, наверняка история науки знает не одного Леонардо. И даже не двух. Но то – история науки, я был в ней только гостем. Приятное округлое лицо этого Леонардо было гладко выбрито, платье, простое с виду, сшито явно из дорогой ткани, и держался он с достоинством. Он мог бы быть царедворцем или придворным ученым. Я для себя так его и стал называть.

Беседа, по-видимому, только началась. Придворный ярко рассказывал Мудрецу о какой-то книге.

– Поразительно, какие глубины мудрости постигли люди; жившие за много веков до нас. А ведь это, по большей части, изложение и развитие мудрости, пришедшей из еще большей древности. Мне не знаком язык Древней Индии, который называют санскритом, но в нем были знаки для обозначения цифр от 1 до 9. Они записывали числа не так, как мы, а по порядку, по декадам. В «Книге об индийском счете» Аль-Хорезми об этом пишет.

– Истина была открыта Аль-Хорезми, – произнес этот Мыслитель. – Он смог постичь знание предков. Человеку его рода, служившему Заратустре, многое дано. Он достойно служил знанию. Через него это должно было прийти к тебе. И пришло.

Я пытался понять язык, на котором говорили эти двое,

но он был мне не известен. Однако я понимал и чувствовал каждое слово.

– Готов преклонить колени перед величием этой книги, – воскликнул Царедворец. – Теперь я все время думаю, как приложить знание, что оно несет, к нашей брэнной жизни. Эти новые числа... Именно новые. Это странно. Смысл чисел тот же, но в таких видах, какими изображает их Хорезми, мне видится неведомая, нераскрытая до сих пор сила.

– Сила чисел безгранична – но она скрыта. Ты думаешь так, но смысл чисел глубже. Много глубже и древнее.

– Числа обозначают количество. Что еще? – придворный ученый явно задумался.

И тут снова произошло невозможное. Таинственный Мыслитель запел. Точнее, не запел, а начал растянутый речитатив, практически без пауз, но сила его голоса и всепроникающий тембр вкладывали слова сразу в сознание, даже не надо было думать, правда это или нет. Без вариантов. Я снова превратился в слух.

– Я расскажу тебе всё про числа сейчас. Единица – монада. Бог, который есть начало и конец всего, и сам по себе не есть ни начало, ни конец. Монада четна и нечетна, потому что, будучи добавлена к четному числу, дает нечетное, а, добавленная к нечетному, дает четное. Великая сила сосре-

доточена в центре Вселенной и контролирует она движение планет вокруг себя, поэтому монада есть Трон Юпитера. Будучи между большим и меньшим, монада равна самой себе; между намерением и свершенным она посередине; во множественности она среднее и во времени она настоящее, потому что вечность не знает ни прошлого, ни будущего.

Монада есть отец. Что же тогда мать? Это Дуада – двойка. Она всегда разделена и представляет двух, а не одного, и они противоположны друг другу: демон, зло, мрак, неравенство, нестабильность. Монада является символом мудрости, дуада – символ невежества, потому что в ней существует смысл разделенное, которое есть начало невежества.

Я в восхищении слушал его обволакивающий необыкновенный голос, который снова проникал во всё вокруг, и не оставалось ничего, что не услышало бы его. Вспомнил песни Кины и понял, о чем она говорила, когда спрашивала меня на утесе о моих поисках. Теперь я знал. Ассоциация была настолько яркой, что я так же, как и тогда, чувствовал, что растворяюсь в звуках, наполненных множеством смыслов.

– Ты так говоришь о числах, будто они порождают какие-то движения твоей души, – проговорил ошеломленно Придворный.

– О, да. Числа волнуют душу. Они вызывают любовь, пре-

зрение. Мы чтим монаду и нам претит дуада. Подумай сам: силой дуады в противоположность небесам создается бездна. Бездна отражает небеса и становится символом иллюзии, потому что низ является просто отражением верха. Низ называется майей, иллюзией, морем. От дуады идут споры и соперничество.

Но послушай дальше. Триада – тройка – это первое число, которое по-настоящему нечетно. Триада – это дружба, мир, справедливость, благоразумие, умеренность, добродетель. Триада есть число познания музыки, геометрии, астрономии и науки о небесных и земных телах. В древних учениях – куб этого числа имеет силу лунного цикла. И вот – символ триады. Это священный треугольник.

Тетрада – четверка – это изначальное, всему предшествующее число, корень всех вещей, источник природы и наиболее совершенное из чисел. Все тетрады интеллектуальны; из них возникает порядок, они опоясывают мир. Бог – это тетрада, потому что число 4 является символом Бога, потому что оно – символ первых четырех чисел. Больше того, тетрада есть середина недели, будучи промежуточным между днем первым и последним, седьмым. Я только мудрость высшего знания излагаю и утверждаю, что душа человека состоит из тетрады, при этом четыре силы души – это ум, наука, мнение и чувство. Это Причина и Делатель всех вещей, постижимый Бог, Творец небесного и чувственного добра. Тетрада связывает все вещи, числа, элементы

и сезоны.

Мне показалось, что в воздухе, прямо перед глазами говоривших появились числа. Я точно их видел? А они? Мыслитель ничего не писал, он даже не двигал руками, а я будто бы видел запись воочию. Видел ли ее этот Леонардо? Во всяком случае, глаза его заблестели, и на лице выразился крайний интерес. О чем была та книга об индийском счете, с которой начался разговор, я не знал, но сейчас ученый явно видел необычное употребление чисел.

$$1+3+5+7=16$$

$$2+4+6+8=20$$

$$16 + 20 = 36$$

$$3 + 6 = 9$$

Числа висели в воздухе несколько минут, и я смог хорошо запомнить их порядок, потом стали светлеть, растворяться и, как туман, исчезли.

Мудрец немного оправил бороду и продолжал. Голос его, звучный и глубокий, наполнял своды высокого зала. И я не знал, что бы стало с миром вокруг, если бы окна не были закрыты изящной вязью витражей. Рассказ его всё больше казался пением священного гимна, потрясающего и бесконечного.

– Пентода – пятерка – есть союз первого четного и пер-

вого нечетного чисел. Пентаграмма – пятиконечная звезда – священный символ света, здоровья и жизненности. Она также символизирует пятый элемент – эфир, потому что он свободен от влияния четырех нижних элементов. Она называется равновесием, потому что разделяет совершенное число «10» на две равные части. Пентода есть символ природы, потому что, будучи умножена сама на себя, она возвращается к себе, точно так же, как зерна пшеницы, рождающиеся в форме семени, проходят через природный процесс и воспроизводят семена пшеницы в виде окончательной формы своего собственного роста. Другие числа, будучи умножены сами на себя, дают другие числа, но только 5 и 6 возвращают при этом свое исходное число как последнюю цифру в произведении. Пентода представляет все высшие и низшие существа. Пентода – основа жизни и жизнеспособности. Тетрада плюс монада равны пентоде: элементы земли, огня, воздуха и воды проницаемы и для субстанции, называемой эфиром.

Гексода – шестерка – это сотворение мира согласно пророкам и древним мистериям. Она – совершенство всех частей. Это форма форм, сочленение Вселенной и делатель души. Гексода – неутомимость, потому что она содержит элементы бессмертия.

Гептада – семерка – число религии, потому что человек управляется семью небесными духами. Гептада – мистическая природа человека, состоящая из тройного духовного

тела и четырехсоставной материальной формы. Они символизированы в фигуре куба, который имеет шесть граней и таинственную седьмую точку внутри – человека.

Огдоада – восьмерка – священна, потому что является четно-четным числом. Огдоада делится на две тетрады, каждая тетрада делится на дуады, и каждая двойка делится на монаду; восстанавливая ее. Это малое священное число. Она заимствует свою форму от двух переплетенных змей на Кадуцее Гермеса и частично от извилистого движения небесных тел, возможно, и от движения луны.

Я машинально попытался вспомнить, как выглядит этот самый загадочный «кадуцей». В голову лезли крылатые сандалии лукавого покровителя торговли на тех его изображениях, которые беззастенчиво присваивали себе многочисленные коммерческие организации. Странно – я попытался просто представить себе восьмерку – и не смог. В моем воображении она настойчиво вырисовывалась лежащей на боку. «Это же символ бесконечности!» Почему я сейчас снова вспомнил об этом? И кольнуло память слово «сингулярность».

Так он и продолжал свое распевное, еще больше похожее на мощное музыкальное произведение уже гремящее, как апофеоз задумки композитора, а местами переходившее в мелодичное камлание шамана, которое я слышал в горах Перу, но речь была ясной и слова гулко звучали в зале:

– Эннеада – девятка – первый квадрат нечетного числа. Эннеада – это ошибки и недостатки, потому что эннеаде недостает до совершенного числа «10» одной единицы, одной монады. Она называется числом человека из-за девяти месяцев вынашивания ребенка. Эннеада есть безграничное число, потому что ничего нет за ней, кроме бесконечного числа «10». Она называется границей и ограничением, потому что она собирает все числа внутри себя. Она называется сферой воздуха, потому что она окружает числа так, как воздух окружает землю.

Декада – десятка – согласно великим познаниям, есть величайшее число – она объемлет все арифметические и гармонические пропорции. Десять – есть природа числа, потому что все народы приходят к ней. И когда они приходят к ней, они возвращаются к монаде, к единице. Декада называлась и небом, и миром, потому что первое включает второе. Небесные тела делятся на десять порядков. Декада совершенствует все числа и объемлет в своей природе четные и нечетные, подвижные и неподвижные, добрые и злые.

Мудрец резко оборвал свое пение, но звуки еще отражались от высоких сводов и стен, возвращались эхом друг к другу. Зал медленно погрузился в тишину.

Поначалу рассказ о цифрах, вызывающих эмоции и несущих в себе тайный смысл, казался мне просто пересказом

архаичных представлений. Но где-то в середине речи Зна-тока я начал вспоминать, что в детстве мы часто играли в «великих нумерологов». Читали друг другу странные горо-скопы по числам, каждому числу обязательно соответство-вало какое-нибудь значение или характер. Девочки подбира-ли себе подруг и бой-френдов, мальчики смеялись над ними, но каждый тоже подсчитывал свое число и точно его знал. Но такая трактовка мне была непривычна. Хотя я уже тогда удивлялся, почему все заканчивалось на девятке. А девятки вычеркивали при подсчете. Теперь я начинал что-то пони-мать.

Между тем средневековый царедворец – собеседник – молчал. Он слушал долго и очень внимательно всю песнь Мыслителя, но явно испытывал какие-то сомнения по поводу слов мудреца. Этот человек был явным прагматиком.

От всезнающего Мудреца и это тоже не могло укрыться.

– Я вижу, Леонардо, ты сомневаешься. Я понимаю тебя. Ты сын таможенного чиновника и привык искать практи-ческого применения числам. Ищи же, и думай о том, что я сказал тебе.

* * *

– И что ты найти успел, сын мой? Я готов выслушать те-бя, – прозвучал реальный голос, и я поднял глаза.

Передо мной снова стоял молодой священник, всё с той

же неизменной и дружелюбной улыбкой. В руках он всё так же держал свой планшет.

– Спасибо, Отец, но я ищу, и я в пути, но я стал видеть больше, чем раньше.

– Главное не то, что ищешь, а то, что найдешь. Всё бrenно. Только вера вечна.

– Так и есть, Отец, – я, полностью уверенный теперь, что надо делать, встал и быстро вышел из-под церковных сводов.

Около «Вилла Европа» уже сидел в машине Алекс, ожидая меня. Наши вещи лежали в машине. Я сел рядом. За рулем теперь был мой рыжий товарищ. Его вид снова не выражал особенных эмоций. Он смотрел на меня скорее заинтересованно, чем раздраженно или озабоченно из-за произошедшего. Но вопросов об этом задавать не стал.

– Ну что, куда теперь? – спросил он. – Я расплатился за номер. Правда, твой маленький пожар обошелся нам в три тысячи евро.

– Спасибо, Алексей, мы возвращаемся в экспедицию. Выпишу чек.

– Так мы же потеряли книгу?

– Зато приобрели кое-что другое! – я подмигнул ему. – Жми, шеф, два счетчика!

Через двенадцать часов мы, перелетев Адриатическое море обратно, подъезжали к деревне Олимпиада и нашему лагерю.

Глава 13

– Дэнис! Я рад тебя видеть! – с объятиями ко мне поднялся Панкратос. – Только удивлен, что ты так быстро вернулся. Вы доехали до места?

– Я тоже очень рад! – обняв старого археолога, я был готов расчувствоваться, таким трепетным был момент. – Мы доехали. Даже нашли. И всё потеряли. Прости, мы потеряли ее. Книги больше не существует. Я уничтожил ее в каком-то безумном порыве.

Держа меня за плечи, Тилманидис долго всматривался в мое лицо. Мне стало неловко. Что он хотел увидеть?

– Дэнис, ты просто еще не понял главного. Эти книги – божественны, и написаны древним божеством. Я в это верю. Причем ты должен помнить из истории, что писались они на золотых табличках, которые тоже утеряны. Утеряны, Дэнис, только утеряны. А ты нашел переписанную версию на папирусе, что с ней случилось?

– Огонь и вода, – мне действительно было стыдно рассказывать о том неведомом мне ранее поступке, что я совершил. – Я нарушил все правила. Меня как будто ничему никогда не учили.

– Учили, учили. Но запомни главное, что такую книгу нельзя уничтожить. Никогда. Она вечна. Скорее всего, она уже заняла свое место в том же некрополе, а, может, теперь

ждет своего времени в другом месте. Расскажи мне подробно, что случилось.

Я полностью рассказал обо всех событиях с момента нашего с Алексом проникновения на территорию раскопок до моего пробуждения в отеле Метапонта и о прогулке в местный костел, включая рассказ о странном видении песнопения про цифры. Естественно, воспоминания о семье я пропустил. Панкратос слушал, ни разу не прервав меня. Мне показалось, что последняя часть заинтересовала его даже больше, чем поиск книги. Когда я закончил, он привычно откинулся на спинку и, закрыв глаза, замер. Было видно, что он размышляет о только что услышанном. Так он просидел минут пять. Потом резко встал, прошелся несколько раз по комнате и, остановившись возле меня, снова взял меня за плечи:

– Дэнис. Тебе надо выспаться. Запомни простую истину – не всеми поступками мы руководим сами. Часто мы думаем так, но силы, которые есть во Вселенной, намного сильнее и коварнее. Ты столкнулся с одной из них и хорошо, что выжил. Иди сейчас в свой фургон, тебя там до завтра никто не побеспокоит. Маккенны вернутся только завтра вечером, а Алекс переночует в другом месте. Если он ждет снаружи, скажи, чтобы заходил. Завтра в девять будь здесь.

Я вышел из контейнера Босса и пошел вниз к своему фургону. Навстречу шел Алекс.

– Зайди, он ждет.

– Спасибо, Дэн, я знаю. И так к нему, – Алекс, как всегда, был краток.

– Если будешь рассказывать обо всем, что было в Метапонте, не выставляй меня полным идиотом, ладно?

– Ладно, только слегка, – улыбнулся он. – Кстати, я забросил вещи в фургон.

Я кивнул и пошел дальше. Проходя мимо столовой группы, я остановился. Есть не хотелось, а вот воды надо было взять. Захватив несколько мелких бутылок, я дошел до места, ополоснулся и лег спать. Хотелось просто выключиться от этого мира. Без снов и сновидений. Так крепко и безмятежно спать, называлось «без задних ног». Так всегда говорила моя последняя мама – Нина Малокешин. Опять вспомнив, что давно не слышал их, я уснул.

Проснувшись снова в 7:30, я сел на кровати, пытаюсь понять: все события последних дней действительно, или все мне грезится? В фургоне стояла необыкновенная тишина, значит, братьев и Алексея здесь сейчас не было. А это значило, что Панкратос вчера сказал всё верно. Дальше по цепочке выходило, что и все события – тоже были в реальности. Умываясь, я еще раз внимательно рассмотрел себя. Странно, что от падения в огонь не осталось никаких следов. Даже брови и волосы не обгорели. Как и многое другое, это не поддавалось никакой логике. Стало быть, я об этом никогда не узнаю или узнаю позже, или перед смертью... Как там еще говорят? Поняв, что опять в голос говорю с собой, я оделся и

пошел завтракать. Хороший, почти десятичасовой сон, придал мне новых сил и разбудил нешуточный аппетит.

Уничтожив две порции энергически полезных хлопьев с молоком и выпив кружку непривычного для меня горячего шоколада, я отправился снова к башне. Было любопытно посмотреть, что изменилось за два дня. Как оказалось, многое. Бригада из тридцати человек лихо взялась за дело, и разбор завалов уже достиг верхних границ крипты. Всё лишнее было вычищено, везде стояли флажки с номерами. Теперь была точно видна задумка человека, сделавшего одинокий некрополь в этом месте. Это было место не просто памяти, а поклонения. Поклонения неординарному уму и следу в истории этого великого человека. Алтарь и вправду был аккуратно снят, и на его месте была специальная метка. Также я отметил, что теперь здесь дежурила пара человек из волонтеров, что делалось только при исключительности находки. И я понимал Панкратайоса, ему ли не знать цену небрежности. Я сразу вспомнил свою потерю. К месту раскопок стали подходить прикрепленные сюда люди. Все по-доброму приветствовали меня. Я также был им рад.

На часах было 8:30. Я отправился к контейнеру Тилманидиса, ожидая, что теперь получу хоть какие-нибудь ответы на ту лавину вопросов, что накопились у меня с Сиднея.

Внутри контейнера меня уже ждала Кина с такой же большой кружкой, что была у меня в столовой, только в ней поднимался пар от густого травяного чая. Она задорно смотрела

на меня, и я понял, что не всё так ужасно, как мне кажется.

– С возвращением, Дэн! – она пропела приветствие, и внутри стало еще лучше. – Не догадывалась, что ты такой быстрый и успеешь вернуться за два дня.

– Вернуться успел, но вот цели не достиг.

– Правда? А что же, по-твоему, цель?

Ответить я не успел. Панкратос, шумно дыша, вошел в дверь. Видно было, что он торопился, поднимаясь на свой холм.

– Ну что? Все собрались? Кое-кто подойдет через час, – он с места перешел к делу. – Дэнис, дружище, Алекс вчера рассказал свою версию событий. Точнее ту, что видели его глаза. Давай-ка еще раз, с самого начала.

Мы расселись вокруг небольшого рабочего стола, как перед моим отъездом. Я задумался. С какого именно начала? Что выбрать за точку начала? Тут мне в голову пришла та самая «сингулярность». И Хокинг со своим мучительным вопросом. Тогда я решил сократить время и начал рассказ с получения конверта от братьев Маккенна. Единственное, что я добавил из прошлых событий, это зарисовку экрана в самолете перед посадкой в Мюнхене. Два человека внимательно слушали меня, ни разу не перебив. Один раз только у Кины запищала рация, но она ее просто отключила.

Как и вчера, по окончании, в воздухе повисла пауза. Старый археолог снова откинулся назад, закрыв глаза. Кина Симантуш, так же, как и Босс вчера, стала рассматривать ме-

ня. Только приподнятые уголки ее губ, говорили о том, что она точно понимает больше меня в моем же рассказе. Ее чай давно остыл, но она все равно сделала несколько глотков, не отводя от меня взгляд.

Вдруг Панкратос громко хлопнул в ладоши. Мы вздрогнули от неожиданности.

– Вот так и в поисках. Всегда важное происходит внезапно, – он тоже улыбался. Настроение у меня улучшалось с каждым его словом. – Дэн. Я хочу пожать руку тебе. Ведь ты держал сочинение Тота в своих руках, обрел и утратил, почувствовал что-то и упустил. Я правильно понимаю твой рассказ?

– Выглядит именно так, – я пожал протянутую мне горячую ладонь. – Я стал неплохо разбираться в геометрии, хотя все годы учебы это был не самый привлекательный предмет.

– А какой предмет стал привлекательным? – задала вопрос Кина. Она тоже протянула мне свою узенькую руку, которую я бережно пожал в ответ. – Хочешь вспомнить то, о чем забыл?

Я удивленно пожал плечами, посмотрел на Панкратоса. Он кивнул. Кина подняла с пола тонкую папку, открыла ее и стала читать:

– Дэнис Кочетоф, 1979 года рождения, девятого сентября. 36 лет. Всем говорит, что ему 40. Родился в Усть-Илимске, Россия, переехал с семьей в Канаду, потом усыновлен в США эмигрантами из России. Дальше? – Босс и я кивну-

ли одновременно. Она продолжила: – Поступил в 19 лет в университет «Золотые Ворота», в Сан-Франциско, факультет «Налогообложение», переехал в кампус из Рапид- Сити. Через год перевел документы в Калифорнийский университет в Беркли, факультет «Естественной Истории». Через год и девять месяцев снова перевелся. Теперь на факультет «Машины и оборудование» в университет Южной Флориды. Через полгода уехал в Австралию, Сиднейский Университет, «Психология видов и структурная пропедевтика». Всего год и вернулся обратно в Беркли, где и доучился до шестого выпускного курса, но за полгода до окончания завербовался в археологическую экспедицию в Перу и уехал. Даже не забрал документы. С семьей за последние десять лет виделся три раза. Один раз вынуждено, когда их дом сгорел от попадания молнии в 2007 году. Ну как?

Немного удивленный таким собранием фактов о моей жизни, я молчал.

– Дэнис, наверно, думает, зачем нам его досье, – проговорил, улыбаясь, Панкратос, прочитав мои мысли. Думаю, они были очень четко написаны на моем лице. – Понимаю твое удивление, но чья это папка, ты узнаешь немного позднее, а сейчас главный вопрос: всё это правда? Так?

– Абсолютная и безоговорочная правда, как она есть, – я смотрел на двух улыбающихся людей напротив, и во мне поднималась легкая волна паники от непонимания. – Что снова происходит? Всё написанное – правда, и что?

– Ничего, просто многое становится понятным, твои метания и поиски, жизнь археолога и вечные поездки, – Кина не выпускала папку из рук. – Тут написано, что ты практически без пауз и отдыха участвовал в 54 работах по поиску, в экспедициях и в научных описаниях. И это все за 9 лет.

– Не буду спорить, всё так.

– Так вот, теперь понятно, что именно ты стал тем, кому дано видеть и найти. Ты еще не понял этого? – теперь уже Панкратос задал свой вопрос. – Ты ведь всегда в поиске.

– Но что именно найти? – я был крайне удивлен всем происходящим и не понимал, куда клонят мои визави. – Всё происходящее со мной я больше оцениваю, как случайность.

– Конечно, как случайность. Вспомни сам: таблица Менделеева – случайность; сила притяжения через падение яблока – случайность; побочное действие Виагры, которое стало со временем основным, тоже случайность. И сколько еще примеров привести, чтобы перестать верить в это слово? – Кина явно забавлялась моим непониманием.

– Дэнис, ты ведь нам не всё рассказал. Есть еще истории, которые пока ты нам не доверяешь. И правильно делаешь. Подойди к зеркалу, – Тилманидис неожиданно сменил тему.

– Что???

– Подойди к зеркалу и расстегни рубашку.

Я встал, подошел к небольшому зеркалу на двери ванной комнаты и расстегнул верхние четыре пуговицы.

– Готово.

– Разведи в стороны, – Панкратос медленно подошел ко мне. Я раздвинул полы.

– Не видишь ожоги и шрамы?

– Нет, не вижу.

– А что еще не видишь?

– Я не понима... – начал было говорить я, но мой старый друг протянул свою руку ко мне, и я увидел знакомую цепочку с медальоном, которую он мне уже вручал.

– Тебе же было сказано – не снимай никогда.

– Но я и не снимал, как она... Как он у тебя... – внезапная догадка вышибла из меня пот. – Алекс? Это Алекс?

– Да, он всё нам рассказал. Садись обратно.

Я взял медальон и быстро одел его на шею. После горячих рук Тилманидиса казалось, что он обжигает меня. Налив себе большой стакан воды, я сел в кресло. Событий для утра было чересчур много.

– Отдай ему папку.

Кина протянула мне папку через стол. Я взял ее и открыл. Первое, что я увидел, было несколько моих фотографий во всех возможных ракурсах. Сделаны они тоже были за несколько последних лет. Дальше шли тексты и справки, тоже обо мне. На русском языке. Я пролистал всё до конца: все листы, за исключением копий документов, в основном моих, были на русском.

– Ты что, говоришь по-русски? – спросил я у Кины. Она улыбнулась, отрицательно покачала головой и показала мне

листок с выписанными фактами моей биографии. – Откуда все это?

– Это тоже Алекс, – Панкратос явно был огорчен. – Это мы нашли у него, когда он приехал. Задолго до твоего приезда сюда. Вчера он всё рассказал. Не мог не рассказать после всего того, что он видел с тобой, и за ту плату, что я ему предложил.

– Плату?

– Он взял двести тысяч долларов и еще вчера уехал обратно, в Россию.

– Он кто? – меня стали только теперь беспокоить его странные навыки и возможности. – Почему он собирал на меня досье?

– Так он и не собирал. Досье ему передали при получении задания. Он нам так и не сказал, какую службу представляет, но уж точно он не аспирант Новосибирского Университета. Да и лет ему больше, чем в паспорте. Но мы точно знаем, что Алексей Брицын – это подделка, его зовут по-другому. А выяснилось это случайно, тебе ведь нравится это слово? Так вот, когда он приехал, то один из наших начальников участка, узнав, как его зовут, пришел ко мне и рассказал, что знает Алексея, поскольку был в Новосибирске и вел с ним два проекта по берестяным грамотам, – Кина яростно сверкала глазами, рассказывая про обман. – Описал его. Совсем другой тип. Плюс его необычная сила и неяркий лексикон, всё говорило о спецподготовке. Причем он это не особо и

скрывал.

– Теперь многое встает на место, – мне так хотелось сейчас увидеть его еще раз и задать вопросы напрямую.

– Если ты помотришь бумаги внимательнее, там указано, что он должен был быть рядом с тобой и защищать по возможности. На словах ему сказали, что ты найдешь некий артефакт, который он и должен забрать у тебя и с ним вернуться обратно. Полученные двести тысяч дадут ему возможность устроиться и без возвращения. Станет где-нибудь нелегалом, такого везде возьмут, в любую службу. Такие знания и навыки обеспечат его в любом месте.

– Что-то не верится, что такой профессионал, как он, просто возьмет деньги и улетит, – информация об Алексее стала еще одной частью дикой мозаики вокруг моей персоны.

– Дело в том, что я выбрал тебе его в сопровождение не просто так. Его помощь и по твоему, и по его рассказу, совсем не была лишней. А то, что он вытащил тебя обратно в этот мир, тем более. Однако он сделал неправильный выбор, решив, что артефакт, который он должен забрать, это медальон, а не книга. Когда он делал тебе искусственное дыхание, то понял, что нет никаких повреждений, и решил, что это заслуга медальона. Но это не совсем так. Он снял с тебя его и в этот момент поверил, что есть нечто такое, что мало доступно людям. И ты часть этого странного непознанного мира. Ты его видишь и тебя нельзя потерять. Поэтому он не остановился, а откачал тебя и не дал сгореть. Когда он отда-

вал нам «знак Древа», то на его лице было облегчение. Он уехал с радостью и вряд ли вернется когда-нибудь.

Кина, молчаливо кивавшая всё время, подняла голову и спросила:

– А что ты сам теперь будешь делать?

– Меня в последнее время посещают такие понятия и знания, что я в растерянности. Я бы все-таки открыл книгу еще раз и узнал ее содержимое. Почти постоянно об этом думаю.

– Тогда я точно знаю, что тебе поможет, – грек довольно потер руки. – Индия! Сейчас придет Чанакья, и мы определим, куда тебе точно надо попасть, чтобы получить ответы.

– А если ответов не будет?

– Тогда путь пойдет дальше. Ты ведь сам рассказал нам про книгу Аль-Хорезми. Научись видеть такие знаки, и многое станет легче, поверь старому человеку. И не забывай – то, что ты видишь и понимаешь, это для тебя. Как ты этим распорядишься – дело только твое. Так.

В этот момент дверь открылась, и в комнату легко вошел Чанакья Джут-хани, седовласый индус. Было известно, что он из рода высших брахманов, но пошел по пути науки и не стал оставаться на родине. Я невольно сравнил его с Санти из Мариотта. Тот был намного старше. Только очень смуглый оттенок кожи говорил, что оба они выходцы с юга Индии. Он прошел за стол, поприветствовал нас поклоном и сел на свободное место.

– Чани, спасибо, что пришел по первому зову, – уважи-

тельно поднявшись, произнес Панкратос. – Познакомься теперь с нашим вновь обретенным Дэнисом. Он прошел сквозь огонь и воду и смог вернуться, видел Вселенную глазами воды и дышит после этого.

Слова старого археолога настолько взволновали меня, что я не мог усидеть на месте. Я вскочил, потом снова сел. Чанакья стал смотреть мне прямо в глаза, потом тоже привстал, сложил руки ладонями друг к другу и слегка мне поклонился. Я просто горел от всего происходящего, наверно, мое лицо было ярко-красного цвета, так пылали щеки. В какой-то момент даже показалось, что именно сейчас я стал чувствовать тот огонь, в который упал. Индус, не отрываясь, смотрел мне в глаза и произнес:

– Добро пожаловать в мир, Дэнис. Какой обряд исполнен при инициации?

– Никакого! – воскликнул Панкратос. Взгляд Чанакьи немедленно метнулся к нему, потом снова вернулся на меня. – Это была случайная инициация, Чани, и он теперь видит.

Увидев мое крайнее замешательство, он подошел ко мне и положил руку на плечо. Чанакья и Кина с одинаковым выражением сочувствия на лицах смотрели на меня. Старый археолог продолжил:

– Дэнис, ты, наверно, еще не понял того, что с тобой произошло. Многие так и не понимают. Возвращаются в наш мир, рассказывают о коридорах и притягивающем свете и

спокойно живут с этим. Вот у тебя был свет?

– Нет.

– Так его и не бывает. О нем рассказывают только те, кто отказался от Пути. Да, с большой буквы. У них реальные воспоминания заменяются яркими вспышками. Да ты и сам читал об этом, наверняка.

Я покорно кивнул. Панкратос продолжил.

– Тебе удалось за вечер, без всякой подготовки, без проводника и определенных на Земле обрядов, пройти инициацию через смерть и новое рождение. Ты новый. Тот же и новый. Да и роль Алекса в этой истории оказалось куда шире. Совершенно нелепым образом, он смог помочь пережить тебе инициацию. Все те ощущения, какие ты описал, это и есть – оно – перерождение. Понимаешь?

Мне пришлось через силу кивнуть еще раз.

– Тогда тебе в Карнатаку. Тебя примут в Гокарне. Посети там Верхний Храм Ад-Гокарна, и твои видения после этого обретут четкость и смысл. Мне сейчас больше нечего сказать, – это уже произнес Чанакья. Он медленно поднялся, снова сложил ладони и поднес их к груди. – Пусть путь будет легким.

И вышел на улицу. Я, как сидел полностью в растерянности, так и продолжал. Кто я теперь? Что они все говорят? Несколько минут висела тишина.

– Ты прошел инициацию, к которой не был готов. Видно, что ты тот же и другой. Ты родился еще раз, только взрос-

лым, – Тилманидис говорил медленно, видимо, чтобы до меня доходил смысл слов. – Тебе трудно и ты растерян. Это тоже видно. Древняя земля Индии даст тебе если не все ответы, то осознание цели. Понимаешь?

Я только мог отрицательно помотать головой, столько информации обрушилось на меня за последний час. В памяти проносились воспоминания об этом понятии – инициации: австралийский Змей-Радуга, поглощавший и извергнувший обратно людей; обряд обрезания у народов Малой Азии, арабов и иудеев; Дарамулун из Уэльса, сжигающий и лепящий из пепла новых детей; родной Феникс, наконец... Тем временем Панкратос продолжил:

– Дэнис, то, что чувствуешь, как раз и есть последствия того, что случилось. Откажись от нового и всё вернется. Прими себя нового, стань адептом пути познания, и твой путь изменится. Выбирать тебе.

Я встал на слегка дрожащие ноги и медленно, почти по слогам, проговорил:

– Я еду в Индию.

Глава 14

У меня было достаточно денег и более, чем достаточно впечатлений, если называть их мягко, и мне пришло в голову нестандартное для моих поездок в Индию решение. Я решил не жить дервишем, полагаясь в еде и ночлеге на волю случая, а снять номер в каком-нибудь шикарном отеле, с гарантированной кормежкой, чистой постелью и подметенным полом.

Остальные варианты могли испортить не только поездку, но и здоровье. В аэропорту Даболим, купив карту побережья, я выбрал самое пафосное предложение на первой же странице. Пока я ее рассматривал, ко мне подошел явный местный оборванец, но в удивительно чистой одежде. Он наклонился к самому уху и прошептал:

– Сэр приехал работать или отдыхать?

– Что? – не понял я сначала.

– Сэр предпочитает курить и отдыхать, или курить и работать?

Я рассмеялся, наверно, чересчур громко, и он исчез, просто растворился в воздухе. Таких бродяг в разнообразных состояниях изменения сознания кругом было предостаточно. Характерный сладковатый запах был частью запаха местности и никак не отделим от нее.

Минут десять я потратил на поиск такси, и еще через сорок заезжал на территорию отеля «Рамада Каравелла» на юге

штата Гоа. По ухоженности территории и необычной для Индии чистоте, было понятно, что я не ошибся. Да и к цели моей поездки отель располагался по пути.

Зарегистрировавшись и скинув багаж на руки подбежавшему портье, я решил направиться к океану. Как было написано, не более ста шагов. Я точно прошел все двести, но это совсем не напрягало. Передо мной на добрую сотню метров протянулся пляж, а дальше к горизонту, как в бесконечность уходило зеленоватое пространство воды, а там с ним соединялось голубоватое небо. Небо начинало темнеть, и быстро падающее в Аравийское море солнце бросало ярко красную дорожку прямо к моим ногам.

А еще говорят, бесконечность невозможно вообразить. Да вот же она.

Ко мне подбежала средних размеров страшенькая собачка, при этом ее мордочка мне улыбалась. Мне и угостить-то ее было нечем. Она миролюбиво и снисходительно дала себя погладить и побежала дальше по своим собачьим делам. А я дошел до воды, сел так, чтобы она немного щекотала мне пятки и стал смотреть туда, где одна стихия соединялась с другой...

Когда я вспомнил себя и то, где я нахожусь, вокруг стало заметно темнее. То ли это безмятежность океана, то ли воздух этой древней страны – но как же легко мне всегда было здесь расслабляться, отбросив всю суету жизни, в том числе и свои собственные мысли и переживания. Я решил здесь

пробыть как минимум три дня. Белый песок и красота мира в этом месте поражали и сглаживали раны последних дней.

«Ну, и хорошо, – подумал я, – сразу поужинаю, потом в свой номер, и спать!»

Не успел я вернуться на ресепшен этого нескромного заведения, как мне навстречу выбежал мужчина средних лет под стать той собаке на пляже: чрезвычайно некрасивый и на редкость приятный, вызывающий острую неконтролируемую симпатию. Это был совладелец отеля.

– Простите, сэр! Здравствуйте, сэр! Какая радость, сэр, что вы, наконец, здесь. Мы ждали вас еще днем, а вас всё нет и нет. У нас совершенно не было никаких ваших данных, сэр, и мы не могли с вами связаться. Какая радость, что вы здесь, сэр.

Его лицо светилось такой радостью, что сомневаться в искренности его слов было бы свинством. Правда мне не была понятна его обаятельность в мой адрес, поскольку о моем приезде он не мог знать. Но отказываться от такой встречи я не стал.

– Позвольте мне проводить вас, сэр. Я покажу вам ваш люкс...

– Здравствуйте, – наконец вмешался я. – Пожалуйста, не беспокойтесь,

это я приехал поздно. И, пожалуйста, не надо номер, можно сначала поужинать?

Возможность покормить гостя обрадовала его еще боль-

ше, если это только было возможно. Не прерывая своей речи, состоящей из слова «сэр» и изъявлений своей радости, он проводил меня на небольшую веранду, где было накрыто несколько столов. Здешнее убранство было весьма шикарным, но таким же милым, как здешние животные и люди.

Не прерывая своей речи, он усадил меня за стол и удалился. На веранде я был в гордом одиночестве.

Мне не удалось насладиться тишиной и хаотичной гармонией окружающего мира. За моей спиной довольно громко разговаривали трое, женщина и мужчина, и время от времени к ним присоединялся тоненький капризный голосок, видимо, их ребенка. Они говорили на повышенных тонах и постоянно покрикивали на ребенка, стоило ему издать хоть слово. Я повернулся. Метрах в пятнадцати была аналогичная веранда, где было чуть больше людей, и интерьер был несколько скромнее. Разговор этой троицы был полной противоположностью речи благоречивого совладельца. Радостью здесь и не пахло, а пахло раздражением и показным высокомерием. Но интересным были не интонации, а язык. Мой родной язык. Кажется, это была семья из России.

Мой хозяин вернулся со служителем кухни, который нес огромный деревянный поднос, а на нем копошилась целая гора зеленоватых морских чудищ: раки разных размеров, осьминожки, каракатицы, рыба нескольких видов.

– Прошу дорогого гостя выбрать, что ему приготовить, – радостно произнес он и, наклонившись ко мне, заговорщиц-

ки добавил: – Выбрать – это совсем не значить ограничить себя!

«Какая прекрасная фраза», – восхитился я и не стал себя ограничивать, отметив пару средних дорад, дюжину очень крупных креветок и двух маленьких осьминогов.

Служитель кухни церемонно ушел, смачно шлепая себя по пяткам подошвами сланцев. Хозяин осведомился, не нужно ли мне чего.

– Скажите, эти люди, за тем столом – русские, да?

– Да, они из России, – сделав страдальческое лицо, отвечал он. – Очень недовольны. Им не нравится сервис. Я их понимаю. Русские привыкли отдыхать в таких местах, где... – он поискал подходящее слово, не нашел, и сказал просто, заменяя слово интонацией: – Где есть сервис. Но я их понимаю. Они столько времени жили в стране, не имея вообще никакого сервиса. Но это ничего! Они только приехали. Они еще не знают, что здесь умеют делать людей довольными. Они уедут отсюда довольными, это я вам говорю. А как вы догадались, откуда они?

– Я родился в России и провел там детство. А вы тоже неплохо осведомлены о России.

– Еще бы! Я пять лет жил в Советском Союзе. Учился в строительном институте. Жил в общежитии. Никакого сервиса!

Он радостно рассмеялся воспоминаниям о своей спартанской юности в общежитии, а потом снова погрузился лицом.

– Я скучаю по тем годам. Какие у меня были друзья! Мы ходили в походы. Это такой холод! А какие у меня были учителя! Я писал диплом и ходил к своему преподавателю домой, а его жена встречала меня, как дорогого гостя, кормила вкусно. Много! Они радовались за меня, когда я защитился. Они научили меня радоваться.

Каждая короткая фраза у него сопровождалась радостным смехом.

– А я думал, это здешняя Земля учит такому отношению к жизни.

– Каждая Земля чему-то учит. Одна Земля может учить другую.

– А почему же ты не работаешь инженером? Ведь это у вас почетный труд, да и деньги немалые.

– Я работал... раньше. Потом всё стало меняться. Мне приходилось много трудиться, чтобы осваивать новые технологии. Это было не совсем то, чему нас учили в Советском Союзе. Но дело не в этом. Я должен был помогать моему отцу, когда он стал стар – это ведь его отель, а потом продолжать его дело. Да, это совсем другая жизнь. Люди часто думают, что другая – значит хуже... или лучше. А она просто другая.

Он заулыбался и сказал:

– А ведь ужин давно готов. Прошу дорогого гостя отужинать.

«Фраза как из старого спектакля Малого театра», – поду-

мал я. Мне уже несли огромный поднос. Хозяин поклонился и сказал:

– Прощу меня извинить, дела. Портье потом проводит вас в номер, сэр. Приятного аппетита!

К счастью, мой ужин, ввиду его объема, закончился не слишком быстро. А после ужина меня едва хватило, чтобы ополоснуться в душе, и я заснул, как ребенок.

Последующие два дня я провел как настоящий пляжный отдыхающий.

Каждое утро мне приносили гигантский кокос со вставленной в него трубочкой – в дополнение к изрядному завтраку, и я шел на пляж. Я часами плавал в теплой воде, так что еще чуть-чуть – и станет уже противно, жарился на солнце и общался со страшными на вид и прекрасными внутри собаками. Пару раз я выезжал вечером на местные рынки. Именно там можно было увидеть тот незабываемый местный колорит и огромное количество индийских сувениров. Одних фигурок слонов я насчитал более пятидесяти за первые пять минут. Рассматривая старые потрепанные здания времен португальской колонизации, было понятно, какой длинный и неровный путь у этой страны.

Я медленно обходил все стоявшие в поле видимости такси и спрашивал про поездку в Гокарну. Все, как один, водители пожимали плечами и отрицательно мотали головами. «Не знаю, сэр», – был стандартный ответ. При этом, они все отводили глаза, показывая свою крайнюю занятость. Это един-

ственное, что бросало тень на мой отдых.

Странно – как раз в этой стране, где тайное знание, казалось, разлито в воздухе, я воспринимал мир совершенно здраво и рационально. Рано утром третьего дня я вышел на ресепшен гостеприимного отеля. Мой знакомый «строитель», несмотря на ранний час, уже был рядом и, увидев это, быстро пошел ко мне. На его пути в небольшом холле стояла живописная семья, общим весом за двести пятьдесят килограммов. Увидев его, они дружно заулыбались и принялись произносить какие-то слова, предположительно английского происхождения. Это были те самые страшно раздраженные русские, которых я слышал в первый вечер! Всего два дня прошло. А почтительный хозяин, похоже, был здесь на своем месте.

Дойдя до меня, он снова заулыбался.

– Надеюсь, сэра не покидает нас? – на его лице было реальное выражение глубокого горя.

– Благодарю, у вас превосходный отдых, и, можете поверить, как только моему телу и голове потребуется еще одна полная перезагрузка, я сразу буду у вас. Я пока никуда не собираюсь. У меня есть один вопрос и мне некому его задать.

– Все, что пожелает уважаемый Гость! – пафосно воскликнул отельер.

– Кто-нибудь может меня отвезти в Гокарну?

По лицу моего собеседника пронеслась целая радуга чувств и эмоций. Он даже обошел меня по кругу, внимательно

но рассматривая. Ничего не увидев, он зафиксировал еще большее горе на своем лице и спросил:

– Сэр уверен?

– Абсолютно.

– Сэр хочет отойти от мира и жить в Гокарне?

– Совсем нет. У меня там дела, – его озабоченность несколько смутила меня.

– Я понял, Сэр, там у всех одинаковые дела. Но просьба гостя – закон, – он медленно отошел от меня и сделал несколько звонков по телефону. – Ждите здесь, сэр, сейчас подъедет старенький белый «Индустан», он отвезет вас.

С вселенской печалью он посмотрел на меня еще раз, после чего развернулся и ушел в отель.

Через десять минут к крыльцу подъехал белоснежный, шумный и действительно очень старый «Индустан Амбассадор», сделанный в начале 60-х годов прошлого века. Из него выскочил курчавый маленький человечек неопределенного возраста, который легко подхватил мои вещи и загрузил их в багажник. За время своих перемещений, я узнал, что зовут его Шанкар, он может все; машина ездит хорошо, но иногда спит, как корова, а корову надо кормить и нельзя обидеть; что он не любит Гокарну, он любит Варку... И так он щебетал, пока я не сел на заднее сиденье. Внутри было довольно чисто, и даже легкие благовония на панели автомобиля были к месту. Запрыгнув за руль, он завел старую машину и повернулся ко мне.

– Сэр едет в Гокарну?

Я кивнул.

– Сто пятьдесят долларов. Туда и назад. Сто пятьдесят. Даже если сэр захочет остаться, сто пятьдесят долларов. Шанкар не останется в Гокарне. Шанкар уедет.

– Хорошо, – я протянул ему пять десятков и показал, что сотня у меня тоже есть. Он улыбнулся, выхватил десятки и нажал на газ. Мы поехали. Покинув территорию отеля, он повернулся снова:

– Сэр хочет курить сейчас?

Этот вопрос за три дня отдыха я слышал постоянно и знал, что многие зарабатывают на жизнь, продавая туристам «косячки». Чтобы не создавать напряжения, я не стал ни отказываться, ни соглашаться:

– Не сейчас, может позже.

Шанкар довольно кивнул и увеличил скорость.

Глава 15

Сначала мы ехали вдоль моря, потом он свернул, и минут через двадцать природа стала меняться. Начинались густые леса и холмы, через которые проходила дорога на Гокарну. Наличие большого количества повозок, автобусов и легковых автомобилей, большинство из которых были ровесниками моего такси, не давало разогнаться на довольно узкой дороге. Зато я мог насладиться необыкновенной красотой этой земли. Пару раз мы проехали вдоль глубокого ущелья, на дне которого были видны обломки машин и пара автобусов. Жутковатое место мы проехали со скоростью пешехода, но я был за безопасность и не возражал.

По дороге встречалось много идущих пешком вдоль дороги людей, большинство шло нам навстречу. В основном, что меня удивило, это были европейцы всех возрастов, но одеты все были в местные одежды. Очень редко мелькали джинсы и яркие шорты. На вопрос, куда они направляются, Шанкар только пожал плечами и ответил философски: «Все куда-то идут». Он вообще не приставал с разговорами, лишь тихонечко щebetал себе что-то под нос.

Как только мы пересекли святую для всех индусов реку Ганг, Шанкар остановил машину у маленького магазинчика и убежал в него. Я вышел размяться после полуторачасового сидения и прошелся вокруг, заглянув с моста вниз. Свя-

ценная река Индии неприветливо бурлила в этом месте, и коричневая мутная вода совсем не привлекала. Хотя внизу было видно, что в ней радостно плещутся дети. Я вернулся обратно. Шанкар уже стоял около своего авто, держа мою дверь открытой и приглашая присесть. Я сел. Рядом на сидении была большая корзина с фруктами и несколько запечатанных бутылок чистой воды. Я вопросительно посмотрел на водителя. Он улыбнулся и поднял большой палец:

– Немного презента!

Я тоже улыбнулся и, открыв одну из бутылочек и делая первые глотки, понял, что «сто пятьдесят» – это очень много за этот путь, и переплачу я немало.

Вот на дороге появился знак «Гокарна, 10 км». Дорога имела номер «66» и называлась «Кочи-Панвел Хайвей». Чуть дальше, метрах в трехстах стоял полицейский автомобиль, а возле него два колоритных полицейских в неизменной песчаной форме и мягких фуражках. Один, под два метра, широкий, как стена, и с необыкновенно большими пушистыми усами, второй чуть выше, но значительно круглее и подвижнее. Маленький быстро выбежал на край дороги и коротким черным жезлом показал на обочину. Шанкар мгновенно припарковался.

Маленький подошел к водителю, а большой ко мне. Окна были открыты, поэтому лишних движений делать не приходилось.

– Я могу посмотреть ваши документы, сэр? – нагнувшись

к окну, на сносном английском пробасил из усов высокий полицейский.

Покорно достав свой распухший паспорт, я протянул его в окно. Он взял его огромной рукой и пошел к своей машине, там достал небольшой ноутбук и стал что-то печатать. Я вспомнил, как мучается с гаджетами мой канадский друг, пальцы которого были еще крупнее и улыбнулся. Тем временем Шанкар уже вышел из машины и показывал содержимое багажника и зачем-то капота. Закрыв все емкости автомобиля, мой таксист отошел к машине полиции, а я так и сидел со скучающей улыбкой.

– Вам уже весело? – раздался вопрос в правое окно – лицо маленького полицейского занимало весь его проем.

– Мне нормально, спасибо, – хотел проявить вежливость я. – Когда мы поедем?

– Сэр, а куда вы едете? – он был явно недоволен видеть иностранца.

– В Гокарну.

Он выпрямился и громко крикнул второму: «В Гокарну!» Высокий посмотрел на меня, на Шанкара и широко улыбнулся из-под усов.

– Что вы будете делать в Гокарне?

Я реально растерялся, услышав этот вопрос. Объяснять ему, да и кому-либо, что меня туда направил индус из Греции потому, что я случайно инициирован в Италии, когда поджег номер гостиницы, я был реально не готов. Да и реак-

ция полицейских могла быть неоднозначной.

– Меня зовет туда дело, которое мне надо завершить.

Он снова выпрямился и крикнул: «Его зовет дело!». Высокий громко хохотнул.

– На сколько дней вы едете в Гокарну?

– Туда и обратно.

– Туда и обратно! – прокричал он в третий раз, и огромный полицейский зашелся веселым смехом.

Маленький засунул голову внутрь машины, несколько раз втянул в себя воздух и снова злобно посмотрел на меня. Удивленный тем, что ничего не почуял, он отломил пару крупных коричневатых бананов и взял самой большой персик из корзины.

– Сидите здесь, я сейчас вернусь, – сурово скомандовал полицейский. Он прошел к своей машине, бросил назад фрукты, и взял оттуда пачку листов, с которой подошел снова ко мне. – Выйдите из машины.

Я покорно вышел и подошел к нему.

– Сэр, вы знаете, что утверждена система контроля за въезжающими на территорию Гокарны? Сообщаю об этом. Сюда все едут «по делам», а дела у всех здесь одинаковы – найти возможность не уезжать. Поэтому нам требуется краткое анкетирование. Прошу заполнить эти анкеты.

Анкетирование затянулось на добрых двадцать минут. Я заполнил графы про место рождения и проживания, переписал из телефона контактные данные всех близких и родных,

включая их возраста и города, все свои биометрические данные и данные страховой компании, если со мной что-то произойдет. Шанкар давно уже ждал меня в машине, о чем-то переговариваясь со стоящим рядом с ним усатым полицейским. Потом я переписал данные автомобиля и ярко-желтого номера, на котором красовалась надпись «В Индии – везде». Только потом я уселся обратно в машину, а маленький что-то громко сказал высокому. И мы поехали дальше.

– Что он сказал на прощание? – спросил я у Шанкара.

– Он сказал, что ты безнадежен, ты мог дать им сто рупий, и мы уже бы были в Гокарне. Это Индия! – он был явно горд за страну.

Еще через километр был стационарный пост, где мы проехали довольно быстро, в отличие от скопившихся автобусов. Шанкар оплатил пошлину за въезд – всего десять рупий, и мы двинулись в центр этого крохотного городка.

Я согласился перекусить после поездки, и он отвез меня в местную, небольшую по меркам Гоа и огромную для этих мест двухэтажную гостиницу. «Здесь вкусно», – было самым лучшей характеристикой от Шанкара. Пришлось поверить. Расшатанные кресла и столики готовы были развалиться в любой момент, но кухня действительно порадовала. Неизменные блюда из даров моря здесь щедро разбавили куриными, как всегда, было много карри и соусов. Несколько островато, но пара глотков холодного Будвайзера смягчила мои вкусовые ощущения. Когда я попросил счет, мне принесли

надорванную в углах книжечку, из которой при открытии выбежали два небольших таракана...

Настал момент, когда мне надо было заняться своей целью, но я совершенно не знал, куда идти. Откинувшись в плетеном кресле, я стал размышлять.

Итак, я в Индии, куда так советовали мне уехать для продолжения пути мои друзья. Чанакья обозначил мне именно этот город, но не сказал, куда именно мне надо попасть. Я попросил найти подробную карту Гокарны у Шанкара, но он только улыбнулся:

– Лучшая карта уже с тобой, сэр. Это Шанкар!

– Тогда скажи мне, куда не ходят туристы, но очень хотят попасть? Где Верхний Храм?

– Сэр хочет увидеть «Ухо Коровы»? – удивленно произнес Шанкар. – Но туда нельзя иностранцам. Но мы же в Индии, а, значит, можно придумать что-то!

Я понял, что мне, скорее всего, именно туда. Мы сели в автомобиль и медленно поехали вглубь городка.

Сначала мы подъехали к довольно большому и приходящему в упадок шиваистскому монастырю. Настолько ужасен был внешний вид стен вокруг. Хотя все здания Индии, которые не украшает шильда с пятью звездами, выглядели, мягко говоря, не очень презентабельно. Жуткие глиняные мазанки со сквозными дырами были ярким подтверждением того, что люди здесь живут точно не строительством и заботой о комфорте. Пляжный отель был реальным раем.

Шанкар быстро выбежал и вернулся через пару минут с какой-то бумагой в руках, он передал ее мне. Завитки санскрита я не мог прочесть и просто держал ее в руках. Мы выехали за территорию, застроенную хоть частично, но жилищем, и двигались в окружении огромных деревьев. Машин почти не было. Количество мужчин и женщин по краям дороги только увеличивалось. Здесь уже было большинство местных, завернутых в разноцветные ткани, половина медленно брела, другая просто сидела или полулежала вдоль дороги. Мы пробирались медленно и верно сквозь нарастающую толпу. Впереди виднелся небольшой паркинг, также заполненный людьми. Среди всех ярко выделялись группы туристов из разных стран. Пара автобусов яркими пятнами украшала стоянку. Шанкар нашел место и припарковался.

– Сэр, пора, – он проговорил это тихо и быстро. – Пора идти.

Я выбрался из машины и, стараясь не потерять моего маленького проводника, двинулся сквозь поток людей. Минут через пять мы вышли к одной из боковых стен, где почти никого не было. За стеной был довольно большой и такой же потрепанный, как и всё вокруг, храмовый комплекс. Шанкар уверенно шел вперед, пока не дошел до чуть заметной узкой двери в стене. Он толкнул ее и вошел сам.

– Нам сюда, – он махнул рукой, и я зашел за ним в теплое сырое помещение.

Пройдя несколько комнат, в которых вдоль стен сидело

довольно много людей, мы вышли в комнатку с углублением в полу и окнами, где вместо решеток был узор в виде свастики. На полу сидела пожилая индианка в сари персикового цвета. Шанкар показал мне глазами на бумагу и на женщину, а сам вышел. Я протянул ей листок. Она очень медленно, как при съемке в рапиде, взяла его и стала рассматривать. Минуты через три она подняла глаза на меня и медленно проговорила:

– Десять рупий, и я отведу тебя.

Я покорно отдал ей купюру. Она встала и двинулась во внутренний двор комплекса. Я шел за ней. Дойдя до куполообразного строения, где не было ни одного человека рядом, она открыла одну из множества дверей в основании этого здания и зашла внутрь. Я снял обувь и вошел за ней. Сама индианка была босой. В обуви вход в храмы Индии запрещен. Пойдя за ней, я увидел несколько лестниц, ведущих на разные уровни. Она подошла к одной из них и указала на нее:

– Тебе сюда, на самый верх.

Я кивнул и пошел по лестнице. Лестница была такая же обветшалая, как и стены комплекса, некоторые ступени отсутствовали, некоторые рассыпавшиеся камни заменены досками, перила были только на первых двух пролетах. Да и сами ступени были разной высоты. Я аккуратно и медленно прошел все. Привычка считать позволила мне определить, что прошел я ровно сто шестьдесят ступеней. Наверху, под самым куполом была небольшая площадка, три на три мет-

ра, неправильной формы. Здесь были каменные перила и небольшое оконце в стене. Свет проникал сквозь многочисленные отверстия в куполе. Напротив окошка в стене, у перил, сидел в позе лотоса древний индус с необычайно худыми руками и ногами, длинными волосами и бородой, в белоснежной одежде. Настолько белой, что глаза немного резало после сумрака лестничных проемов.

В растерянности я смотрел по сторонам. И где моя цель? Я нагнулся к окошку в стене, оно было на уровне моего живота. В глубоком, в несколько метров отверстия, было светло, видимо, архитекторы точно знали свое дело. В самом конце стояла маленькая фигурка Шивы на красном фоне с неизменной подковой позади. Окошко снизу было засыпано мелкими и свежими лепестками цветов. Также я увидел большое количество монеток. Я залез в карман и бросил в окошко несколько, всё, что нашел. Немного разочарованный, я повернулся к выходу и невольно вздрогнул. Прямо передо мной стоял тот самый старик, что сидел на полу. Он был на голову выше меня, что при его худобе выглядело просто ужасно. Казалось, что он раскачивается от одного моего дыхания. Он улыбался и смотрел мне в глаза. По виду ему можно было дать и 80 и все 180 лет. Он что-то бормотал, это было явно не хинди – современный язык Индии. Он положил правую руку мне на грудь и снова стал проговаривать незнакомые мне слова. Потом резко повернулся, присел и вернулся ко мне уже с какой-то белой миской. В ней была зеленова-

тая масса, очень неприятная внешне, а запах выбивал у меня слезы. Он обмакнул указательный палец в эту массу, аккуратно провел мне от середины лба к переносице и очень четко произнес:

– Шива принял имя твое, иди, – после чего сложил ладони в древнем индуистском приветствии, как недавно Чанакья, и поклонился мне.

Поклонившись также в ответ, я еще медленней, чем поднимался, стал спускаться. Полностью разочарованный своим путешествием, я шел вниз и думал, что я делаю не так? Ведь не может всё так странно закончиться. Может, стоит вернуться, спросить? Я остановился и посмотрел вверх. Быстро вернулся на площадку. Старик снова сидел в той же позе, что и в первый раз. Я покашлял – никаких движений.

– Намаете, простите, вы можете мне помочь? – я сложил руки в приветствие. Старик не шевелился и, сколько я ни смотрел, даже не дышал. Осмотрев его, я не нашел и миску. Где он ее прятал, думать не хотелось.

Теперь я спустился вниз до конца. Индианка посмотрела на меня и, также сложив руки в намаете, поклонилась. Она повернулась и проводила меня через двор, сейчас заполненный стадом коров, до выхода к общим воротам, где массово бродили туристы.

Выйдя за ворота, я сразу почувствовал разницу мира, который был скрыт ото всех, с этим, внешним. Там была тишина и покой, здесь же было столпотворение туристов и па-

ломников. Всё это двигалось, шумело и сверкало. Внутри же царило царство размеренности и неторопливости. Даже запахи здесь были другие – отовсюду неслись ароматы благовоний, которые так ценят приезжие в такие места, там, с той стороны ворот, был спокойный запах камня, все пахло покоем и надежностью.

Я увидел небольшой проход в стене храма на выходе и протиснулся в него. Оказавшись в небольшой комнатке, украшенной рисунками Шивы во всех ипостасях и проявлениях, я осмотрелся. К счастью, я был здесь один. Чуть дальше была следующая комната со множеством вытянутых окон. В нее я и перешел. Шум стал значительно тише. Я с интересом рассматривал помещения, которые приоткрывались в окна. Я приблизился максимально близко к одному окну и заглянул вовнутрь. Там была точно такая же картина, как и наверху, на площадке. Я огляделся снова. Никакого старика поблизости не было.

Внимательно рассматривая фигурку Шивы, я пытался понять, почему человечество так настойчиво ищет и находит себе Богов и их воплощения. Передо мной стояла фигура одного из самых плодотворных и ужасных одновременно божеств. Шива был мстителен и созидателен. Я замер, разглядывая его. Изо всех внешних ощущений только было легкое приятное жжение на лбу, там, где помазал меня пахучей жижей старик.

Тут кто-то чувствительно толкнул меня в середину спи-

ны. Толчок был несильный, хотя от неожиданности я чуть было не потерял равновесие, пришлось сделать полшага вперед и опереться о стену. Я инстинктивно обернулся. За мной стоял развязного вида парень. В глаза мне бросились невероятного малинового цвета кроссовки и надвинутая почти на глаза малиновая же панама, из-под которой торчал тонкий острый крючковатый нос. Я уже собрался возмутиться, как заметил в его руках табличку почти такого же невысказанного цвета, а чуть поодаль – группу тихих, жавшихся друг к другу невысоких людей ярко выраженной азиатской внешности с неизменными фотоаппаратами и камерами в руках. Китайцы или японцы. А это, похоже, экскурсовод. Было видно, что азиатам не повезло. С таким и разговаривать не хотелось. Их бесцеремонность – вроде профессиональной психической деформации. А с другой стороны, как им иначе зарабатывать?

Подумав немного и вспомнив мелкого владельца похожего носа в Австралии, у меня возникла фраза для него: «Опять «Крючок» сует свой нос в мои дела!», но я просто еще отступил на шаг и пробурчал ему что-то примирительное. «Остроносый» же наоборот придвинулся ко мне почти вплотную и злобно прошипел по-русски:

– Стоит тут! Неча, неча те тут делать!

Он тут же повернулся к своей группе и зашебетал им что-то. Был ли это другой язык, а, может, что еще, но я был практически уверен, что со мной он говорил совсем другим го-

лосом.

Группа прошуршала мимо меня, я снова остался в одиночестве, но теперь передо мной был только пустой зал с высоким, изукрашенным ярким богатым орнаментом, помостом, впереди на котором возвышался маленький образ Шивы.

Выйдя на площадь перед комплексом, я стал рассматривать окружающих. Вокруг сновали всё те же туристы, непонятного вида бродяги и хорошо, и богато одетые индусы. Я с тоской смотрел вокруг себя, жалея всех вокруг, ведь они не знали и не видели ничего из того, что видел я. Таинственный мир стал для меня раскрываться с таких неожиданных сторон, что я чувствовал – это только начало познания. Я потерял медальон на груди, он ответил мне дружественным теплом. Воспоминания обо всех моих странных видениях плавно соединялись в единую магическую силу чисел и цифр. Всё вокруг было пронизано их действием, геометрия храмов, как ничто другое, подходило для выражения их действия.

Вдруг кто-то дернул меня за рукав. Передо мной стоял Шанкар и радостно улыбался:

– Сэр нашел силы придти! Он не потерялся. Шанкара не надо искать, он сам нашел тебя в толпе, потому, что сэр решил найтись.

Увидев след у меня на лбу, он тоже сложил ладони и очень тихо спросил:

– Ты увидел «Ухо Коровы»?

– Я не знаю, что я увидел, Шанкар, но всё, что я видел и

понял, теперь будет со мной.

Он покорно поклонился еще раз, а я, заметив, что на нас стали обращать внимание, пошел в сторону стоянки автомобилей.

На жаре и от новых эмоций меня стало размаривать. Я залпом выпил две бутылочки теплой воды. Стало немного легче, но сознание немного путалось. Я посмотрел на часы. Было уже без пятнадцати минут пять дня. Скоро закат. В этих широтах темнеет рано и почти всегда в одно время. Сказывается близость экватора.

Шанкар внимательно смотрел на меня и даже не улыбался. Он показал пальцем на свой лоб, на мой и на зеркало:

– Сэр, тебе сейчас нужно видеть солнце и море!

Я выпрямился и посмотрел в маленькое зеркальце салона. На меня смотрел измученный человек с лицом серого оттенка и ярко красной-полосой на лбу. Я потер лоб, понюхал пальцы, но никаких следов мази, которой меня мазал старик не осталось.

Он завел машину и медленно поехал по очень извилистой горной дороге. Через двадцать минут мы остановились. Шанкар взял корзину с фруктами, оставшуюся воду и повел меня узкой тропой. Мы прошли не менее полутора километров, пока не вышли на местный пляж, который являлся местной достопримечательностью и назывался по своей форме – «Ом Бич». Благодаря своей чудной природной форме он дал название улице, нескольким мелким кафе и отелям по всей

округе. Пляж действительно имел такую форму, в виде знака Q. Недалеко, взяв пару шезлонгов в соседнем кафе, меня ждал Шанкар и свежие фрукты.

Он поставил кресла в сторону воды так, чтобы ничто не мешало мне смотреть на это почти театральное действие.

– Сэр хочет искупаться, сейчас он точно этого хочет. Шанкар будет ждать и смотреть на вещи. Сэр может плавать спокойно, – не меньше ста раз кивнув головой, проговорил мой маленький помощник.

Я не удержался и быстро окунулся в приятную теплую воду.

Впереди, на небольшом островке этой бухты, как по волшебству, стали появляться коровы, которые медленно заполняли этот островок, поворачиваясь мордами к заходящему солнцу. Вокруг нас, слева и справа, стали собираться люди. В точке, где небо соединялось с водой, на горизонте, небо было золотого оттенка, плавно переходившего в темно-синий, а потом в черный цвет. Белый песок до воды тоже окрасился в золотой цвет. Вода же казалась цвета ртути, только легкая рябь бросала много мелких золотых отблесков. На всей протяженности пляжа стояли и сидели люди. На острове стояли коровы. Все смотрели на закат. Когда огромный красный шар, наша горячая звезда – Солнце, почти коснулось уровня горизонта, всё вокруг вдруг замолчало. Я даже привстал со своего места. Замолчали люди, птицы. Коровы тоже смотрели на закат.

Глава 16

Солнечный диск коснулся линии раздела двух стихий. По пляжу будто прошла легкая волна. Кто-то вздохнул, кто-то начал чуть громче произносить мантры, с десятков звонких детских голосков, вторя друг другу, как эхо, отметили это, как необыкновенное событие. Но оно и было необыкновенным. На короткое время незыблемость разделения стихий пошатнулась. То, что целый день принадлежало одному миру, переходило в другой, день готовился перейти в ночь, свет – во тьму...

Это медленное движение, фантастические переливы красок на горизонте, хаос звуков, упорядоченный мерным шорохом набегающей и уходящей назад воды, ввели меня в состояние, похожее на транс. Мне даже не пришлось никак помогать себе. Картина впереди утратила ясность очертаний, звуки вокруг меня слились в монотонную мелодию. Почти гул. Только два голоса я выделялись своей четкостью. Собеседники, наверное, сидели прямо за моей спиной. Странно, я понимал эту речь, хотя не знал, на каком языке они говорят. Предмет их беседы был так далек от меня, что я не чувствовал даже легкой неловкости, которая часто возникает, если невольно слышишь разговор, не предназначенный для твоих ушей. В другой раз я бы постарался дать понять, что стал невольным слушателем, обернулся бы или ушел, но сейчас

не чувствовал в этом необходимости. Да и неизвестно, смог бы я сейчас вообще пошевелиться.

– Всё состоит из противоположностей, они порождают друг друга и порождают единство. Ты уже познал такие простые вещи? Путь вопросов правилен, но не всегда приводит к ответам.

Голос, произносивший это, был мужским, но больше про него, пожалуй, нечего было сказать. Не высокий, не низкий, не громкий, не тихий. Стоило ему зазвучать, казалось, что он звучал всегда, когда же он замолкал, невозможно было даже представить, что сейчас кто-то говорил. Он проникал в голову – во всё тело – минуя уши. Он был разлит в пространстве, как свет заката и теплое дыхание океана. Он будто бы и не принадлежал существу из плоти и крови. И говорил он медленно и певуче, явно требуя повышенного внимания к себе, хотя знал, что не может быть не услышанным.

А вот его собеседник был вполне материален. Это был, несомненно, молодой человек, порывистый и увлеченный. Он пытался быть почтительным, но сквозь почтительность то и дело прорывалась горячность и неподдельный интерес.

– Но скажи – ведь есть сущность, в которой нельзя выделить иных составляющих! – молодой голос был напористым и чистым. – Как можно знать, что есть день, если нет ночи? Как можно знать, что есть свет, если нет тьмы? Что есть чёт, если нет нечёта?

– Такая сущность есть. Но ответ сначала, что позво-

ляет тебе предполагать ее существование?

– Такая сущность должна существовать, потому что существует Единица. Единица стоит особняком в ряду чисел. Единица порождает другие числа, растворяясь в них и теряя свою первую сущность. Есть числа, которые повторяют свойство Единицы делиться на само себя. Я назвал их совершенными числами. Но сущность совершенных чисел пока скрыта от меня. Единица не чётна и не нечётна. Это свойства числа, но я верю, что числа отражают законы мироздания. Я верю, что в числах нам дан замысел творения. Что, если познать числа, можно познать сущность мироздания! – молодой собеседник горячо отстаивал свою позицию.

– Твои мысли глубоки и правильны. Боги говорят с людьми на языке математики, на языке чисел. Но скажи мне, что ты знаешь о Единице? – звук голоса в этот момент совсем стал материальным, и воздух вибрировал от него. – Единица несет в себе все числа. Она порождает их. Она пронизывает все вещи, не находясь ни в одной из них. Она представляет собой сумму всех чисел, но Единица – всегда есть неделимое целое.

Но и это не всё. Единица стоит особняком в ряду чисел – но она есть число. И мир чисел немислим без Единицы. Без нее ряд чисел – это просто ряд, который не может претендовать на полноту.

Посмотри на океан. Возьми одну каплю воды. В ней во-

площени свойства всего океана. Но ты уже забрал ее – и океан стал другим. Эта капля – как и каждая другая – создавала его полноту; давала ему его сущность.

Я судорожно вспомнил свое странное состояние, когда я сам был одновременно и каплей, и всей водой мира. Мне было страшно тогда и спокойно одновременно. Мир и Вселенная замерли, глядя на меня, а я смотрел на них... Чтобы сбросить это наваждение, пришлось себя ущипнуть за ногу. Разговор позади меня продолжался. Голос, сотрясающий мое восприятие; продолжал:

– Представь себе Вселенную, попробуй вобрать ее в себя. Она отобразится в тебе, в твоём сознании. Что есть твоё сознание? Можешь ли ты объяснить? А ведь оно несет в себе Вселенную. А теперь подумай. Идея Вселенной была в тебе всегда. Когда ты был мал, и в восторге смотрел на синее небо и облака, ты уже носил ее в себе. Ты не мог этого объяснить – и ты это знал. Почему? Потому что ты такая же неотъемлемая ее часть, как капля воды в океане, как Единица.

Что-то в этом роде я уже слышал, и совсем недавно. О том, что есть, и что нельзя объяснить...

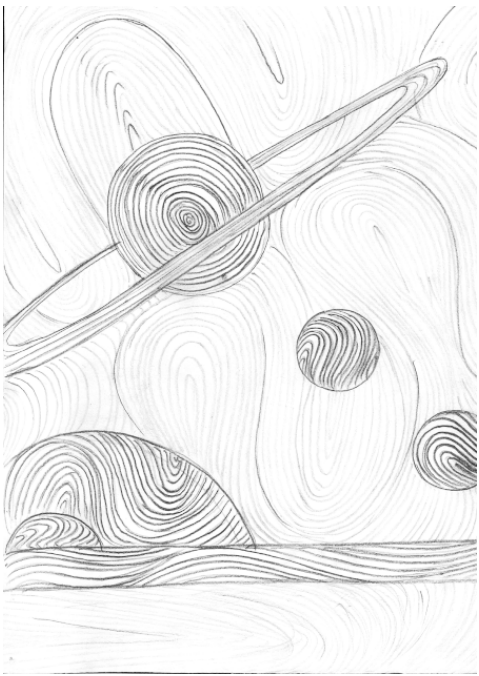
– Есть сущность, вмещающая в себя всю полноту бытия. Мы называем это Атман. Он невыразим, это великая сила, сосредоточенная в центре Вселенной и контролирующая движение планет вокруг себя. Ее нельзя вообразить, помыслить, ощутить, но она управляет всем. Она называется

также зачаточным разумом, потому что является началом всех мыслей во Вселенной. Абсолютная непознаваемая пустота, хаос, прародина всех богов и явленного мира. Она не есть ничто из этого, и она вмещает всё. Эта сущность неисчерпаема и одновременно бесконечно проста.

– Единица, вмещающая в себя бесконечность, – пробормотал молодой голос. – Ты назвал это Атман. Боюсь, это слово не примут мои соотечественники. Мне кажется, в нашем языке есть слово, которое подходит для выражения этой сущности. Это Монада – то есть простая сущность – или еще Единица.

– Пока языки различны, люди будут находить разные слова для одних и тех же вещей.

– Да, я понял тебя! – в голосе молодого собеседника звучал восторг.

*Вещь, не существующая без слова, которое ее называет.
Вещь, существующая вне слова, которое ее называет. Да
это же вещь в себе! Что, что это за люди разговаривают
за моей спиной? Почему все вокруг меня заговаривают об од-
ном и том же?*

Я попытался повернуть голову; но не смог.

– Монада, – повторял молодой голос. – Вечная и совершенная сущность. Заполненная до краев пустота. Но ска-

эжи, что тогда этот мир, который мы видим и осязаем? Что есть творение, если всё было всегда?

– Творение – процесс изменения ткани единой сущности, единой субстанции. Изменения в пространстве и времени. Великий Шива начинает свой Тандава-нритья – он приводит сущность в движение, создает законы, по которым следует ее развитие. Это же происходит с числами, порожденными Единицей и вышедшими за ее пределы. Числа организуются так же, как организуются мир с течением времени. Они подчиняются законам, которые сложны и неисчерпаемы.

– И постигая эти законы, мы приближаемся к постижению тайны мироздания?

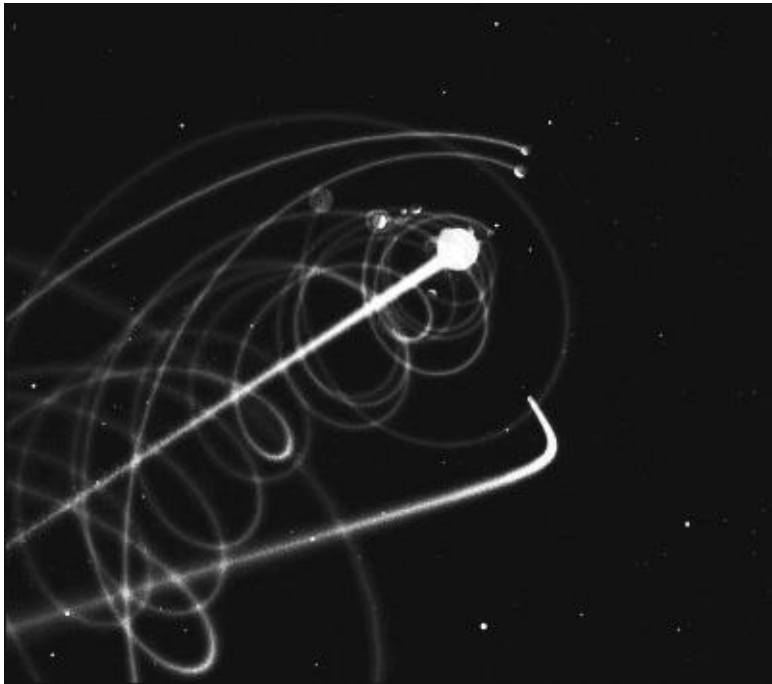
– Ты так сказал.

– Но скажи, что значит, что мир организуются с течением времени. Значит ли это, что всё вновь воплотится в Монаду?

– Это значит, что мир пройдет через точку...

«Точку сингулярности», – уже продолжило мое сознание.

Я наконец-то обернулся. В радиусе метров пятидесяти позади меня не было ни одной живой души. И никакого следа на песке.

Сингулярность! Точка совмещения конца и начала, где всё начинается и заканчивается, где есть всё и нет ничего – одновременно. Я сидел и слушал. Это была какофония, составленная из окружающих меня звуков. Видимо, так звучит музыка сфер. Я думал. Передо мной пролетали огромные расстояния. Вот я сижу в этой точке на земле. Мои размеры относительно вон той горы незначительны, но различимы. Мой размер относительно Земли еще более не суще-

ственный. Далее: Солнечная система – Галактика – Вселенная. Всё сущее от большого взрыва до края. И вот я – точка, умноженная на 10 в минус 31 степени на задворках Вселенной, могу осознать, представить себе, дать этому оценку, сколь угодно малую, но всё же оценку. Могу уместить все эти бесконечные миллиарды световых лет в одном импульсе нейронной связи в моем мозге. И в любой момент времени могу развернуть это переживание на макроуровень. Это и есть тот феномен Сингулярности о котором говорил Хокинг. Но мне не понадобилось прикладывать, искривлять гравитационные силы чтобы проделать этот эксперимент.

Подобный переход возможен и повторяется бесчисленное количество раз в голове каждого человека... Я невольно, через силу вскочил. Так я же видел именно ее – точку. Именно в ней я и был, и не был... То пограничное состояние между жизнью и смертью и было моей личной сингулярностью. Эта мысль была так проста и понятна теперь, что я смог понять произошедшее со мной и слова Панкратоса об этом. Я побывал там, видел и ощущал то, о чем нет возможности рассказать словами. Нет таких слов. Сингулярность. Бесконечность. Единица. Я и был той самой Единицей, про которую говорил «сотрясающий воздух» голос, и сумел осознать это только сейчас! Вот зачем я в Индии! В Гокарне! На красивейшем пляже. Вот, что с древних времен здесь называют реинкарнацией – бесконечное возрождение – прохождение этой самой точки каждой бессмертной душой, сущностью. А

мне повезло возродиться в собственном теле. Вот что приветствовал Ча-накья во мне, но тогда смысл был скрыт от меня.

Я устало и обессилено сел обратно и снова взгляделся в закат.

Тонкая полоска, в которую превратился солнечный диск, исчезла, и горизонт вновь превратился в ничем не потревоженную линию раздела. Только сменились цвета. Кто-то некстати аплодировал, кто-то приветствовал новое превращение картины перед глазами радостными криками...

Пляж быстро пустел. Темнеет быстро, а нужно было еще прошагать с полтора километра до дороги. Я повернулся – и понял, что еле держусь на ногах. Меня испугало не столько ощущение внезапной слабости, сколько его непонятное происхождение. Впечатления этого дня были утомительны, но не до такой же степени. Но теперь у меня появилась простая и понятная цель – дойти до машины. И я побрел по песку, с трудом переставляя ноги.

Я точно знал, что мне надо ехать. Ко мне подбегали мужчины и женщины и все задавали один вопрос: «Ты уезжаешь?» Многие кричали издали: «Останься!» Ноя уже сделал выбор. Слово – кремень, мой выбор – гранит, и ничто, и никто не сможет его сломать или изменить. Шанкар подхватил меня под руку и повел к машине. Позже, когда уже сидел в машине, я видел, что мы несемся по дороге со скоростью болида «Формулы 1». Пытался предупредить моего

маленького индуса об опасности разгоняться так быстро на таких узких дорогах, но мои слова просто сдувало в окно. С обидой я смотрел им вслед. И они летели за нами. Не догоняя, но и не отставая от машины.

Путь до отеля мне показался столь быстрым, что я держался за ручку над дверью, приподнимая ноги на крутых поворотах, боясь, что мне их прищемит передним сиденьем.

Глава 17

Когда мы подъехали к знакомому крыльцу «Рамады», я выбежал из салона и встал сзади машины, чтобы собрать все свои слова, упущенные по дороге. Если они потеряются, то мне нечем будет выражать свои чувства. Так я и стоял, пока не подошел мой давний знакомый – некрасивый обаятельный совладелец отеля. Сейчас он был необыкновенно хорош собой. Его слегка отталкивающая внешность как будто бы исчезла. Я внимательно разглядывал его лицо.

– Несмотря на поздний час, сэр нашел силы вернуться? – весь его вид снова выражал крайнее дружелюбие и приветливость.

– Я пока не вернулся, я только подъехал сюда...

– Сэр может подъезжать к нам любое количество раз, но именно сегодня тот день, когда гостя, посетившего Карнатаку, мы встречаем особенно торжественно. Я уверен, что сэра несколько проголодался в пути, мы его покормим, как лучшего гостя, – он сделал пару жестов за моей спиной, и Шанкар растворился в ночи, а пара портье стала рядом со мной, чтобы проводить до любой точки.

– Дружище, может мне пора просто искупаться? – меня просто распирала жажда деятельности и накопленная энергия.

Мой хозяин громко поцокал языком, покачав головой в

стороны, заглянул мне в глаза и взял меня под руку. Он отвел на ту же самую веранду, где я был в день приезда. Он налил мне в высокий стакан ледяного ласси и сел напротив меня.

– Как сэр съездил в Гокарну? Всё ли он успел сделать? – несколько лукаво спросил он.

– Вроде неплохо, – я пытался собрать всю волю в кулак, но вместо этого просто икнул. – Но что-то пошло не так.

Я схватил стакан и тремя глотками выпил до дна. Открыв глаза, я понял, что не сплю и действительно приехал обратно. Ко мне медленно возвращалось ощущение реальности. Ясно было одно, в мази старика были очень хитрые компоненты, которые сейчас активно боролись с моим разумом.

Сидящий напротив совладелец отеля легко улыбался. Он долго молчал, пока не понял, что я готов отвечать и вообще поддерживать разговор.

– Я позволил себе заказать небольшой поздний ужин. Думаю, что сэр не будет против, когда узнает, что это за счет отеля?

– Я так хочу есть, что и за свой счет не буду против, – еще плохо проворачивая мысли в голове, промямлил я.

– Вот и хорошо, – он было само обаяние.

После небольшой паузы он спросил:

– Простите, могу ли я узнать, чем вы занимаетесь? Вы так серьезно отнеслись к поездке в Гокарну.

Наконец-то почувствовав, что могу говорить и дышать, как нормальный человек, потому что я и есть – нормальный

человек, я сел ровно в ротанговом кресле и ответил:

– Я археолог.

– Быть может, вы хотите рассказать о чем-то из сегодняшней поездки?

Рассказать! Вот что мне сейчас было нужно – поговорить, хотя бы в общих чертах, обо всех сегодняшних впечатлениях. Только вот с чего бы начать...

– Я был бы признателен, если бы вы согласились меня выслушать! Правда, я не знаю, о чем именно. День был... насыщенный.

– А вы скажите первое, что придет в голову. А там – как пойдет.

– Вот это мудро. Тогда я, пожалуй, скажу, что если постичь природу цифр, можно постичь тайну творения.

Я и сам удивился, как это из меня вылетели такие слова. Мой собеседник посмотрел на меня с особенным вниманием, но ответил спокойно и рассудительно:

– Ну, с этим трудно спорить. Сейчас все меньше остается областей знания, где бы не использовалась математика. Взять хотя бы расшифровку генома человека. Что бы можно было сделать без математики и вычислительной техники.

– Да-да! Числа могут рассказать и о тайнах человеческой души, и о движении светил!

– Это точно, – голос хозяина звучал ласково, он разговаривал со мной, как с ребенком... или психом. – Например, Леверье открыл планету Нептун, как говорится, на кончике

пера. Это любой школьник знает.

– Леверье?

– Ну, да. Урбен Жан Жозеф Леверье. Француз. Он проделал вычисления, чтобы объяснить несоответствие между наблюдаемой орбитой Урана и той, которая должна быть согласно законам Кеплера и Ньютона. И высказал предположение, что они могут быть вызваны влиянием еще одного небесного тела в этой области. Еще в 19-м веке. Вы разве не знали?

Удивительно, какие вещи узнаешь от людей, которые вроде бы и не должны были знать ничего такого.

Однако хозяин, кажется, немного смутился из-за своей последней фразы. Он поспешил перевести разговор на другую тему.

– Признаться, я думал, вы расскажете мне, какие вы видели любопытные артефакты. Вы же, наверное, должны интересоваться материальными свидетельствами старины. Посуда, утварь... Книги...

Я посмотрел на него внимательно, вспомнив свое недавнее «общение» с книгой. Нет, он не мог знать. Невозможно. Моментально мне вспомнились последние видения. Я медленно проговорил:

– Боюсь, что археологи не так уж и много работают с книгами. Книга – слишком хрупкий предмет. Книги читают... переписывают. Книги одних народов читают и переписывают мудрецы из других народов. Аль Хорезми читал и пере-

писывал книги индийских ученых. А потом его книги прочитал великий математик Леонардо Фибоначчи. А про книги индийских ученых почти ничего не известно...

– Ну, что-то всё же известно, – улыбнулся мой собеседник.

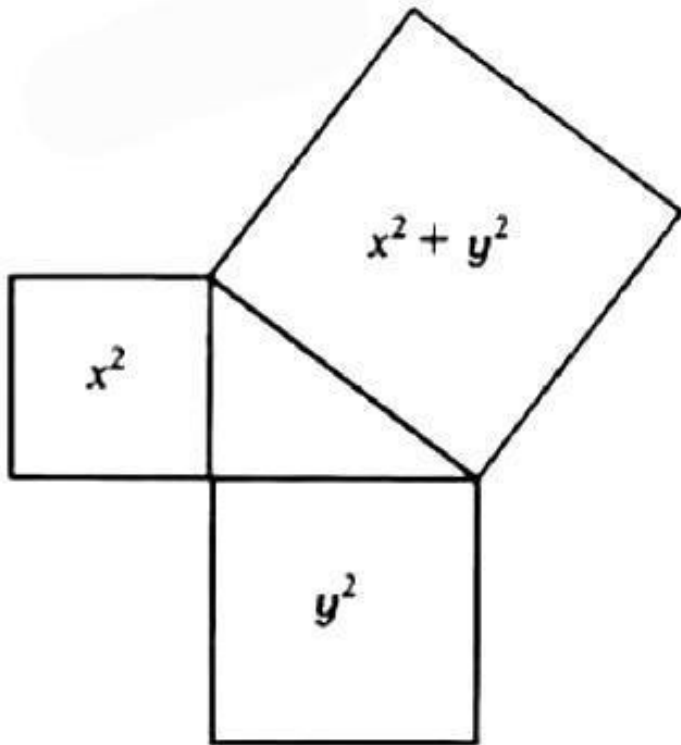
– Вы сможете мне о них рассказать?

– А вам это действительно интересно?

– Да.

– Тогда смотрите.

Этот явно не нищий человек, оказавшийся теперь таким простым в общении, и по совместительству – бывший московский студент, вопреки всем правилам поведения с гостями, сидел со мной за столом. Он достал из кармана дорогой Молескин-блокнот и карандаш. Тщательно отогнул страницу с пометками – там были номера и какие-то короткие записи, видимо жалобы или напоминания для посетителей, с таким видом, будто эти записи были недостойны того, что он намеревался изобразить, и нарисовал десятью или одиннадцатью штрихами на белом листке схему.

□

– Как ты думаешь, что это?

Прежде всего я подумал, как хорошо, что он перешел на «ты». Потом подумал по существу вопроса и сказал:

– Это похоже на теорему Пифагора.

– А как ты думаешь, кто нарисовал эту схему?

– Ну, не знаю. А кто?

– Катьяяна. И было это во втором веке до новой эры. А еще этот великий муж был грамматиком, совершенствовал санскрит, вслед за другим великим грамматиком Панини. А еще ребенком он отличался такой памятью и способностями, что мог наизусть повторить целую драму, виденную им в театре.

Вот как звучит выведенный им закон: «Веревка, натянутая вдоль диагонали, и по длине равная диагонали прямоугольника образует фигуру той же площади, что и образованная горизонтальной и вертикальной сторонами».

– Это написано в какой-то вашей древней книге?

– Это «Шульба-сутра», раздел «Веданг». Считается, что эти тексты написаны в 800–600 годах до нашей эры. Хотя, кто знает? Может быть, это первый в мире строительный стандарт.

– Строительный?

– Ну, да. В сущности, это книга, описывающая строительство алтарей. Боги почему-то никогда не строили алтари. Это делали за них люди, – и он опять радостно рассмеялся. – Такие, как я. Я же строитель.

В «Шульба-сутре⁹» описаны формулы, например, чтобы

⁹ Шульба-сутра – значительное место занимает преобразование прямоугольника в квадрат, которое равносильно решению квадратного уравнения $x^2=av$. Проводится сравнение этого преобразования, сделанного авторами редакций «Шульба-сутр» и Евклидом в «Началах», и показывается, что и там, и здесь данное преобразование производится в два этапа, при этом на первом – прodelьваются идентичные действия. Приводятся и другие аналогии между индийской и грече-

преобразовать одну фигуру в другую. И ваша теорема Пифагора там есть. Сначала она звучала проще: Веревка (шурьба), натянутая по диагонали квадрата, образует фигуру вдвое большей площади, чем исходный квадрат. В таком виде ее написал Бодхайяна. Но про этого мудреца я совсем ничего не знаю – кроме того знания, которое он оставил потомкам.

В те незапамятные времена люди чувствовали красоту арифметики и геометрии. С самого начала им стало понятно, что все фигуры делятся на криволинейные и прямолинейные, а прямоугольные треугольники быстро заняли привилегированное место среди прочих фигур. Два прямоугольных треугольника можно получить, если разделить прямоугольник пополам его диагональю. Привилегированное место в арифметике заняли натуральные числа, которые использовались при счете. В какой-то момент стало понятно, что можно строить прямоугольные треугольники, длины всех сторон которых выражены целыми числами. Открытие равенства суммы квадратов катетов и квадрата гипотенузы было особенным.

Я с необыкновенным вниманием слушал его рассказ, сов-

ской математикой (правило, которое в современных терминах имеет вид $(a+x)^2 = a^2 + 2ax + x^2$; сходство задач, решаемых в древней Индии и античной Греции; инструменты, которыми пользовались при построении: циркуль и линейка, роль которых в древней Индии играла веревка, закрепленная с одного конца, либо с отмеченными узлами в двух местах; теорема Пифагора и др.). На основе перечисленных аналогий делается вывод, что такое количество совпадений не может быть случайным.

падения в истории развития математики разных стран стали «ложиться» друг на друга, дополняя ранее услышанное мной. Мне почему-то вздумалось слегка «подколоть» моего собеседника, я вспомнил все свои скромные познания о науках в Индии и спросил:

– Так ведь Веды – Апаурушея. То есть несотворённые человеком, вечные богооткровенные писания.

Он весело улыбнулся.

– Так боги и книг не писали. А откровения даны через святых мудрецов. А мудрецы-математики, которые проникли в тайну фигуры и числа, разве они недостойны святости?

– Аты как думаешь, они... допустим, слышали какой-то голос? Или просто додумались?

– Просто додуматься совсем не просто. Что это значит – додуматься? Только что ты не знал, а теперь знаешь? А что помогло тебе совершить этот переход? А, может, кто?

Он поставил меня снова в тупик своими вопросами. Я снова стал искать признаки того, что он действительно знает всё, что мне пришлось пережить за последнее время. Ничего на это не указывало. Да и его я точно видел впервые в жизни. Я решился на вопрос:

– Что же получается? Мы постоянно переживаем откровения, и сами не замечаем этого?

– Ты так сказал, – ответил мой собеседник неожиданно строгим голосом. – Но ведь и не все же. Сколько было за всю историю ученых, поэтов, философов? А сколько людей?

Откровение не всякому дается.

– Нужно быть избранным, значит?

– Ты так сказал.

Мне захотелось срочно перевести разговор на другую тему, и я спросил:

– А кто придумал цифры? Те, которыми мы теперь пользуемся.

– Кто знает? – подмигнул мне мой собеседник. – Цифры пришли к нам из санскрита, а санскрит, как ты, конечно, знаешь, божественный язык.

Мой неожиданный гуру продолжал:

– Это была развитая система, в нее входили специальные символы для чисел, кратных десяти и ста, а также для значений второго десятка. А вот это может быть тебе как русскому особенно интересно, – и он начал рисовать что-то в блокноте. Это была таблица цифр.

Современные цифры	Арабские цифры	Индийские цифры
0	۰	०
1	۱	१
2	۲	२
3	۳	३
4	۴	४
5	۵	५
6	۶	६
7	۷	७
8	۸	८
9	۹	९

А вот как они называются:

1 -	Ека —	eka -	Один
2 -	Два -	dva -	Два
3 -	Три -	tri -	Три
4 -	Чатура -	catura	Четыре
5 -	Панча -	pañcha -	Пять
6 -	Шаш -	śās -	Шесть
7 -	Сапта -	saptá -	Семь
8 -	Аста -	astá -	Восемь
9 -	Наван, нанва -	navan, nanva —	Девять
10 -	Даша -	daśa -	Десять

– А можно ли представить себе, что прежде в Индии была шестидесятеричная система счисления! Так что это была самая настоящая революция.

Прорыв. Полное обновление.

– Названия цифр действительно похожи во многих языках, – сказал я. – Безусловно.

– А вот еще, – продолжил он:

0 -	Шунья -	śūnya -	Ноль
100 -	Шат -	śāt -	Сто
20 -	Дви-цати -	vi-çati -	Двадцать

Я подумал, что только восьмерка заметно не похожа на

свой первоисточник из языка священных Вед. Мне сразу вспомнилась Кадуцея Гермеса, которая отобразилась в восьмерке – огдоаде Мудреца, и лежащую на боку восьмерку – символ бесконечности. «А древние индусы знали бесконечность?» – подумал я, но не успел сказать вслух, потому что рассказ продолжался.

– Последователи этих великих ученых находятся уже в нашем веке. В пятом-шестом веке Ариабхата написал свой труд «Ариабхатию». Историки считают, что он сделал это, когда ему было всего 23 года. Наверное, многое в этой книге – изложение более ранних результатов, но это не делает ее менее ценной. В этой книге 123 стиха, и в ней есть 33 правила по арифметике, алгебре и тригонометрии на плоскости. Семнадцать правил посвящены геометрии, 11 – арифметике и алгебре. Трактат включает также таблицу синусов. Кстати, Ариабхата считал, что Земля – это вращающаяся сфера. Примерно на тысячу лет раньше вашего Коперника.

– Ну, положим, гелиоцентрическую систему создал еще Аристарх Самосский, за 200 лет до нашей эры, – обиделся я за нашего Коперника и европейскую науку. – Хотя, конечно, это знание на долгие годы было забыто.

– Да наши тоже были хороши, – примирительно сказал хозяин. – Вот, например, Брахмагупта считал, что голова дракона Раху, желая отомстить Солнцу и Луне, иногда проглатывает их, вызывая таким образом солнечные и лунные затмения. А ведь умнейший был человек, тоже великий мате-

матик. Впрочем, он считал, что Земля имеет сферическую форму, хотя и полагал ее неподвижной. Брахмагупта еще дал определение нуля как результат вычитания из числа самого числа. Он одним из первых установил правила арифметических операций над положительными и отрицательными числами и нулём, рассматривая при этом положительные числа как имущество, а отрицательные числа как долг. Далее Брахмагупта пытался расширить арифметику, дав определение деления на ноль. Согласно Брахмагупте, деление нуля на ноль есть ноль; деление положительного или отрицательного числа на ноль есть дробь с нулём в знаменателе; деление нуля на положительное или отрицательное число есть ноль.

Все свои пояснения мой собеседник активно зарисовывал в блокнот, а также активно помогал себе жестами рук и кивками головы. Уверен, что со стороны казалось, что так увлекательно он мне рассказывает какой-то фильм или спектакль. И это было близко к истине. Он продолжал:

– Брахмагупта предложил три метода умножения многозначных чисел в столбик (основной и два упрощённых), которые близки к тем, что используются в настоящее время.

А еще Брахмагупта предложил интерполяционную формулу второго порядка, являющуюся частным случаем выведенной более чем через 1000 лет интерполяционной формулы Ньютона – Стирлинга...

– Ну, этого я уже совсем не понимаю, последние достижения для меня – сложноваты, – прервал я его. – Но и этого

предостаточно. А я-то думал, что столько знаю об Индии. А мои знания оказались кособоки.

– Знания каждого человека кособоки. Нельзя же объять необъятное. Кто сказал?

– Козьма Прутков, – машинально ответил я, и только потом изумился. – А ведь пять лет в России, кажется, не прошли даром.

– Это были прекрасные годы, прекрасные. Я полюбил вашу страну.

«Ну вот, историческая сказка кончилась. Я гость и «Вы». Как всё быстро кончается», – подумал я.

Лекция о древних математиках казалась образцом академизма по сравнению с моими видениями. Нет, в ней, конечно, что-то было... но сейчас мозг был совершенно не готов воспринимать это.

Глава 18

Неожиданно, я опять услышал разговор за своей спиной. Обернувшись в сторону недавней соседней терраски, я увидел, что она радикально перестроена, и у нее появились стены. Да и само наполнение было другим. Сейчас это был небольшой зал приемов почетных гостей. Говорившие голоса показались мне знакомыми, я встал и подошел к ограде своей террасы, чтобы рассмотреть говоривших.

Одного собеседника мне было видно хорошо. Мой знакомый уже Мудрец и Мыслитель, одетый не по-здешнему, стоял ко мне боком перед высоким престолом, изукрашенным ярким богатым красно-золотым орнаментом. Его собеседник или собеседники были скрыты от меня, и я даже не мог определить по голосу, один он или нет.

– Нам расскажи теперь, что ты узнал у мудрецов Страны Большого Ха пи?

– О, это великое знание! Они открыли мне тайный смысл чисел.

– Расскажи теперь и то, в чем он заключается.

– Ряд натуральных чисел возглавляет Единица, хотя Ноль предшествует ей. Приоритет Единицы в том, что она активное начало, а Ноль – пассивное. Ноль не принимает участия в последовательном дроблении чисел по количеству единиц 1, 2, 3, 4... и все за ними, потому что число пред-

ставляет собой множество, составленное из единиц. Единица – это организатор Мира Проявленного, структурированного, упорядоченного. Единица участвует в создании линейных чисел – самых простых чисел, которые делятся только на единицу и на самих себя и вследствие этого могут быть изображены в виде линии, составленной из последовательно расположенных точек. Единица – точка на прямой, начало жизни, прямая же не имеет на начала, ни конца, это одномерная бесконечность.

Единица не может быть раздроблена, она не является ни четной, ни нечетной. Это проявление мужского начала жизни.

Но стоит поставить на бесконечной, единой, целокупной прямой две точки, как появляется отрезок. Это акт разделения, рассечения, ограничения. Окончание бесконечности, смерть.

Разделение, дробление Единого Целого – это история бога Озириса, злодейски убитого и разрезанного на части коварным братом его Сетом.

Сестра-супруга Озириса богиня Изиды искала по всему миру останки любимого. Найдя, составила члены в прежнем порядке и властью волшебной магии оживила Озириса, ставшего правителем Царства мертвых...

Числовое значение Сета – убийцы Озириса – Два.

Двойка задает плоские числа – числа, которые могут быть изображены и представлены в виде произведения двух

сомножителей. С двойки начинается четность, с двойки числа разделяются на нечетные и четные», божественные и земные. Это начало противоположений, дисгармонии или матери, начало зла.

Но у двойки есть и другая, хорошая сторона, это порождение полюсов, противоположных Начал, способных не только к отчуждению, но и взаимному тяготению, а, в конечном счете – к любви, производительнице универсального способа соединения, синтеза, выраженного числом Три.

Третья точка находится вне отрезка на равном расстоянии от первых двух точек. Тогда при наведении «мостов» к крайним точкам отрезка получается равносторонний треугольник, замкнутая двумерная фигура на плоскости. Тройка знаменует выход из одномерности в плоскость, двумерность.

Прямоугольный треугольник со сторонами «3, 4, 5» – это главная троица богов Египта: Изиды, Озирис, Гор. Так говорят жрецы. Три – число богини Изиды, а треугольник – Ее эмблема.

А еще три дает начало телесным числам – числам, которые могут быть выражены произведением трех сомножителей.

Первые числа – Один, Два, Три – ведут дальше – к великой Четверке. Четверка знаменует выход из плоскости. Если konstruировать следующую фигуру по аналогии с тройкой, все точки должны быть равноудаленными друг от дру-

га. Для этого необходимо выйти в третье измерение, надо поднять четвертую точку над плоскостью треугольника. Объемная фигура, образуемая таким способом, – пирамида на треугольном «подножии» – Тетраэдр – правильный многогранник, принадлежит к телесному миру.

Вот доказательство трехмерной телесности Четырех!

Четыре; или Тетрада, или Тетрактис – это Дух, Психическая энергия, Мысль, Огонь, Свет – разные термины единого Божественного Начала, управляющего эволюцией материи.

Тетрактис дает начало мистической декаде $1+2+3+4=10$. Это формула обозначает, что Единица – это безличный принцип Бога; Двойка – это материя; Тройка объединяет монаду и дуаду и принимает участие в природе обеих, образуя феноменальный мир; Тетрада, как форма совершенства, отражает пустоту всего; и, наконец, Декада есть сумма всего и включает в себя Космос.

– Это знание предков. Расскажи, чего достиг ты сам.

– Я всматривался в числа, пытался постичь их скрытую суть, и нашел много чудесных закономерностей. Я обнаружил, что есть числа, которые отличаются равенством суммы делителей их с самими числами.

Вот так $6=1+2+3$ или $28=1+2+4+7+14$

Сумма всех чисел, на которое делится изначальное число без остатка, равна самому числу.

Я назвал эти числа совершенными. Это чрезвычайно ред-

кие числа: среди первых десяти тысяч чисел натурального ряда – всего четыре совершенных числа. Кроме указанных – 496 и 8128.

Вот какую закономерность чисел от единицы до девяти я обнаружил.

Все это говорит о том, что числа обладают глубокой внутренней гармонией. Если упорно трудиться, можно узнать эту гармонию, выразить ее словами или символами. Но в чем ее скрытый смысл?

– И это привело тебя сюда?

– Да. Скажи, могу ли я узнать этот смысл? Что я должен для этого сделать?

– Можешь. Ты многого достиг и достоин знания. Но прежде чем ты пройдешь процедуру посвящения, ответь: как ты намерен употребить знание?

– Я вернусь в Грецию, создам школу, чтобы делиться знаниями с людьми.

– Школа необходима. Настоящая наука не существует без школы. Без того, чтобы искать адептов, делиться с ним своим сокровищем, развивать и преумножать его. Но ты сказал, что собираешься делиться знаниями с людьми. Кто те люди?

– Мои соотечественники, греки. Мой народ велик и прекрасен. Наши суда быстроходны, наши храмы величественны, наши воины могучи. Я прослаблю свой народ великим знанием.

– Эти слова делают тебе честь. Но ты еще очень молод. Уходи, и возвращайся, когда лучше узнаешь людей.

– Не прогоняй меня! Я проделал долгий путь. Я готов распорядиться знанием, как ты прикажешь!

– Твое рвение к знанию похвально. Ты дашь клятву – и ты будешь требовать клятву с каждого, кто захочет приблизиться к знанию. Твои адепты будут давать обет молчания. Им и только им будет разрешено постигать знание. Я прозреваю все. Я прозреваю и твою судьбу. Жизнь покажет тебе истинные лица людей. Мы не имеем права на оплошности – для их же блага. Я прозреваю многие беды, которые принесет знание, попавшее к тем, кто не готов к его принятию, для кого оно не предназначено.

Впрочем, у тебя еще есть выбор. Ты можешь уйти и получать знания теми путями, что даны человечеству в твоё время. Ты сможешь постичь многое – но это многое будет песчинкой на дне океана, мгновением в движении колеса жизни. И ты можешь узнать всё – но это знание будет заключено только в тебе. Выбор за тобой.

– Я уже сделал выбор. Но... могу ли я спросить?

– Ты здесь чтобы спрашивать.

– Знание людей – оно всегда будет песчинкой?

– Ты уже знаешь ответ. Песчинка вырастет, превратится в камень, скалу. Но ее будет окружать по-прежнему безбрежное пространство. Бесконечность. Ноу людей будет утешение.

– Утешение?

– Чем больше люди будут знать, тем лучше будут понимать, как мало они знают, как много им еще предстоит узнать. Что может быть большим утешением для пытливого ума? Но ты будешь лишен его. Ты готов?

Запомни – знание меняет всё. Ты переродишься. В минуты отчаяния ты будешь хотеть вернуться обратно в неведение и ты будешь знать, что, вернувшись, ты будешь страдать еще больше. Так готов ли ты?

– Я готов...

Резкий звонок телефона выдернул меня из сна. Опять сон... Я осмотрелся и понял, что лежу в своем номере в «Рамаде».

Я дотянулся до трубки. Вежливый голос напоминал мне, что я просил разбудить в 10:00.

Поблагодарив, я повернулся на спину и стал вспоминать вчерашний день. Яркие воспоминания о поездке в Гокарну, закате, о словах, сказанных мне из этого нереального заката, о старике с хитрой мазью, бешеная гонка по пути назад, разговор с совладельцем об индийской математике... А дальше? Сон это всё-таки, или не сон? Математика. Математика! Я резко сел в кровати. Даже если вчера я был под воздействием неких психотропных препаратов, от них не осталось ни следа. Голова была ясной. Мысли не путались. С телом тоже было всё нормально. Видимо, хозяин отеля не раз встречал

таких поздних гостей и точно знал, как сохранить их здоровье и достоинство.

Итак, математика. Нет, не так. Теперь только с большой буквы – Математика. Я складывал все видения и понимал, что теперь просто обязан разобраться с Математикой во всех ее проявлениях. От древних знаний и мистических составляющих до современных технологий. Тема казалась бесконечной и непреодолимой. Тем сильнее мне хотелось расставить всё по своим местам.

Числа древней Индии, знания Египетских жрецов, пифагорейское наследие, поиски Хокинга, – всё стало выстраиваться по местам. Даже немецкая философия Канта, и та вписывалась в картину Математического строения всего. Всё оказалось так взаимопроникновенно, что даже не верилось. Весь симбиоз знаний действительно открывался передо мной. Да и в Европе, первым, кто занимался изучением и формированием чисел для изучения и описания мира, был Леонардо Фибоначчи. Это я помнил еще с технического университета. Теперь я понял, что и кого видел внутри католической церкви в Италии. Царедворец... Леонардо... Фибоначчи... Мне было необходимо вернуться туда.

Я собрал свои вещи, плотно позавтракал, подошел на ресепшен, где рассчитался, и заказал билет из Индии до Италии. Единственной компанией, которая летела в Рим из Индии, оказалась Катар Эйрвейз, что меня устроило. Я попросил вызвать такси и стал ждать. Минут через пять появился

мой вездесущий строитель-гуру.

– Как жаль, сэ, что уже покидаете нас, – на его лице опять появилось ожидание трагической потери. – Надеюсь, что мы увидим вас еще неоднократно?

– Благодарю еще раз. Как и обещал, я теперь ваш.

– Похоже, что рикша ждет, – еще раз поклонился совладелец, который, так ни разу не сказал своего имени.

У крыльца стоял такой же «Амбассадор», какой возил меня в Гокарну, только стандартного желтого цвета.

Я сел на заднее сиденье и махнул ладонью приветливому хозяину. Он в ответ еще раз слегка наклонил голову. Через сорок минут передо мной распахнул двери бывший португальский, а теперь принадлежащий Индии аэропорт Гоа.

Часть вторая

*«...Веры слепой не питай', но не оставляй без
вниманья,
Не раздражайся, узнав, что обман принимают
за правду...
...Ты же будь твердым:
божественный род присутствует в смертных,
Им, возвещая, священная все открывает
природа.
Если не чуждо это тебе, ты наказы исполнишь,
Душу свою исцелишь и от множества бедствий
избавишь...»*

*("Золотые стихи" пифагорейцев Время Римской
империию*

Издавались с комментариями Гиерокла¹⁰)

Гибель Декарта

Еле переставляя ноги в этот ранний час, пересекая тронный зал по диагонали, по нему шел ссутулившийся мужчина. Звук шагов гулко отражался от высоченных коричневых стен. Свет от сотен свечей был скудным. Несколько каминов не давали достаточного тепла и воздух был тяжелым, про-

¹⁰ Издание М.:Тнозис", серия "Пирамида" 1996

хладным и влажным. Мужчина приблизился к сидящей молодой даме.

– Доброе утро, моя королева¹¹, я еще не приобрел стойкой привычки просыпаться так рано, но могу точно сказать, что это мне дается не очень легко, – сутулый мужчина с болезненно уставшим и невыспавшимся лицом стоял в глубоком поклоне перед молодой, одетой в мужское платье девушкой, которая сидела на стуле посреди мрачного зала.

– Вы позавтракали, Рене? – спросила она высоким красивым голосом. – Просыпаться на заре – узнать больше за день, а, значит, принести больше пользы. За месяцы, проведенные здесь, вам следовало выучить мои привычки.

¹¹ Христина Августа – королева Швеции, дочь Густава II Адольфа и Марии Элеоноры Бранденбургской.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.